

Роман-газета
4(88)

НИКОЛАЙ ШУНДИК

БЫСТРОНОГИЙ ОЛЕНЬ

Окончание

ГОСЛИТИЗДАТ

1953

Роман-газета

4(88)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1953

Николай Шундик

БЫСТРОНОГИЙ ОЛЕНЬ

РОМАН
В 4-х ЧАСТЯХ

(Окончание)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1

На Чукотку пришло долгожданное лето. Наступил круглосуточный день. Стаи диких гусей, морских уток, журавлей, лебединые стаи летели и летели с неумолчным радостным криком, спускаясь к бесчисленным чукотским озерам, рекам, чтобы здесь провести короткое лето, выкормить своих птенцов.

На пригретой незаходящим солнцем чукотской земле расцветала травами и цветами необыкновенно жадная к жизни тундра. Бескрайные речные долины, горные склоны были удивительно разнообразны по своим цветовым оттенкам. Зеленые цвета незаметно переходили в фиолетовые; желтые — в красные, нежно-розовые; синие переливались в голубые. В глубоких оврагах, в скалистых складках горных вершин виднелись извилистые линии вечного снега — родимые пятна сурового северного края. Горные плато напоминали гигантские дамбы, насыпи; изрезанные рвами весенних потоков, их склоны обнажали все пласты горных пород; черные, коричневые, желтые, краснобурые складки с серебристыми и золотыми прожилками, сверкающими на солнце, напластовывались одна на другую.

Неусыпное солнце стояло над тундрой. Чуть прикроет его туча — голубизна гор становится синей, зелень долин

и горных склонов — фиолетовой; туча растает — и краски сразу же неумовимо меняются.

И столько радости было в разноголосых криках птиц, в писке сусликов, в жужжании шмелей и ос, что даже угрюмые тощие волки, повалившись на спину, улыбочиво жмурились на солнце.

Иляй в этот день встал рано. Ночью ему спалось плохо. Да и как он мог уснуть спокойно, когда спал не дома, не в родном поселке, а в Илирнэе, когда ни на мгновение не мог забыть, что прибыл сюда делегатом на кустовое охотничье совещание. Это было таким огромным событием в жизни Иляя, что ему хотелось кричать на весь мир: посмотрите на меня, понимаете ли вы, что это значит, знаете ли вы, почему сегодня так ярко светит солнце?

И вот сейчас, когда весь поселок еще спал, Иляй вышел на берег моря, уселся на камень, задумался.

Море еще оставалось покрытым ледяными торосами. Но между торосами было столько ослепительных проталин, что глазам становилось больно смотреть на море.

Прислушиваясь к мелодичному звону капель, доносившемуся с берега, покрытого выброшенным льдом, Иляй благодушно улыбался, глубоко дышал всей грудью.

И вдруг позади себя он услышал тихий насмешливый голос:

— Видно, что у нас, в Илирнэе, и солнце куда лучше, чем в Янрае?

Иляй быстро повернулся и увидел илирнэйского охотника, которого все звали Лисой за изворотливость и хитрость.

Иляй встал на ноги.

— Почему ты думаешь, что Янрай хуже Илирнэя? — с достоинством спросил он. — Не мы ли обогнали вас на четыре песца в прошедшую зиму?

— Хи, хи, четыре песца, — сморщенное, с острым носиком лицо Лисы было насмешливым. — А посмотри-ка ты вот на этот дом, в котором я живу, — хорош дом, а?

Иляй посмотрел, куда показывал рукой илирнэец. Дом в самом деле был хорош. В глазах Иляя отразилась зависть.

— А теперь вспомни свою ярангу, — сладеньким голосом продолжал илирнэец. — Палочки тоненькие, шкуры порванные, на ветру болтаются и ни одного, слышишь, ни одного окна! А какое может быть солнце, когда ни одного окна нет?!

Иляй досадливо поморщился. Ему страшно хотелось возразить илирнэйцу. Но Лиса был хитрый человек, он хорошо знал, чем досадить янрайцу.

— Хи, хи... четыре песца, — продолжал он. — Вот сказали бы тебе: с одной стороны четыре песца лежат, с другой стороны стоит ветряная машина, которая солнечный свет дает, стоит пошивочная мастерская, косторезная мастерская, стоит питомник на сто собак... что ты хотел бы иметь — четыре песца или?..

— Замолчи ты, Лиса! — вдруг вышел из себя Иляй. — Хвастливый ты человек! Будет, будет все это и у нас!

— Хи, хи, будет, — все так же тихо, с ехидной улыбкой на тонких губах продолжал смеяться илирнэец. — Вот если бы у тебя спросили, что лучше: то, что уже есть, или то, что только будет, да еще неизвестно, будет ли, — что ответил бы ты?

Иляй задохнулся. Илирнэец окончательно и безнадежно испортил ему настроение благодушия и тихой радости, которым он только что упивался. Сжав кулаки, Иляй бросился к илирнэйцу.

— Вот я тебе покажу сейчас, какие у меня кулаки, тогда ты поверишь, что у янрайцев на все хватит силы!..

— Что ты, что ты, Иляй! — Лиса испуганно поднял к лицу руки и поспешно засеменял коротенькими ногами. Остановившись на почтительном расстоянии, он с прежним ехидством спросил: — Не скажешь ли ты, много ли может сделать морж со своей силой?

— О проклятая Лиса! — Иляй с решительным видом двинулся к илирнэйцу.

— Хи-хи-хи, — засмеялся Лиса и скрылся за строениями.

Повернувшись лицом к морю, Иляй долго стоял на одном месте. Возмущенный, он бормотал проклятья, грозился, что сумеет при людях так осмеять Лису, что тот навсегда потеряет охоту издевательски шутить над янрайцами.

Мало-помалу Иляй успокоился. Мысль о том, что вот через несколько часов он будет сидеть на собрании лучших охотников, которое можно назвать советом мудрейших, опять вернула его к прежнему настроению.

«Однако как же это вышло, что меня послали на это собрание? — вдруг спросил себя Иляй. — Остались же дома охотники, которые куда больше меня песцов поймали... будто бы Гэмаль настоял, чтобы меня на совещание послали...»

Мысль о Гэмале всегда рождала у Иляя самые противоречивые чувства. Он не мог не сознаться, что человек этот невольно вызывает в нем уважение, но тут же рядом уживалось чувство сжигающей зависти к нему, а временами, когда между ними становилась Тэюнэ, Иляй даже ненавидел Гэмалья.

«Ничего, ничего, может как-нибудь все это по-хорошему наладится... Может, Тэюнэ забудет Гэмалья. Есть же голова у нее и ведь умная голова; понимает же она, какой я теперь стал человек! Ого! Теперь даже самые красивые илирнэйские девушки поглядывают на меня ласковыми глазами. Посмотрела бы на это Тэюнэ, — с ума сошла бы от злости!»

Окончательно успокоенный, Иляй закурил трубку, тихонечко побрел по берегу, с нетерпением дожидаясь, когда начнется совет настоящих охотников.

Вошел в клуб Иляй важным и гордым. Весь его вид, казалось, говорил: смотрите, смотрите на меня, илирнэйцы, тот самый Иляй, которого вы считали пропащим человеком, прибыл на совет лучших охотников.

Усевшись в первом ряду, Иляй вытащил заранее приготовленный блокнот, послунил химический карандаш.

— Хо! Вот диво! Иляй, однако, писать уже научился, — вдруг услышал он где-то позади ехидный голос Лисы.

Иляй с трудом подавил в себе желание повернуться и как следует ответить насмешнику.

Собрание началось. После короткой речи председателя илирнэйского колхоза Омкара участники совещания выбрали президиум. За длинным красным столом уселись лучшие илирнэйские и янрайские охотники. Посредине, между Омкаром и Гэмалем, сидел секретарь райкома Ковалев; чуть дальше — Айгинто.

Ковалев внимательно осматривал прибывших на собрание колхозников, порой о чем-то переговаривался с Омкаром, Гэмалем и Айгинто. Иляю страшно хотелось, чтобы секретарь заметил его. Солидно покашливая, он глубокомысленно хмурил брови, желая этим показать, что отлично понимает всю важность происходящего события.

И вот Ковалев остановил свой взгляд на нем, на Иляе, приветливо кивнул ему головой. Иляй вскочил на ноги и, сам не зная, как это у него получилось, во весь голос воскликнул:

— Здравствуй, Сергей Яковлевич!

В зале раздался громкий смех. Иляй, как ошпаренный, оглянулся назад, затем, конфузливо улыбаясь, устремил взгляд на Ковалева.

— Здравствуй, Иляй. Очень рад тебя здесь видеть! — приветливо отозвался секретарь.

Смех умолк. Иляй снова оглянулся, теперь уже с победным, важным видом.

Внимательно слушал Иляй выступления охотников. Подражая Рутьгуну, стал записывать в блокнот. Вскоре он искренне жалел, что не умеет писать достаточно быстро: столько здесь говорилось мудрых советов, замечаний, предложений!

«Ничего, запоминать буду, все запомню», — думал Иляй.

Когда слово дали Ковалеву, Иляй попытался сесть еще ближе к сцене.

Слушал он Ковалева, как и все охотники, с огромным напряжением. И опять, как всегда, когда звал секретаря райкома к новому усилию, к новому подвигу, перед слушателями вставал образ советского солдата — героя, ведущего бой с врагом не на жизнь, а на смерть.

Враг отступает, но война идет беспощадная, кровопролитная. И не только гордость и радость от ощущения скорой победы слышат люди в голосе Ковалева. От слов его веет болью, тревогой за судьбу людей, идущих в бой.

Нет, рано думать об отдыхе. Рано думать о том, что пора хоть немного сбавить напряжение. Как раз наоборот — надо сделать гораздо больше, чем сделано до сих пор. То, что было выполнено колхозами за зиму, это лишь половина того, что надо сделать теперь.

— Слышишь, как говорит?! — шепнул Иляй своему соседу, в котором к своему изумлению узнал насмешника Лису. Поглощенный речью секретаря, Лиса не отозвался. «Тоже, как и я, перебрался на первый ряд, чтобы Ковалева лучше слушать», — подумал о нем Иляй.

— Здесь собралась лучшие охотники двух колхозов, которые за прошедший сезон больше всех в районе нашем поймали песцов, — говорил секретарь.

— Больше всех, понимаешь? А мы на четыре песца больше вашего, значит самые первые, — снова шепнул Иляй своему соседу.

— Не мешай, — отмахнулся Лиса.

— Каждый из вас может смело думать, что десяткам людей жизнь спас, десятки врагов помог уничтожить, — продолжал Ковалев. — Вот, например, январский охотник Пыкто...

Затаив дыхание, Иляй насторожился. Время шло. Ковалев называл и называл имена охотников, и каждый, чье имя было произнесено, принимал это, как награду.

Лицо Иляя выражало величайшее напряжение. «Назовет ли секретарь и меня?» — думал он. Ему было страшно подумать, что секретарь так и не скажет ничего о нем. Вот и рядом сидящего с ним Лису назвал секретарь. Лиса бесцеремонно хлопнул Иляя по колену.

— Мы, коммунисты, всегда смотрим правде в глаза, — после долгой паузы сказал секретарь райкома.

Сердце Иляя упало: перестав называть имена лучших охотников, Ковалев говорил теперь уже о другом. Ссутулившись, Иляй опустил голову.

— Наступающая зима для нас будет еще труднее, — продолжал секретарь. — Но кто сказал, что мы сейчас настолько из сил выбились, что стали слабее, чем вчера? Все скажут — мы стали намного сильнее. Вот скажи ты, Иляй, разве ты не стал в десять раз сильнее, чем был совсем еще недавно?

Иляй вспыхнул, хотел было встать, что-то ответить, но во-время одумался. «Сказал! И обо мне сказал!» — пронеслось в его голове.

— Конечно же, Иляй теперь в десять раз сильнее. Разве не он в прошедшую зиму поймал в десять раз больше песцов, чем ловил в любую другую зиму до этого? — спросил секретарь. — Да, он теперь настоящий охотник, и я уверен, что в следующую зиму Иляй еще сильнее станет...

Иляй был настолько обрадован и смущен, что даже забыл сказать что-нибудь извинительное своему соседу, хотя случай представлялся блестящий.

После секретаря выступил председатель илирнэйского колхоза. Лицо Омкара было насмешливым.

— Илирнэйцам хочу несколько слов сказать. Помните, кто из нас смеялся прошлой осенью: «Янрайцы ум потеряли! Янрайцам вздумалось нас догнать!»

— Это Лиса, Лиса у вас такой! — вдруг выкрикнул Иляй. Не ожидавший такого удара, Лиса страшно смутился и как можно дальше отодвинулся от Иляя.

— Смеялись многие над январцами, а теперь что получилось? — спросил Омкар. — Получилось, что январцы нас на несколько песцов обогнали... Предупредить своих колхозников хочу: как бы через год или через два и во всем остальном нас январцы не обогнали. Берегитесь, илирнэйцы! Ого, какой сильный у нас теперь сосед! Теперь есть нам с кем силой меряться. Радоваться надо! Кому не понятно, что всегда себя чувствуешь сильнее, если рядом с тобой сильный друг стоит!

— Теперь ты ответное слово скажи, — вполголоса обратился Гэмаль к Айгинто.

Председатель январского колхоза встал, одернул на себе гимнастерку.

— Те слова, которые сейчас Омкар сказал, пусть и январцы как следует запомнят. У нас тоже есть такие люди, которые от собственных хвастливых слов пьянеют! Как же, на четыре песца илирнэйцев обогнали! — насмешливо протянул Айгинто. — Боюсь, как бы эти четыре песца своими хвостами нам свет не загородили; слепыми, как щенки, станем...

— Да-да! Верно, Иляй у вас такой! — выкрикнул Лиса.

Зал грохнул от смеха. Иляй, красный от возмущения, глянул на соседа, перевел взгляд на Ковалева и потушился.

— Слепой человек — совсем слабый человек. А нам сильные люди нужны, — продолжал Айгинто. — Ого, как много нам сделать еще надо, чтобы илирнэйцев догнать!

— К примеру, чтобы все у нас в дома жить перешли. Не могу я больше в яранге жить! — поднялся на ноги Иляй.

— Что ж, передаю свое слово Иляю, — улыбнулся Айгинто, — говори дальше.

Иляй беспомощно огляделся вокруг.

— Говори, говори, Иляй, не стесняйся, — неожиданно предложил и секретарь.

Иляй переступил с ноги на ногу, с отчаяньем подыскивая такие слова, которые было бы не стыдно произнести на этом совещании настоящих охотников.

— Что ж, верно здесь говорили, хвататься нам, январцам, пока рано, — наконец ухватился он, как полагал, за самую главную мысль. — Что такое четыре песца! Так себе, пустяк просто. Вот если бы сказали человеку:

здесь четыре песка лежат, а вот здесь питомник для собак имеется, пошивочная мастерская, косторезная мастерская имеется, ветряная машина крыльями машет, свет дает, что важнее, а?

— Чего ж ты мои слова повторяешь, которые я тебе утром сказал! — воскликнул пораженный Лиса.

— Ну? А разве ты, а не я тебе говорил об этом? — переспросил Илий. В президиуме и в зале снова засмеялись.

— Ну все равно! Кто сказал, тот и сказал! — повысил голос Илий, расходясь не на шутку. — Вот сейчас же давайте, янрайцы, план такой наметим: питомник собак в этом году построить надо? Надо. Мастерскую пошивочную надо? Надо. Яранги сжечь совсем и построить новые дома надо? Надо. И машина ветряная нам тоже сильно нужна.

— Стадо племенных оленей забыл! — крикнул кто-то из янрайцев.

— А о косторезной мастерской почему забыл?

Янрайцы зашумели.

— Ну если даже Илий заговорил такими словами, значит победа у нас большая, — сказал секретарь райкома, обращаясь к президиуму. — Только не зазнаваться, не зазнаваться, друзья!

— Ну как, голова у тебя не кружится, как у нерпы, которая в водоворот попала? — шутливо спросил Омкар, прикладывая руку ко лбу Гэмалья.

— А сердце у тебя не бьется, как у зайца, бегущего от погони? — сверкнув белозубой улыбкой, ответил Гэмаль.

2

Солнцева готовилась к новому учебному году. Комсомольцы поселка помогли ей отремонтировать школу. Был среди них и Журба. Оленеводы вышли на летние пастбища к морю, а вместе с ними и инструктор райисполкома. В лыжном костюме, изрядно перепачканном глиной, краской, известью, Оля командовала своей армией, часто сама брала в руки ножовку или молоток, пилила доски, заколачивала гвозди сильными, меткими ударами. Чаще всего она подходила к Журбе, который, обрядившись в фартук из мешка, перекладывал печь.

— Ну как, скоро мы затопим? — Оля кивнула головой на печь.

— Думаю, к вечеру, — ответил Владимир и, улучив момент, неожиданно мазнул перепачканным в глине пальцем по кончику носа Солнцевой. Послышался дружный смех комсомольцев и учеников. Оля осторожно вытерла нос кончиком косынки и с прежней серьезностью спросила, по своей привычке прищурившись, как бы прицеливаясь:

— Интересно, куда в твоей печке будет тянуть дым: в трубу или в печную дверку?

Владимир с наигранным видом оскорбленного человека отвернулся в сторону, комичным жестом подоткнул фартук и, присев, заглянул в печную дверку «А вдруг в самом деле дым пойдет не туда, куда ему следует? — с тревогой подумал он. — Правда, в моей практике печника это уже третья печка, но...»

Оля присела на корточки рядом с Владимиром, слегка толкнула его плечом и участливо спросила:

— Волнуешься? Ничего, не волнуйся. Я надеюсь, что дым пойдет все же в трубу.

— Заставлю пойти! — нахмурился Журба и потрогал руками раму печной дверки — крепко ли вделана?

Солнцева поднялась на чердак, проверить, как идет ремонт крыши, Журба снова принялся за свою печку.

Вместе с комсомольцами в школе работала и Тимлю. Прислушиваясь к смеху и шуткам товарищей, она часто улыбалась, но иногда и тревожно поглядывала в сторону яранги Эчилина.

В класс вошел веселый и чем-то очень довольный Айгинто.

— С Олей недавно разговаривал, — шепнул он Тимлю, — сильно меня ругает за то, что не женюсь на тебе.

Тимлю смутилась, опустила глаза книзу, Айгинто жадно следил за ее лицом: «Ну что, что там у тебя на душе? Разве не видишь, как люблю тебя, как жду я, когда ты мне об этом же хотя бы глазами скажешь?» Но, кроме смущения и тяготившей ее неловкости, ничего другого на лице Тимлю не было. Сердце Айгинто упало. Где-то глубоко заговорила его мужская гордость. «Ну и пусть! Что, только одна Тимлю на свете? Встречу другую девушку», — твердил он себе, а сам с прежним напряжением ждал, что вот пройдет время и Тимлю одним взглядом, жестом успокоит его, подает надежду, что его любовь не останется без ответа. А Тимлю как-то замкнулась в себе, даже помрачнела. Она не чувствовала ничего плохого к Айгинто, скорее даже наоборот — она была благодарна ему за то, что он больше всех других в поселке пытался вырвать ее из цепких лап отчима. Но она знала, что любви к нему у нее нет. Девушка мучалась, порой пыталась настроить себя так, чтобы посмотреть на Айгинто другими глазами, но у нее ничего не получалось.

И вот сейчас, когда Айгинто отошел в сторону, она облегченно вздохнула и принялась за свою работу. На лице ее снова появилась бездумная улыбка, ей казалось, что она вот так всю жизнь работала бы с этими веселыми парнями и девушками.

И вдруг позади себя Тимлю услышала возглас Эчилина.

— Кажется, ты мне сказала, что идешь к старухе Уруут помогать выделывать шкуры, — тихо проговорил Эчилин, не отрывая своего холодного, режущего взгляда от падчерицы. Тимлю молчала.

— Пойдем домой, там объяснишь, почему меня обманываешь, — так же тихо и властно приказал старик.

— Тимлю не может сейчас уйти, — неожиданно прозвучал позади него голос учительницы. — Или ты, Эчилин, не хочешь, чтобы парни и девушки помогли мне отремонтировать школу?

Эчилин медленно повернулся в сторону Солнцевой и, усмехнувшись, вкрадливо ответил:

— А-а-а, это твой голос, Оля, слышу я! Но почему Тимлю меня обманула, почему не сказала, что на такую важную работу идет? Я бы отпустил ее, я бы ничего не сказал...

Тимлю задыхнулась от волнения. Ей хотелось крикнуть, что Эчилин лжет, что он не пустил бы ее, только поэтому она и решила обмануть его. Но сказать это у девушки не хватало смелости.

— Тимлю тебя не обманывала, — спокойно возразила Оля, беспечно накручивая на палец веревочку от связки ключей. — Просто я остановила ее, когда она к Уруут шла, и привела в школу. Нельзя же ей отставать от девушек и парней поселка.

— Вот именно нельзя ей отставать от девушек и парней поселка, — с такой же беспечностью, как и Оля, подхватил подошедший Владимир.

«Похоже на то, что они издеваются надо мной, как над мальчишкой», — подумал Эчилин.

— Ну что ж, работайте, работайте. Смотрите, чтобы Тимлю у вас лентяйкой не оказалась. Я рад, что она хорошим делом занята, — с наигранным миролюбием сказал он, чуть отступив к порогу.

— Рад, говоришь? — вдруг спросил молчавший до сих пор Айгинто. — Смотри, чтобы радость твоя не исчезла, когда Тимлю домой вернется. О том, что ты ей будешь говорить дома, она мне потом обязательно расскажет. Запомни: непременно расскажет! — жестко добавил он.

Когда Эчилин ушел, Тимлю вдруг охватил страх, она решила все бросить и бежать домой. Айгинто сразу это почувствовал.

— Чего ты так испугалась? — тихо, с какой-то особенной теплотой спросил он. — Не надо идти домой. Смелее будь. Уверяю тебя, что после нашего разговора Эчилин боится тебе хотя бы одно плохое слово сказать.

— Хорошо, я буду мыть окна дальше. Теперь все равно... — Тимлю не договорила и, решительно махнув тряпкой, которую держала в руке, сдержанно засмеялась.

Журба, скрывая свое волнение за шутилкой важностью, возился возле печи, разжигая в ней мелкие щепки.

— Отойдите подальше, а то может взор-р-р-ваться! — предостерегающе произнес он, нажимая на «р». Некоторые девушки испуганно попятились. Это вызвало общий смех.

Когда дрова в печке загудели, Журба несколько минут молча наблюдал за печной дверцей и вдруг торжествующе крикнул, глядя на Солнцева:

— Что я тебе говорил! В трубу идет дым! Не в дверцу, представь, а в трубу! За мной, товарищи! Полюбуйтесь с улицы на высокое искусство печника!

Вдоволь налюбовавшись дымящей трубой, комсомольцы вернулись в школу.

И тут послышался чей-то радостный, ликующий возглас:

— Смотрите, Эттын!

Все повернулись на голос.

За порогом, у открытой двери, стоял Эттын. Смущенный и обрадованный встречей с друзьями, он быстро и пристально оглядел комсомольцев, работавших на воскресенье, и остановил взгляд на Солнцева.

— Что же ты там стоишь? — встрепелась учительница. — Иди скорее, иди сюда, мы так по тебе соскучились!

Эттын мгновенно помялся, не зная, какой ногой переступить порог, и вдруг с какой-то особой решительностью двинулся навстречу друзьям. Его немедленно окружили плотным кольцом. Эттын поворачивал голову то вправо, то влево, крепко пожимал протянутые к нему руки; поду-

мав недолго над одним из вопросов, которые градом сыпались на него, он ответил.

— Вы спрашиваете, как я живу? Да так вот... видите?.. — Юноша не закончил и с ожесточением постучал деревянной ногой об пол. — Вот как живу!

Наступила напряженная тишина. Оля почувствовала, как холодок пробежал у нее по спине. Она смотрела в худое лицо комсомольца, на котором выражение радости вдруг сменилось угрюмостью, даже скорбью, и отказывалась верить, что перед ней Эттын. Полгода назад это был беззаботный восторженный юноша, почти мальчик, теперь перед ней стоял человек, казалось, уже проживший большую, трудную жизнь.

— На неделю приехал к вам, — вздохнув, продолжал Эттын, — потом опять в Илирнэй поеду... на колхозного счетовода учиться. Охотником-то мне уже никогда не быть... Потом, когда выучусь, в наш колхоз на работу вернусь.

— Пойдем-ка, Эттын, со мной, — неожиданно предложила Оля. И обратившись к остальным комсомольцам, добавила: — Не обижайтесь, ребята! Я знаю, всем вам с Эттыном хочется побеседовать, но я как комсорг в первую очередь хочу поговорить с ним.

Эттын послушно пошел за Солнцева. Усадив гостя у себя в комнате, Оля быстро подогрела чай, накрыла на стол. Эттын наблюдал за ней с мягкой, грустной улыбкой. В широко раскрытых черных глазах его появилось прежнее восторженное выражение.

— Оля, я хочу тебе большое спасибо сказать за твои письма мне в больницу, особенно за последнее письмо, — промолвил Эттын, попрежнему безотрывно наблюдая за девушкой. — Скажи, есть у тебя эта книга... О Павле Корчагине?.. Хочу прочитать ее.

Солнцева села на стул против Эттына и, положив свою ладонь на его крепко сомкнутые руки, сказала:

— Для того я и позвала тебя, чтобы дать тебе эту книгу. — Открыв стол, Солнцева вытасила «Как загалалась сталь». Вот смотри, здесь я написала, что дарю тебе на память. Прочти книгу, внимательно прочти. Ты поймешь, как хорошо комсомольцу иметь такое сердце, какое оно было у Корчагина...

Эттын бережно взял в руки книгу, прижал к груди и тихо сказал:

— Спасибо тебе, Оля, большое спасибо. Я знал, что когда увижу тебя, то у нас... все хорошо получится...

— Что ж, давай чайку поьем, о делах твоих поговорим, — весело предложила девушка, наливая Эттыну крепкий душистый чай.

3

Когда Эттын ушел, Солнцева направилась к печке, у которой Журба все еще что-то доделывал, поправлял.

Комсомольцы уже разошлись по домам. Напротив Владимира по другую сторону плиты стояла Нояно Митенко, прибывшая накануне в поселок вместе с группой оленеводов.

— Послушай, Володя, пойдем в тундру. Оленеводы скоро в путь тронутся, на зимние пастбища. Нельзя тебе

отставать, — говорила она, как-то по-особенному ласково глядя на Журбу.

Стоя у двери, Оля невольно залюбовалась девушкой. Нояно понравилась ей еще год назад при первой же встрече своей стремительностью, энергией, неутомимостью. В комнате отца она все поставила вверх дном, передвигая по-своему всю мебель. Перебегая из дома в дом в поселке, где она родилась и выросла, Нояно вносила с собой настоящую бурю. Расспрашивая у соседей о семейных новостях, она брала на руки детей, которые сразу же проникались к ней доверием, шутила, вспоминала смешные истории из своего детства, звонко смеялась. Нояно знала из писем отца, с какой любовью он относился к Оле, и потому в первый же день знакомства назвала ее сестренкой, с поразительной легкостью раскрыла перед ней свою душу, сумев рассказать, пусть сумбурно, порой отдельными восклицаниями, о своих жизненных стремлениях, вкусах, сокровенных мечтах. Поэтому Оля с такой же легкостью сразу прониклась к ней симпатией, почувствовала в Нояно близкого человека.

От матери-чужачки Нояно унаследовала тяжелые длинные косы, смуглый цвет кожи и черное пламя подвижных, широко раскрытых глаз. На отца она была похожа своей богатой самыми различными оттенками улыбкой и выразительным взглядом, в котором, в зависимости от настроения, то мелькала лукавая искорка насмешки, то отражалось что-то ласковое, мечтательное, то вдруг проглядывало что-то серьезное, настойчивое, пытливое. Живость движений, еле заметная горбинка правильного носа и горячий блеск глаз делали Нояно похожей на южанку.

Заметив в дверях Солнцева, Нояно протянула вперед свои стройные, смуглые руки и почти выпорхнула из-за плиты навстречу учительнице.

— Горит, Оля, хорошо печь горит! Володя, оказывается, такой замечательный печник!.. — воскликнула она смеясь. И схватив Олю за руки, потащила ее к печке. Любуясь девушкой, Солнцева многозначительно, с едва уловимой улыбкой посмотрела на Владимира.

— Пойду ужин готовить. Скоро отец должен вернуться с охотничьих участков, — вдруг став серьезной и сдержанной, сказала Нояно.

Когда Нояно ушла, Солнцева дернула за рукав Журбу и спросила, лукаво щурясь:

— Милая девушка?.. Правда?

— Хорошая! Очень хорошая! — простодушно ответил Владимир.

— Не кажется тебе, что ты ее полюбишь?

— Что? — переспросил Владимир. — Полюблю?.. — Немного помолчав, он добавил с прежним простодушием: — Что ж, она стоит серьезного чувства. А вообще-то я всех хороших людей люблю...

— Не лукавишь ли ты, не уклоняешься ли от ответа? — глядя пытливо в лицо Владимира, спросила Оля. — Ведь ты же знаешь, о какой любви я говорю. Мне очень хочется понять твоё отношение к Нояно.

Владимир солидно откашлялся:

— Что это... сцена ревности?

Глянув уголком синего глаза на Олю, он рассмеялся...

Петр Иванович умывался. Нояно стояла около него с полотенцем в руках. Старик фыркал от удовольствия, искоса поглядывая на девушку. Теплое ухаживание дочери трогало его.

Не успел Петр Иванович умыться, как Нояно подала ему чистую, тщательно выглаженную косоворотку.

— Зачем ты, дочка, наряжаешь меня, как на свадьбу? — добродушно нахмурился Митенко.

— Надевай, надевай, папа. Тебе очень идет эта косоворотка. И вот эти носки надень, я их заштопала. А твои туфли я вчера бисером расшила, посмотри, как красиво получилось.

Митенко взял домашние туфли с заячьей опушкой, залюбовался рисунком из цветного бисера.

— Спасибо, дочка, спасибо, родная, — наконец сказал он и смешно затоптался, не зная, что ему делать сначала: надеть ли косоворотку, или туфли.

К ужину подошли Владимир и Оля. За столом все с удовольствием слушали рассказы Нояно о последних новостях в тундре.

— Колхоз поручил бригаде Мэвэта племенное стадо разводить, — сообщила девушка. — Знали бы вы, как Мэвэт любит свое дело! А какой у него замечательный сын! Да и все они там настоящие оленеводы. А вот Кумчу зря бригадиром оставили...

— Почему зря? — поинтересовался Петр Иванович.

— Ты что, папа, Кумчу не знаешь? Не выйдет из него хорошего бригадира! — убежденно сказала Нояно. — Однажды поехала я с ним пастбища осматривать, так он просто взял и удрал в пути от меня.

— Трудно тебе, дочка, там, — вздохнул Петр Иванович. Глаза его были грустными, задумчивыми.

— С тебя пример беру: ты никогда легкий путь не выбирал. Так вот и мы с Володией через Анадырские хребты оленями дикими скачем, — смеясь, ответила Нояно и, встретившись с улыбающимися глазами Журбы, с живостью вытянула над головой руки, изображая ветвистые оленьи рога. Это всех рассмешило.

— Вот пройдет осень, зима, уйдет полярная ночь, — мечтательно сказала Нояно. — Солнце начнет подыматься все выше и выше. Весна наступит. Вечерняя заря станет встречаться с утренней. Приедете вы к нам в тундру: ты, папа, и ты, Оля. И пойдем мы вчетвером по речным долинам, по горным склонам и разговаривать будем и молчать будем. Хорошо весной в тундре, ай, как хорошо! Птицы летят, летят, летят...

Оля смотрела не отрываясь на девушку, любуясь ее смуглым, тонким лицом, все больше поддаваясь обаянию ее слов, ее мягкого тихого голоса, зовущего к солнцу, к весне.

После ужина Солнцева вышла на морской берег. Стараясь сохранить как можно дольше то чувство, которое родилось у нее в беседе с Нояно, Оля медленно шла во тьме по мокрой хрустящей гальке у самого морского прибоя, не замечая его ритмичных ударов. Порой между лохматых туч проглядывала луна, и тогда зеленый свет ее дробился в морских волнах, осыпал тусклыми искрами плывучие льды.

Думая о Нояно, Солнцева рядом с ней мысленно видела Владимира. Девушка догадывалась, что между ними пробежала та воспламеняющая сердце искра, которая никак

не могла родиться у нее самой и у Владимира, несмотря на их длительную, неслабвеающую дружбу.

Мысль эта, словно лунный свет, раздробившийся в морских волнах, вызывала в душе Оли что-то грустное, горькое. Опять пришло в голову, что, возможно, она родилась на свет с душой-пустоцветом. Думалось и о том, что, возможно, она просто не поняла свои чувства к Владимиру и потому не до конца открылась ему, не сумела всколыхнуть по-настоящему его душу, и теперь то, что должно было случиться, ушло навсегда.

Еще одна мысль, пока не ясная, билась где-то глубоко, но настойчиво. И странное дело, Оля пыталась заглушить эту мысль, почему-то боялась ее. Мысль эта была о Гивэе. За последнее время Солнцева все чаще и чаще ловила себя на том, что она скучает и даже тоскует, если Гивэй долго не появлялся в поселке, уходя с охотниками в море. Девушка уверяла себя, что она хочет видеть Гивэя просто как своего ученика, упорного и жаждного к знаниям; хочет видеть его потому, что уже давно поняла — не только она обогащает Гивэя знаниями, навыками, привычками культурного человека, но и он дает ей уроки беспощадной требовательности к себе, ясной целеустремленности, истинной страсти в движении к новому. «Да, да, люблю его, как в какой-то степени свое произведение, как скульптор любит свою работу», — твердила девушка, хотя в душе понимала, что дело здесь далеко не только в этом. «А в чем же?» — иногда задавала себе вопрос Солнцева и тут же с каким-то смутным беспокойством переключала мысли на что-нибудь другое. Не понимала Оля, что как раз именно в это время в ней и рождалось то большое и для нее неотвратимое, чего она ждала и чего сейчас пугалась. Уж так бывает у иных людей, что прежде чем осмыслят и признают свое большое чувство, они с каким-то подсознательным ожесточенным упорством пытаются заглушить его в себе: если умрет, значит оно не достойно было для жизни, а если разгорится в пожар, значит так тому быть.

Оля присела на камень и долго смотрела в море, прислушиваясь к его глубоким вздохам.

— Оля! Ай, моя Оля! — неожиданно сказал кто-то позади нее, совсем близко. Девушка вздрогнула, медленно повернулась на голос.

— Гивэй! Ты зачем здесь?

— Не могу я больше, Оля! Знаешь... поверь мне — сердце мое всегда чувствует, когда вот так ты одна... ходишь, чего-то грустишь. О чем ты?

Луна снова вышла из-за лохматых туч. Обильный дождь мерцающего света пролился на море. Оля посмотрела в лицо Гивэя и вдруг почувствовала, что она может задохнуться, если вот сейчас, в это мгновение, не схватит юношу за руки, не заглянет в его глаза совсем близко, близко. «Нет! Нет! Нет!» — закричал в ней кто-то второй, и она с испугом предостерегающе выбросила вперед руки и быстро проговорила:

— Не надо... не надо так, Гивэй... Ты пойдй, пойдй! Мне очень надо побыть одной...

Гивэй мгновение колебался, смутно угадывая в душе Оли ожесточенную борьбу, и тихо ответил:

— Хорошо, хорошо, Оля... Я пойду... ты прости меня.

С убитым видом юноша повернулся и, опустив голову, медленно пошел куда-то прочь от поселка по берегу моря, порой наступая на пушистые клубы пены ленивого прибоя. Оля неподвижно наблюдала за ним. Ей страшно хотелось крикнуть: «Гивэй! Постой, подожди!» Но все тот же, кто-то второй в ней, упрямо твердил: «Нет, нет, нет!»

Где-то в темном мраке, нависшем над морем, послышался густой, хриплый гудок парохода. Оля встрепенулась. Один раз, другой мелькнули красные точки огней. Повторившись до десятка раз многократным эхом, гудок уплыл в неведомую даль.

— На Кэрвук пошел пароход! — тихо сказала Оля, а в ушах ее все еще звучало страстное, идущее из самой глубины сердца: «Оля! Ай, моя Оля!»

4

В Январе намечалось открытие пошивочной мастерской.

Солнцева была полностью поглощена заботами и волнениями январских женщины: пошивочная мастерская представляла для них особенный интерес. Ведь это значило, что в работу в колхозе включатся теперь все женщины, даже старухи.

Под мастерскую был выделен один из жилых домов. Оля вместе с девушками-комсомолками оклеивала стены обоями, мыла пол, окна.

— Оля, у меня что-то клейстер не получается, совсем не клеит! — обратилась к ней жена Рультына. Оля направилась к Айне.

В это время дверь в мастерскую отворилась, и на пороге показался Айгинто. Окинув работающих взглядом, он нахмурился и, присев в углу, закурил трубку, задумался: «Тимлю не пришла, опять, значит, побоялась Эчилина».

Солнцева подошла к Айгинто, присела на корточки.

— О чем задумался?

— Много дум в голове, — вздохнул председатель, попыхивая трубкой. — Так рассуждаю: мастерская эта — дело большое. Надо, чтобы хорошо получилось, не хуже, чем у илирнэйцев. Кончим с мастерской, пойдем дальше. Обязательно выстроим в эту зиму и питомник для собак. Хватит покупать еобак в Илирнэе, сами продавать будем.

— Заметил, с какой радостью относятся к мастерской? — сказала Оля. — Надо, чтобы колхозники сразу увидели всю выгоду от нее.

— Думаю, кого бы заведующим поставить. Не посоветуешь ли? — спросил Айгинто. — Ты, знаешь, конечно, какую женщину надо для такого дела: швею хорошую, чтобы других учила, серьезную, строгую, чтобы не только уговорить, но и приказать могла... тогда порядок будет, польза от мастерской будет...

Подумав, Оля оживленно сказала:

— Я знаю, кого надо поставить. Очень хорошая швея. Как ни зайду к ней, всегда что-нибудь шьет; прочно, красиво шьет. Только я пока не назову тебе ее.

— Нет, ты лучше скажи. Интересно знать.

— Подожди немного. Сегодня у нас комсомольское собрание. Ты придешь, конечно... Вот после собрания мы и поговорим с тобой, посоветуемся.

Айгинто ушел, Оля принялась помогать девушкам.

«Да, хорошая швея, очень хорошая. Но может ли она руководить мастерской?! Надо попробовать. Надо помочь, — думала учительница, прислушиваясь к шуткам и смеху девушек. — Схожу сейчас к ней, поговорю... Сначала она, конечно, испугается, но я уговорю ее».

Вскоре Оля была уже в яранге Эчилина, беседовала с Тимлю.

Слова учительницы привели девушку в смятение. Но Солнцева говорила так убедительно, так горячо, что Тимлю подумала: «А что, если попробовать?.. Я бы очень старалась! Я бы очень, очень старалась!»

— Ну, а Эчилин как же? — тихо спросила она, боясь, чтобы вопроса ее не услышал отчим, взошедший с починкой нарты в шатре.

— Что тебе Эчилин? Ты о колхозе думай! Ты же комсомолкой стать собираешься. Что тебе посмеет сделать Эчилин, если тебя само правление, само колхозное собрание поставит заведующей мастерской? — не унималась убеждать Оля. Она все ближе и ближе подвигалась к Тимлю, заглядывая ей в глаза то с укором, то настойчиво и требовательно, то ободряюще. — Ну, решайся, решайся, Тимлю. Смелее будь! Ты же такая хорошая швея! Я же знаю, что даже лучшая у нас швея, старушка Оканэ, всегда в пример другим женщинам твою работу ставит. Потом о тебе на собрании хорошие слова говорить будут, в районной газете писать о тебе станут.

— А ты поможешь мне, а? — цепко ухватив руку Солнцевой, спросила Тимлю. — Ой, знала бы ты, как мне страшно! А как хорошо было бы!

— Помогу, обязательно помогу, Тимлю, — перешла на горячий шопот Оля, чувствуя, что Эчилин прислушивается к их разговору.

После комсомольского собрания Айгинто зашел к учительнице и нетерпеливо спросил:

— Ну, кого же ты советуешь в мастерскую?

— Сядь, — предложила Оля, подвигая гостью стул. Она медлила с ответом. Это заинтриговало Айгинто.

— Да говори же ты, Оля! — не выдержал он.

— Заведующей мастерской надо поставить замечательную швею, очень хорошую девушку, которую мы готовим в комсомол. Ты ее хорошо знаешь. Я говорю о Тимлю.

Айгинто был ошеломлен.

— Тимлю? — переспросил он после минутного молчания. — Нет! Это невозможно, совсем невозможно!

— Нет, вполне возможно, — спокойно и даже с какой-то беспечностью в голосе возразила Оля. И тут же засыпала Айгинто доводами, почему именно Тимлю надо поставить заведующей мастерской.

— Именно сейчас она по-настоящему начинает просыпаться. Понимать надо: ответственность за успех мастерской окончательно взбудоражит ее и зажжет на большие дела. Да, да, Айгинто, поверь мне. Такие, как Тимлю, если их растормошить как следует, потом горы свернуть смогут. Надо быть педагогом, Айгинто. Каждый настоящий руководитель должен быть хорошим учителем.

Наконец ты сам все время твердишь Тимлю, чтобы она смелой была. Так будь же сам смелым, Айгинто!..

— Подожди, подожди, Оля, — замахал руками председатель, как бы прося пощады. — Ты столько наговорила, что у меня голова закружилась... Дай-ка... сообразить... Признаюсь тебе честно: Тимлю мне и в голову не приходило заведующей ставить. Да и сейчас боюсь... Для этого твердый человек нужен, чтобы и приказать мог...

— Боишься?! Боишься, значит! — немедленно перешла в атаку Оля.

Айгинто прикрыл рот рукой, как бы говоря: виноват, не то слово вырвалось.

— Да не боюсь, нет! — нажал и он на голос. — Я только хочу сказать, что Тимлю... не справится и тогда совсем испугается, и мы все, все испортим... А нам нужно, чтобы мастерская эта сразу же не хуже илирнейской стала.

— Ах, Айгинто, Айгинто, — разочарованно протянула Оля, — еще говоришь, что любишь Тимлю...

— Вот, понимаешь, как раз потому, что люблю ее и... и боюсь...

Оля снова начала приводить свои доводы в пользу Тимлю.

— Правильно тебя ругал Гэмаль за то, что ты не всегда веришь в людей, за то, что сам пытаешься заменить всех. Ты, наверное, и мастерскую взял бы на свои плечи, если бы, как женщина, шить мог...

Айгинто засмеялся.

— Да, при мне настоящий порядок был бы. А Тимлю... ее и слушаться не будут, она такая тихая, пугливая, как дикий олень...

Не скоро ушел председатель от Солнцевой, так и не решив ничего.

Не успела Солнцева проводить Айгинто, как в ее комнату вошла необычайно взволнованная Тэюна.

— Оля! Я ушла... я совсем ушла от Илья! — с озлобленным торжеством громко сказала она, не в силах отдышаться.

Тэюна сбросила с головы платок и уставилась на Олю неподвижным, спрашивающим взглядом.

— Садись, садись, — засуетилась Оля, обдумывая, что ответить гостье.

Тэюна села на стул и вдруг улыбнулась как-то жалко и виновато.

— Решилась я. Совсем ушла от Илья. Не могу больше... Со старушкой Уруут стану жить... Завтра смеяться надо мной в поселке будут.

— Почему смеяться? — спросила Оля, чувствуя, что эта женщина пришла к ней именно для того, чтобы посмотреть на себя ее глазами, услышать приговор своему поступку, дать на проверку ей свою совесть.

— Смеяться, наверное, будут, Оля, а Гэмаль, быть может, еще и разозлится, — тихо продолжала Тэюна, с какой-то жадной подозрительностью глядя на учительницу, боясь ее осуждения.

— Не надо так, Тэюна! Зачем такие слова говоришь? Разве тебя не знают люди в поселке? Кто может о тебе что-нибудь плохое сказать? — Оля мягко взяла Тэюна за руки, участливо заглянула ей в глаза. — А Гэмаль... Что ж Гэмаль... если он любит тебя, то должен помочь как-то...

— Нет, никак не может он мне помочь, — быстро заговорила Тэюна, словно боясь, что Оля не дослушает ее до конца. — Ему самому помочь надо. Трудно, сильно трудно Гэмалю. Позавчера он мне сказал: «Сошлись на одной тропе три человека: Тэюна, Илай и Гэмаль. Не могут разойтись. Кому-то из трех в сторону свернуть надо. Больно мне слова эти тебе, Тэюна, говорить, но я честно скажу: уже пробовал один раз свернуть в сторону, ничего не вышло. Попробую второй раз. Уехать мне надо из Января...»

— Расскажи об Илае, — попросила спокойно Оля. — Что же у вас произошло?

— Ударил меня Илай! — Тэюна гневно сверкнула глазами. Губы ее дрогнули, а на лице появилось выражение глубоко оскорбленного человека. — Понимаешь, прямо по лицу меня ударил Илай. Как узнал он, что некоторые женщины решили перейти с охоты на работу в пошивочную мастерскую, так стал говорить, чтобы и я так сделала. Но как я могу свою бригаду бросить? Я же бригадир!.. Илай сильно рассердился и ударил меня. И вот я ушла. Совсем ушла от него. Не могу больше с ним жить. Пусть, хотя его уже лентяем не называют, все равно не люблю... Ненавижу!

— Ну что ж, Тэюна, — в глубокой задумчивости отозвалась Оля, глядя куда-то в одну точку. — Ты хочешь знать, какие слова я тебе в ответ скажу?

Тэюна крепко зажала в руках концы кос, переброшенных на грудь, и замерла.

— Скажу я тебе вот что, — продолжала Оля. — Помоему, тебе это уже давно надо было сделать. Винават Илай, а не ты. Винаваты и те старые законы, обычаи, по которым жили ваши родители. Все в поселке знают, что тебя с Илаем еще детьми поженили. В поселке не будут говорить о тебе плохих слов.

Тэюна глубоко вздохнула.

— Спасибо, — тихо сказала она и вдруг заплакала.

— Успокойся, успокойся, — уговаривала Оля, обнимая Тэюна за плечи. — Если родители делают ошибку, то их дети имеют право исправить ее. Ты не с одним Илаем порываешь, ты окончательно порываешь со старыми, тяжелыми обычаями, со страшными обычаями, от которых очень трудно было народу твоему. Вот так мы и скажем людям!

5

Кандидатура Тимлю вызвала не мало возражений. Трудно было многим январцам представить себе эту незаметную, робкую девушку руководительницей мастерской.

Айгинто молчаливо вслушивался в спор, разгоревшийся на собрании. Противоречивые чувства волновали его. Не зная, на чем остановить свой выбор, он молчал.

— Что это выдумали? — доносился до его слуха возмущенный голос Эчилина. — Разве можно такое дело непонимающей девочке поручать? Мастерскую строим, такую мастерскую, как у илринэйцев! Плохо, однако, у членов правления колхоза сердце болит за такое большое дело, если Тимлю заведующей ставят хотят! Она мне, можно сказать, родная дочь. Я мог бы тоже кричать, чтобы ее заведующей поставили. Но я не могу...

— А почему не можешь? — вдруг послышался голос Тэюна. — Видно, потому, что не хочешь Тимлю из январги своей выпускать; потому, что дома заставляешь ее на себя шить, убирать, варить, собак кормить...

— Зачем перебиваешь, когда мужчина говорит? — возмутился Эчилин. — Тебе ли здесь голос подавать, женщина, которая, как собака, от своей упряжки отбившаяся, от мужа убежала...

Тэюна как-то сразу смолкла, опустила на скамейку. Среди старух пронесся шепоток, кто-то злобно захихикал.

— Нельзя, никак нельзя Тимлю заведующей ставить, — Эчилин повысил голос, чувствуя поддержку.

Спор разгорался. Но у Тимлю были не только недоброжелатели, но и сильные покровители. После выступления Солнцевова, Гэмалья и Митенко собрание встало на сторону Тимлю.

С трепетным страхом вошла Тимлю в мастерскую. Женщины-швеи по-разному встретили ее в первый день. Одни недоверчиво, с насмешкой, другие ласково — и таких было большинство.

— Со мной Оля сегодня разговаривала, — по секрету сообщила Тимлю жена Пытто Пэнэв. — Серьезно очень разговаривала. Просила меня помогать тебе.

Не прошло и десяти минут, как к Тимлю подошла точно с таким же секретным разговором и жена Нотата.

Долго думала Тимлю, с чего же ей начать свою работу, чтобы ее считали хорошей заведующей мастерской, и решила на одном: надо самой очень хорошо шить, прочно и красиво шить. Потом и других можно, как говорит Оля, упрекнуть или даже поругать, если они не будут как следует стараться.

Тимлю была изумлена тем, что грозный отчим, объяснения с которым она больше всего боялась, первое время словно и не замечал происшедшей перемены в ее жизни. Он не спрашивал, как идут у нее дела, не возмущался, как прежде, тем, что она уходила из дому и приходила, когда ей вздумается. Все это Тимлю воспринимала, как счастливый сон: Она не в силах была поверить до конца в свое счастье.

Но вскоре девушка убедилась, что отчим не так уж просто относится к перемене в ее жизни. Однажды, вернувшись вечером домой, Тимлю принялась готовить себе ужин.

— А разве в мастерской вас не кормят? — с улыбкой, не предвещавшей ничего доброго, спросил Эчилин. — Дома у нас ничего нет. Придется тебе без ужина ложиться.

Тимлю посмотрела на Эчилина, с безучастным видом вздохнула и принялась за выполнение домашнего задания по ликбезу.

— Продвигайся вон туда, — указал Эчилин в самый темный угол полога, — а здесь, у лампы, я буду алыки¹ починять.

Тимлю хотелось сказать, что они прекрасно уместятся у лампы вдвоем, но, глянув в холодные глаза Эчилина, она с привычной покорностью отодвинулась в угол.

¹ Алыки — собачья упряжка.

«До каких же пор я буду все это терпеть? Кто меня заставляет жить у Эчилина?» — подумала она и впервые почувствовала, что жизнь ее теперь слита воедино с жизнью колхоза, поселковой молодежи, с жизнью учительницы Оли.

Долго не могла уснуть в эту ночь Тимлю, а наутро уверенной и спокойной ушла на работу в свою мастерскую.

До половины дня на душе у нее было особенно радостно. С утра зашли в мастерскую члены правления колхоза во главе с Айгинто, осмотрели мастерскую, проверили, как выполняется заказ по пошивке торбазов для Красной Армии, похвалили швей и заведующую за хорошую работу.

Эчилин видел, что с падчерицей его произошло что-то непонятное. Старик уже был не в силах держать ее в повиновении. И тогда он пошел на подлость. Заметив на ногах у Тимлю новые торбаза, он пустил по поселку слух, что заведующая мастерской ворует колхозные камусы¹, использует их на свои нужды.

Клевета привела Тимлю в смятение. Все рушилось для нее. Погрузившись в оцепенение, она не думала, что ей надо идти на работу, что ей нужно как-то объясниться с Эчилином, доказать людям, что она не брала колхозные камусы. Девушка думала о предстоящем комсомольском собрании, не в силах представить себе, как она будет смотреть людям в глаза: ясно же, она, Тимлю, хорошо теперь знает, что значит быть в комсомоле! Нечестным людям совсем нечего делать в комсомоле, их туда и близко не подпускают.

Но вот Тимлю подумала о том, что ее никто не имеет права называть нечестным человеком. Конечно же, разве этот злобный человек Эчилин говорит правду? Разве она, Тимлю, и в самом деле вор? Разве могут настоящие люди сразу поверить Эчилину, а ей, Тимлю, нет? И разве это не ей, Тимлю, и Оля, и Айгинто, и многие другие не однажды говорили, что комсомольцы такие люди, которые зря себя в обиду не дают?

Девушка наскоро вытерла мокрое лицо. Вспыхнувшая с особой силой ненависть к Эчилину вытеснила страх перед ним. Теперь она думала о том, что ей надо не сидеть в углу со слезами на глазах, а что ей надо пойти и всем доказать: «Эчилин лживый человек, он очень и очень злой человек...»

«Да, да, надо делать так: хватит терпеть! Мне помогут, мне обязательно мои друзья помогут!»

Так оно и вышло. На помощь Тимлю пришла Оля. Она вбежала в ярангу Эчилина, схватила Тимлю за руку и повела за собой, приговаривая:

— Идем, идем, Тимлю, ко мне. Мы заставим Эчилина откусить свой лживый язык; идем смелее за мной, Тимлю!

«Что же мне осталось делать? — мрачно рассуждал Эчилин, посасывая трубку в пологе своей яранги. — Отняли они у меня силу, совсем отняли. Скоро, наверно, и мальчишки безнаказанно в меня камнями бросать станут. Такая вот жизнь у тебя наступила, Эчилин...»

Неожиданно чобьргын полога поднялся, и Эчилин увидел улыбающуюся физиономию заведующего торговым

отделением. Без удивления он подумал о том, что обрадовался приходу гостя. Как-то уж сумел этот довольно частый у него гость понравиться ему, хотя Эчилин не мог сказать себе только, как это вышло.

— Заходи, заходи ко мне, чаю попьем, — засуетился Эчилин, — вот только жена моя куда-то ушла, ну да ничего, я и сам... сам как-нибудь...

Савельев сел на белую шкуру оленя, посланную для него Эчилином, пристально всматривался в лицо хозяина. О клевете на падчерицу и на председателя колхоза, пущенную Эчилином по поселку, он уже знал.

«Шипишь, как змея шипишь, а вот ужалить как следует не можешь», — думал Савельев об Эчилине.

Подогрев на примусе чайник, Эчилин расставил перед гостем чайную посуду.

— Вот посмотри на мою голову, видишь, сколько седых волос? — спросил Эчилин, наклоняясь почти к самому лицу гостя. — Так вот, когда это было, чтобы старика с седой головой молодые не почитали? А вот падчерица моя так поступает, словно меня и на свете нет. Уходит куда и когда ей вздумается, никогда совета не спрашивает.

— О, как же это можно? — изумился Савельев. — Это нехорошо. У нас, у русских, так не принято. Молодежь всегда должна стариков уважать. Так наши школы учат, так правительство учит.

— Школы учат, — иронически улыбнулся Эчилин. — Разве этому наша учительница учит? Не она ли падчерицу мою совсем испортила? Непослушной сделала?

— Молодая совсем еще учительница, сама не понимает многого, — сокрушенно вздохнул Савельев. — Вот как-нибудь поговорю с ней, а то, быть может, и в рай-исполком напишу, чтобы поругали ее как следует. У нас, у русских, такое не принято, чтобы родителей дети не слушались...

— У вас, у русских, не принято, — снова иронически улыбнулся Эчилин. — Хорошо, если бы все русские рассуждали так вот, как, допустим, ты рассуждаешь...

— Да, да, это было бы неплохо, — отозвался Савельев, — так мы и думаем. А на этих молодых, вот как Оля, пожаловаться следует... Это они по молодости, по глупости... Я как-нибудь поговорю с Олей.

В шатре яранги послышались чьи-то быстрые шаги. Эчилин поднял чобьргын и впустил в полог Петра Ивановича Митенко.

— Ты... Ты чего это на Тимлю наболтал? — тяжело дыша, еле сдерживая негодование, спросил у Эчилина Митенко. Косматые брови его, сдвинутые к переносью, сжатые кулаки не предвещали ничего хорошего: Эчилин знал, каким бывает в гневе Митенко.

— Значит, прибыл домой, долго ты ездил, соскучился по тебе янрайцы, — миролюбиво сказал он, пытаясь остудить гнев Митенко.

— Нет, лиса, ты мне скажи, почему нехорошее о Тимлю болтасшь? — Митенко еще ближе подвинулся к Эчилину. — Ты скажи мне, когда переделаешь свою паскудную душу? До каких пор ты будешь честных людей за ноги, как собака бешеная, хватать? Все простили тебе янрайцы: и то, что ты когда-то грабил их, и то, что ты дружил с этим вонючим псом Стэнли. А ты...

¹ Камус — шкура, снятая с ног оленя.

как ценишь ты все это? Шкура ты волчья, а не человек. Не один раз уже мне приходилось с тобой таким громким голосом разговаривать, а толку, вижу, мало! Но теперь не то, что двадцать лет назад! Сейчас тебе никто не позволит обижать честных людей! Выйди на улицу, и ты увидишь, что над тобой малые дети смеются! А камусы, из которых Тимлю торбаза сшила, я сам ей у оленьих людей купил. За это она мне рукавицы сшила. Ясно тебе? Сейчас об этом уже весь поселок знает. Советую тебе откусить язык и выплюнуть собакам!

Тряхнув в гнев Эчилина за шиворот, Митенко так же внезапно, как вошел, покинул ярангу.

Тимлю не вернулась в ярангу к Эчилину. Приютила ее у себя Пэпэв.

6

После ухода Тимлю Эчилин долго лежал в своем положении, выкуривая трубку за трубкой. Ощущение бессильной злобы изнуряло его. Эчилину не хотелось верить, что падчерица навсегда вырвалась из его рук.

«Неужели я стал уже совсем бессильным? Почему ни один из моих капканов ничего не поймал? Разве не я совсем еще недавно думал приручить к себе этого волка Айгинто, сделать его своим послушным щенком? А что из этого вышло?»

Опрокинувшись на оленьи шкуры, Эчилин закрыл глаза руками, с трудом подавляя в себе желание накричать на жену, безмолвно возмешуюся с чайной посудой. Ему чудилось, что в груди его клубится едкий, удушьящий дым от костра, которому так и не суждено вспыхнуть жарким пламенем удовлетворенной мести.

«Нет! Я так не могу! — вдруг мысленно крикнул Эчилин. — Костер загорится! Огонь вспыхнет! Это будет огонь моей мести! Иначе я совсем задохнусь. Да, да! Это будет огонь моей мести!»

Эчилин приподнялся на локтях.

«К вечеру Айгинто должен вернуться, и вот тогда его дом... Нет, лучше... клуб! Пусть знают, что это им всем мечь! Всем! На улице ветер. Наступит ночь и тогда... Тогда все в поселке увидят огонь моей мести! Только надо быть осторожным, очень осторожным, хитрым, как старая лиса! Сейчас я уеду, правда, снегу еще нет, но тундра уже в инее. Как будто к оленьим людям за мясом уеду... А ночью...»

— Собирай в дорогу! Поеду в тундру! — приказал он жене.

Вскоре Эчилин уже запрягал собак. И тут у яранги неожиданно для Эчилина появился Савельев.

— Ты куда собрался? — спросил он, пристально всматриваясь в лицо Эчилина.

— В тундру, за мясом.

— И на сколько дней?

— Да дня на два, на три, — неприязненно ответил Эчилин, несколько смущенный и встревоженный пронзительным взглядом Савельева.

— А разрешение у председателя спросил?

— Нет. Не спрашивал. — Эчилин отвернулся от Савельева, принялся поправлять алыки на одной из собак. —

Не хочу с этим волком разговаривать. Пусть покричит, да и успокоится.

— Как же это? А? Надо председателя уважать, — с укором произнес Савельев, рассматривая нарту.

— Ну и уважай его сам! — вышел из себя Эчилин. — А я поеду!

Сдвинув с места нарту, Эчилин яростно закричал на собак. Савельев долго стоял на одном месте, наблюдая за уходившей из поселка нартой.

Эчилин остановился за высоким холмом, отъехав километров пять. Быстро наступала ночь. Покрытое тучами небо было темным. С моря дул северный ветер.

Эчилин волновался. Его знобило.

«Ничего! Сейчас согреюсь! Сейчас за многие годы отогреюсь!» — успокаивал он себя.

Когда все огни в домах потухли, Эчилин вытащил из сумки на нарте бутылку с керосином, понюхал ее и пешком направился в поселок, оставив закрепленную нарту у холма.

Чем ближе подходил Эчилин к поселку, тем вкрадчивее становился его шаг. Весь превратившись во внимание, он чутко прислушивался к спящему поселку, пытаясь угадать — не вышел ли кто на улицу. Где-то в конце поселка завывала собака. На ее голос откликнулись другие. Эчилин присел, чувствуя, как ему становится нестерпимо жарко.

Выждав, когда собаки утихнут, Эчилин, пригибаясь почти к самой земле, как тень, проскользнул к клубу. Прижавшись к стенке, он перевел дыхание, откупорил бутылку, нацупал за пазухой кухлянки мешочек с табаком и спичками.

И вдруг из-за угла дома вышел человек. Эчилин выронил бутылку, хотел бежать, но человек крепко схватил его за руку. Эчилин второй рукой выхватил из чехла на поясе нож. Человек схватил и вторую руку Эчилина и так заломил ее за спину, что тот, чуть вскрикнув, выронил нож.

— Успокойся! Это я, Савельев. Пришел сюда за тем, чтобы спасти тебя!

— Спасти?! — придушенным голосом спросил Эчилин и дернулся еще раз, пытаясь вырваться из цепких рук Савельева.

— Да. Спасти. Ты с ума сошел! Ты же так себя погубишь!

Растерянный и обессиленный, Эчилин молчал, не понимая, что с ним происходит.

— Пойдем со мной. Дома я все объясню.

Савельев нагнулся, поднял нож Эчилина, спрятал его в карман.

Чувствуя недоюжинную силу в руках Савельева, Эчилин подчинился.

— Я знал, что ты не уедешь в тундру, не вернувшись ночью в поселок, — доносился до Эчилина, словно откуда-то из-под земли, голос Савельева. — Ждал. Продрог из-за тебя, как щенок!

— Почему знал? Шаман, что ли?

— Да, шаман. Пойдем скорее... Дома я тебе все объясню, — ответил Савельев, наконец отпуская руку Эчилина.

Вечером Гэмаль зашел к Айгинто. Накопилось много неотложных дел. Председатель и парторг боялись, что, увлекшись заготовкой на заламах бревен для домов, строительством мясохранилища, питомника для собак, они останутся в подготовке к охоте на пушного зверя. А охота на песца в работе колхоза попрежнему занимала главное место.

— Может, в этом году не будем строить питомник? — спросил Айгинто.

— Как это не будем строить питомник? — послышался из-за фанерной перегородки возмущенный голос.

Гивэй раздвинул занавеску на двери и вышел из своей комнаты с чертежами и книгой в руках.

— Вот, смотрите, как надо строить питомник. — Гивэй разложил на столе чертежи. — А вот эту книгу очень умный человек написал: знает, как должны жить собаки, как за ними ухаживать.

Гэмаль неторопливо перелистал страницы, останавливая внимание на рисунках, изображавших различные кормушки для собак. Айгинто погрузился в чертежи Гивэя!

— А материал, материал где возьмешь? Досок сколько надо! — обратился он к брату.

— Найдем материал! — Гивэй широкими движениями засучил рукава клетчатой кофочки, словно намереваясь доказывать свою правоту кулаками.

— В зале бревна без сучков есть. Я уже пробовал колоть, замечательно колотятся! Топоры, рубанки у нас есть, пилы, ножовки тоже есть.

Гэмаль с теплой улыбкой смотрел в возбужденные глаза юноши, одобрительно кивая головой.

— Но доски, дерево это еще не все, — продолжал Гивэй. — Нам железа всякого надо: крючки, шарниры, решетки. Но мы это сможем сделать сами. Жесть, и тонкая и толстая, у нас найдется. Банки резать будем, железные бочки рубить. Проволоки разной у нас сколько угодно. Чего еще надо? Пустяк совсем: нужны головы и руки. Но и это как будто у нас есть.

— Правильно говорит твой брат, — обратился Гэмаль к Айгинто. — Вот его и назначим главным инженером по строительству питомника. А ну-ка, Гивэй, давай объясни нам свои чертежи и рисунки.

Все трое склонились над чертежами.

Через полчаса Гивэй заторопился к Оле на очередное занятие.

— Побегу! Ждет она! Сегодня по литературе и алгебре занимаемся!

Когда Гивэй вышел из комнаты, Айгинто вздохнул и тихо промолвил:

— Опять к ней пошел!.. Пойди-ка сюда, посмотри, что он сделал..

Оба вошли в комнату Гивэя.

— Сколько книг! — изумился Гэмаль, осматривая полки, заполненные книгами. — Когда это он их насобирает?

— Совсем недавно стал собирать. Но ты знаешь Гивэя: если порох загорится, обязательно выстрел будет. В торговом отделении все скупил! С полярной станции

тоже какого-то книжного старья привез, не нужного никому.

Гэмаль потянулся к полке.

— Подожди книги брат, сюда посмотри. — Айгинто вытащил из-за тумбочки свернутую в трубку плотную бумагу, развернул. — Кто это, а?

— Оля! Да это же Оля! — воскликнул Гэмаль, всматриваясь в портрет.

— Это он с ее фотокарточки срисовал. Сидит, сидит по ночам... И вот я однажды подсмотрел потихонечку... Любит он ее, ай, как любит!.. Просто боюсь за него...

Айгинто спрятал на прежнее место портрет и потянулся к тетрадам брата, которые аккуратной стопкой лежали на столе.

— Однако и другое хочу сказать о Гивэе, — продолжал Айгинто. — Стыдно даже тебе сознаться. Посмотрю, как он циркулем круги чертит, буквы какие-то непонятные ставит, высчитывает что-то, — зависть во мне, как костер на ветру, разгорается. И удивляюсь ему и завидую, сильно завидую!..

Айгинто открыл одну из тетрадей, бережно стал перелистывать. Гэмаль всматривался в страницы, заполненные рисунками, чертежами, расчетами, и в умных, пытливых глазах его тоже загорались огоньки зависти.

— Вот что сказать тебе хочу, — наконец отозвался парторг, когда Айгинто сложил тетради в стопку. — Обогнал нас с тобой Гивэй, сильно обогнал!

— Что? Что ты такое сказал? — Айгинто расхохотался.

— Чего хохочешь? — Гэмаль встал, подошел к полке с книгами. — Не теми, совсем не теми глазами ты на брата своего смотришь. Да и я... и я такой же!.. Завальничали мы с тобой, Айгинто, надулись, как совы, и, как совы же, в светлый день не все видим.

— Какие еще такие совы? — рассердился Айгинто. — Быть может, ты скажешь, чтобы я по ночам сидел и, как Гивэй, картинки рисовал? Конечно, и я бы учился дальше, но мне некогда, я председатель!

— Хо! — воскликнул Гэмаль и хлопнул в ладоши. — Скажи, а я и не знал.. Какой важный начальник!..

— Да, начальник! — повысил голос Айгинто. — Попробовал бы Гивэй на моем месте учиться.

— И учился бы! — убежденно сказал Гэмаль. — Правду говорю — учился бы. Не обманывай себя, Айгинто. Могли бы и мы дальше учиться и будем учиться! А брату твоему спасибо скажем за то, что он нас обоих примером своим по носу щелкнул.

— Не знаю, может он тебя и щелкал по носу, а до моего носа ему не достать, — обиженно возразил Айгинто.

— Ай, ай, как высоко твой нос поднят!.. Как бы гуси в полете своем тебе его не сшибли!

— Ты... ты чего это, а? — вскипел Айгинто.

— Не сердись, — улыбнулся Гэмаль, — Но, однако же, хорошенько подумай. Книжки-то хоть читаешь? Какие прочел?

Айгинто минуту боролся с собой.

— Вот эту вчера кончил, «Спартак» называется, — нехотя ткнул он пальцем в книжную полку и, неожиданно повеселев, добавил: — Настоящий человек был Спартак.

Если бы он сейчас у нас жил — хороший был бы председатель колхоза, людьми умел руководить.

— Дай мне ее, сегодня же читать начну. Люблю книги, не могу без них...

— Нет, ты вот эту сначала прочти... «Чапаев» называется. — Айгинто снял с полки книгу. — Ого, какая это замечательная книга! Понимаешь, как бы тебе сказать... Чапай там как я все равно, а комиссар — как ты. Ругались они иногда, сильно ругались. Комиссар Чапаева ругал за то, что тот не всегда правильно поступал... А потом сильно полюбили друг друга, большая дружба была у них!

— Дай мне эту книгу, — попросил Гэмаль, — читал я ее уже, но еще раз прочту, поучусь у того комиссара тебя ругать... Это и в самом деле полезная книга!

Айгинто засмеялся и снял с полки еще томик.

— А здесь устройство самолетного мотора объясняется. Гивэй часто сидит за этой книгой.

— И новый костюм этот тоже, видно, не твой, а брата? — Гэмаль снял с вешалки темносиний шевиотовый костюм, разложил на кровати.

— Его, его, — пренебрежительно махнул рукой Айгинто. — Все Оле понравится хочет. Рубашки купил, галстук и даже пуговички — запонки называются.

— Ай, Оля, какое у нее большое сердце, — с теплой задумчивостью промолвил Гэмаль. — Как-то по-своему она Гивэя переделывает, по-хорошему переделывает... да и не одного Гивэя!..

— Что, быть может, и нам с тобой пуговички, галстучки купить? — насмешливо спросил Айгинто. — Тоже, скажешь, отстали?..

— Верно, Айгинто, отстали и в этом, — совершенно серьезно подтвердил Гэмаль. — Разве не могли мы с тобой костюм хороший купить? Не заработали, что ли?.. А какие костюмы недавно в Кэрвукке под пушнину продавали!..

Айгинто посмотрел на Гэмаль так, как будто не узнавал его, готовый снова вспылить.

— Ну чего, чего злишься? — засмеялся Гэмаль. — Не веришь, что младший брат может тебя в чем-нибудь обогнать? Поговорим лучше с Олей, не сможет ли она и с нами заниматься?..

Склонившись над тетрадью, Гивэй решал задачу по алгебре. Оля бесшумно ходила по комнате, иногда через его плечо заглядывала в тетрадь.

Гивэй волновался. Порой ему казалось, что он в решении задачи безнадежно ушел в сторону, начинал лихорадочно снова все проверять. На лице его было сложное выражение неудовлетворения и упрямой настойчивости. Иногда ему очень хотелось глянуть в лицо Оли, чтобы проверить по ее глазам, по ее улыбке, правильно ли он решает задачу, но Гивэй подавлял в себе это желание.

Оля присела на стул, невольно залюбовавшись напряженным, глубоко вдумчивым лицом юноши. А самой ей так хотелось дотронуться до высокого чистого лба Гивэя, до его жестких, иссиня-черных волос! Но какое-то внутреннее смущение и недоверие все еще теплились в ней

глубоко, под спудом. Оля пыталась разобраться в нем и никак не могла.

«А может, тебя смущает то, что он чукча?» — оглушил ее неожиданный вопрос. Солнцева почувствовала, что она мучительно покраснела, заглянула в зеркало, пытаясь остудить ладонями горячее лицо. «Какая глупость! — говорила она себе. — Да разве... мало найдется таких, которые и близко не смогут стать рядом с ним! Нет! Нет, тут что-то другое».

И Оля была права. Она все еще, хотя и подсознательно, но боялась широко открыть свое сердце новому чувству. Но было здесь и то, о чем она подумала, против чего восстало все ее существо: «А что скажет мама? А как отнесутся к этому подруги?» Оля не могла быть ханжой и потому вынуждена была сознаться, что помимо ее воли какой-то враждебный, тайный дух нет-нет, да и пытался отравить в ней самые сокровенные чувства, нашептывал чужие ей мысли. «Если только это, тогда я счастлива, бесконечно счастлива! Все они — и мама и подруги — могли бы увидеть в нем хорошего человека!»

— Оля! смотри-ка сюда, вот и решил! — ликующе закричал Гивэй.

Солнцева подошла к Гивэю, быстро просмотрела весь ход решения.

— Да! Ответ правильный, хотя шел ты к нему очень длинной дорогой! Не устал?

Гивэй хотел ответить, но вдруг замер, уловив во взгляде Оли что-то новое.

Никогда она еще на него так не смотрела. У него вдруг бешено застучало сердце. Так быстроногий олень, чувствуя теплый весенний ветер, мчится в головокружительном беге навстречу солнцу.

«Ну улыбнись, улыбнись, Оля! Зачем улыбку свою глубоко в глазах прячешь? Когда загорается утренняя заря — это хорошо, но еще лучше, когда восходит солнце!»

Как бы в ответ на его молчаливый призыв Оля чуть наклонилась к нему, но тут же отпрянула и, нахмурившись, строго сказала:

— Еще одну задачу реши!

С огромным трудом Гивэй пересилил себя, сделал бесстрастное каменное лицо и тихо ответил:

— Диктуй, запишу!..

Прощаясь с Олей, он хотел заглянуть ей в глаза, в надежде хотя бы на миг уловить то неожиданное, волнующее, что сегодня так всколыхнуло его! Но девушка смущенно потупилась и подняла ресницы только тогда, когда Гивэя уже не было. Не успела захлопнуться дверь, как Солнцева стремительно подошла к ней и, вместо того чтобы распахнуть ее и вернуть Гивэя, набросила крючок. Прижав руки к груди, она долго стояла неподвижно. Дверь-то она закрыла на крючок, а вот сердце ее, наконец, раскрылось широко и уже без сопротивления навстречу первой любви. Легкая, словно чувствуя себя совсем невесомой, девушка нагнула на плечи пуховую шаль и решительным движением сбросила крючок, порывисто распахнула дверь. Мгновение она еще постояла перед порогом, словно колебалась переступить заветную черту. Но вот грудь ее поднялась от высокого вздоха, и она пошла, чувствуя себя попрежнему невесомой. «Сейчас увижу его! И пусть он все поймет».

У дома Гивэя Оля остановилась. «Там много людей! — мелькнуло в ее голове. — А он нужен мне один, совсем один!» Солнцева повернулась и медленно пошла обратно к школе.

8

Ударил мороз. Лагуны и озера тундры покрылись льдом, расписанным замысловатыми узорами инея. Выпал снег. Ослепительная белизна уходила в беспредельные дали, смыкаясь с густой синевой неба. И только бушующее море казалось чернее, чем всегда.

Северным ветром погнало к берегу пловучие льды. Гром ледяного шторма не умолкал ни днем, ни ночью. Огромные валы, казалось, с большим трудом вздымали ледяные глыбы, с тяжелым вздохом швыряли их вниз и снова подымали кверху.

Льдины сшибались друг с другом, раскалываясь на двое, на трое. Чем ближе подходили льды к берегу, тем мельче становились. Острые углы их стачивались, сглаживались, и от того они делались похожими на шары.

Валы один за другим с грохотом обрушивались на берег. Ледяные шары лопались, забрасывая далеко на сушу свои осколки. Прибрежная полоса моря была сплошь покрыта кучами раздробленного мелкого льда. Местами они достигали до десятка метров в высоту. Тысячи чаек с немолчным криком кружили над грохочущим ледяным прибоем.

Когда ветер разрывал лохматые снеговые тучи и на холодном небе проглядывало невеселое осеннее солнце, над ледяной каймой морского берега нависало цветное мзрево. Это дробилось в мелькающих в воздухе кристаллах льда солнце, вспыхивая всеми цветами радужного спектра.

Мэвэт стоял на высоком ледяном холме. Опершись на копы, он безотрывно смотрел на бесконечные морские валы, покрытые ледяным панцирем, страшная сила моря поражала его.

А за спиной Мэвэта, по ослепительной и предгорной долине, держа направление на юг, уходил караван его бригады. Черная линия каравана двигалась медленно, почти незаметно. Слева от нее виднелось огромное темное пятно перегоняемых несездовых оленей. Дробный перестук оленьих рогов и копыт глухо доносился до слуха Мэвэта. А еще дальше, впереди каравана, виднелось второе пятно, поменьше. Это было племенное стадо колхоза «Быстроногий олень», зимний выпас которого поручили бригаде Мэвэта.

В племенном стаде было пока всего полтораста оленей, закупленных в илирнэйском колхозе, но январцы говорили о нем с большой гордостью: теперь и они начинали великое дело, от которого не могло не радоваться сердце настоящего оленевода — выведение самой лучшей, самой полезной породы оленей.

Уходит бригада Мэвэта все дальше и дальше на юг, в горы, по заранее намеченному пути. Сколько будет пересечено рек, равнин, горных перевалов. И только когда уйдет снег, когда на небе появится круглосуточное солнце, бригада его снова выйдет сюда, на летние пастбища, к морю.

Глубоко вдохнув морской воздух, Мэвэт решительно сошел с холма, распутал привязанных к выступу скалы пару белоснежных оленей, сел на нарту.

Олени с места пошли вскачь. Запрокинув на спину тяжелые рога, они, казалось, не касаясь ногами земли, летели, как чайки, стремительно и плавно.

«Ги! Ги!» — выкрикивал Мэвэт, взмахивая в воздухе свистящим погонным. Легкая нарта подскакивала на кочках. А олени все мчались и мчались по сверкающему насту еще не слежавшегося снега. Горячее дыхание, вырывававшееся из их широко открытых ртов, и снежная пыль клубились над упряжкой легким туманом.

Лучший бригадир колхоза «Быстроногий олень» догнал свою бригаду.

Стойбище Мэвэта сделало сразу пять перекочевок и остановилось на полмесяца у невысоких сопок, покрытых густым ягельником. Олени с жадностью набросились на ягель.

Отдав распоряжения по установке стойбища, Мэвэт перевалил ближнюю небольшую сопку, направляясь к племенному стаду, которое лучшие пастухи бригады пасли отдельно.

Упитанные, крупные олени разбрелись по узкой горной долине. Среди пастухов Мэвэт еще издали заметил ветврача Нояно.

«И днем и ночью с оленями, — одобрительно подумал он о ветеринарном враче. — Удивительно, откуда у береговой девушки столько любви к оленям? Ну просто как пастух настоящий. Хорошим оленеводом была бы; жаль, что — женщина».

Заметив, что Нояно быстрыми ловкими движениями собирает аркан для броска, Мэвэт остановился, задержав раскуренную трубку у рта:

«А ну, ну, как она бросит аркан?.. Ого! Взмах у нее совсем как у мужчины!»

Петля аркана захлестнулась на рогах крупной упитанной важенки. Напрягая все силы, Нояно начала подтаскивать к себе важенку, ловко перебирая туго натянутый аркан. Два пастуха подбежали к девушке, помогли подтащить важенку, повалили ее на снег.

«Зачем ей понадобилась эта важенка?» — подумал Мэвэт и ускорил шаг.

Нояно осмотрела копыта важенки. Заметив подошедшего бригадира, она подняла на него раскрасневшееся, покрытое мелкими бисеринками пота лицо и сказала:

— Вот видишь — рана. Сбила важенка левую переднюю ногу.

Мэвэт присел на корточки.

— По острым камням стадо гнали, — недовольно сказал он, строго осматривая смутившихся пастухов. — Разве вам оленей перегонять? Зайцев! Вот кого вам перегонять надо!..

— Ничего, — попыталась успокоить бригадира Нояно. — Промою рану и забинтую. Дня через два заживет.

Важенка, придавленная к земле пастухами, вздрагивала, тяжело дышала. Налитые кровью глаза ее выходили из орбит.

Вытащив из сумки бутылку с карболовым раствором, Нояно приготовилась промывать рану на ноге важенки. Поморщившись от незнакомого, неприятного запаха, Мэвэт угрюмо спросил:

— А нужно ли, девушка, этой вонючей водой мочить рану? От этой воды важенка как бы не взбесилась.

— Не взбесится, — торопливо возразила Нояно, продолжая промывать рану. — Это только поможет ей.

Мэвэт тяжело вздохнул, надвинул малахай на лоб, почесал затылок. Весь его вид, казалось, говорил: «Не знаю, не знаю, будет ли так, как ты думаешь, девушка».

Ревниво присматривался Мэвэт к каждому шагу ветврача. Симпатия к Нояно уживалась в нем с недоверием к ее делам и даже с тревогой, как бы не наделала девушка чего страшного с оленями.

На второй день Мэвэт увидел, что Нояно ходит по стаду с тетрадью и карандашом в руках. Переходя от оленя к оленю, девушка что-то записывала. Захлопнув тетрадь, она попросила пастухов заарканить крупного быка, повалить на землю.

«Чего это еще?» — недовольно подумал Мэвэт и вдруг заметил в руках оленьего доктора какую-то ленту. Приложив ленту к груди оленя, девушка что-то записала в свою тетрадь.

Непривычные действия над оленем всполошили Мэвэта. Где-то в глубине сознания заговорило вдруг самое темное, самое суеверное, что веками копилось его предками, — не пустить бы в стадо человека с дурным глазом, который может наслать порчу на оленей; а задобрить бы духов в праздник отела, чтобы благополучно выжил приплод; не вошло бы стадо в долину Каменного дьявола, где падает на оленей мор. Много было в жизни чукчи этих страхов за самое главное, от чего зависела благополучная жизнь кочевого человека, — за оленя, который давал и пищу, и одежду, и свет.

И вот эта странная девушка беззаботно, без тени тревоги измеряет оленя какой-то лентой, что-то записывает на бумагу. Как знать, чем все это грозит? И пусть бы это был какой-нибудь захудалый олень, которого и заколоть не жалко. Нет, выбрала самого лучшего, да еще из племенного стада!..

— Что ты такое делаешь, девушка? — не в силах скрыть тревоги спросил Мэвэт.

— Разве ты не знаешь, что это самый лучший производитель в племенном стаде, — стараясь быть как можно невозмутимее, ответила Нояно. — Я измеряла ему грудь, смотри, какая она у него широкая, какие сильные у него ноги, шея. Хороший приплод должен быть от такого быка.

«Да, она говорит правду», — подумал Мэвэт, невольно залюбовавшись могучей фигурой быка. Но чувство тревоги заставило Мэвэта сказать другое:

— Зачем прикладываешь к нему ленту? Никогда еще у нас не делали такого. Не случилось бы несчастья!..

— Привыкать, Мэвэт, к этому надо, — как можно мягче сказала Нояно.

— Привыкать? К чему привыкать?! — с раздражением воскликнул Мэвэт. — И потом так скажу — не дело девушке о быке говорить, о хорошем приплоде от него...

Его-то из пастухов прыснул со смеху. Нояно густо покраснела, опустила голову. Девушке хотелось вскочить на ноги и уйти прочь, чтобы там дать волю слезам. Но она опять потянулась к тетради, делая вид, что хочет что-то записать.

Мэвэт встретился с укоризненным взглядом Тымнэро и уже окончательно дал волю своему раздражению.

— Больше никогда эту ленту к оленям не прикладывай! — тоном приказа обратился он к Нояно. — И на все, что тебе захочется делать с оленями, спрашивай у меня разрешения.

— Хорошо, я буду спрашивать у тебя разрешения, — дрогнувшим голосом ответила Нояно, не подымая глаз. — Но я все равно буду делать все, чему меня учили, что пользу приносит!..

— Учили! Пользу! — почти закричал Мэвэт. — Не я твой отец, а то как следует объяснил бы, что не дело молодой девушке важенкам быка подыскивать!..

Этого Нояно уже не могла вынести. Она вскочила и пошла в сторону, закрыв лицо руками, спотыкаясь о вывороченные оленями комья снега.

Вдруг она почувствовала, что кто-то поддержал ее под руку. Девушка оглянулась и увидела Журбу.

— Что с тобой, Нояно? Почему ты плачешь? — спросил он, пытаясь заглянуть ей в лицо.

— Не могу... не могу я больше, — промолвила сквозь слезы Нояно. — Я терпела... я столько терпела... смеялась, когда плакать хотелось... Ты думаешь, легко это, когда ловишь недобрые взгляды, когда слышишь злые насмешки, когда чувствуешь, что тебе не верят, боятся тебя. Вот даже Мэвэт... лучший в колхозе бригадир — и тот обидел меня; чего же от других ждать?

Владимир слушал Нояно, а сам думал: за что бы такое ухватиться, что утешило бы девушку, снова настроило на борьбу.

Страхнув рукой иней с пушистого воротника дошки Нояно, он вздохнул.

— Тяжело тебе, Нояно, это верно. Но оглянись на Мэвэта, посмотри, как угрюмо задумался он, сидя на кочке.

Нояно, помедлив, взглянула на Мэвэта.

— Давай так рассуждать, — продолжал Владимир, машинально обивая выбивалкой снег со своих меховых штанов. — Вот если бы удалось нам сейчас заглянуть в его душу, как ты думаешь, что мы увидели бы?

Нояно еще раз метнула неприязненный взгляд в сторону бригадира.

— Злой он, вот и все!..

— Нет, не так, — мягко возразил Журба. — Ему тяжело, вот так же тяжело, как тебе... А может, и еще тяжелее. Представь себе: сидит в его душе этакий черный, глазастый и ушастый страх... У страха этого цепкие, когтистые лапы. И вот должна ты понять, как больно, когда этот зверь вцепится мертвой хваткой когтями в сердце человека.

Лицо Нояно болезненно покривилось, а руки невольно прижались к груди.

— Веками рос этот страх, это чувство ужаса перед неизвестным, каждую кровинку, каждую клетку его мозга отравлял своим дыханием. И ты думаешь, легко прогнать этот извечный страх перед неведомым? Нет, не легко!.. Посмотри, как страдает Мэвэт. Сейчас он борется, всеми силами борется с тем, что еще есть в нем от предков, но не легко ему в этой борьбе.

Нояно вскинула на Владимира широко раскрытые глаза, в которых все еще стояли слезы. В лице ее все явственней вырисовывалась жалость.

— К тому же учти, ведь он же дрожит, буквально дрожит над каждым оленем, как мать над ребенком. Шутка сказать — ему доверили племенное стадо! Однажды я слышал, как закричала чукчанка, когда фельдшерница полезла лопаткой в горло ее больного ребенка... То же самое получается с Мэвэтом. Так вот давай лучше простим ему все и попытаемся завоевать его доверие. И потом ты же знаешь, что рано или поздно Мэвэт, как и десятки других оленеводов, скажет тебе большое, большое спасибо. Это будет, Нояно!

— Да, да. Это обязательно будет, — торопливо отозвалась Нояно, словно боясь, что Владимир поймет ее раздутье как недоверие к его словам. — Спасибо тебе, Володя.

— Ну и хорошо, что ты успокоилась, — тихо засмеялся Владимир. — Пришел помогать тебе, хочу быть, как это называется... оленьим братом милосердия.

Нояно облегченно вздохнула.

— Ох, и наревелась бы я сегодня, если бы ты не пошел, — призналась она с улыбкой.

Под вечер в бригаде Мэвэта все всполошились. В соседней бригаде на стадо напал бешеный волк; оленей удалось защитить, но волк ушел невредимым.

На ночь все пастухи вышли на дежурство. Особенно строго охранялись племенные олени. Оленеводы знали, чем грозит бешеный волк: такого не отпугнешь криками и выстрелами, волк может пробежать через все стадо, искушать до десятка оленей.

Нояно тоже не спала в эту ночь. С карабином за плечом и с арканом в руках она ходила по пастбищу, напряженно вслушивалась в тишину ночи, нарушаемую только легким шумом пасущихся оленей. То там, то здесь слышался мирный перезвон балабонов и колокольчиков, подвешенных к шеям оленей.

«Динь, динь, динь», — звенели колокольчики.

«Дон, дон, дон», — басовито вторили им балабоны.

Лохматые тучи часто закрывали луну. Густые тени быстро ползли по синеватому снегу.

Войдя в гущу стада, Нояно столкнулась с бригадиром.

— Спать иди, — сухо сказал Мэвэт. — Ты — женщина, и не тебе с бешеным волком сражаться.

Нояно помолчала и тихо, как-то по-особенному проникновенно спросила:

— Почему ты не любишь меня, Мэвэт?.. Я, как и ты, за оленей беспокоюсь. Как я усну в такую тревожную ночь? А если волк!..

Нояно не договорила. Большие глаза ее смотрели доверчиво, прямодушно. При лунном свете они казались еще чернее, глубже.

— Ну, ладно, это я так сказал, — смущенно откашлялся Мэвэт. — Что любишь ты оленей — я хорошо вижу... Не ходи одна. Поближе будь к пастухам: бешеный волк и на человека нападает.

Мэвэт и Нояно разошлись в разные стороны. Легкий ветер взвихрил снег, потянулись бесконечные ленты поземки.

И вдруг где-то совсем близко завывала волчья стая. Олени тревожно захоркали, сбиваясь в кучу, закружились на одном месте. Пастухи сняли с плеч карабины.

— Гок, гок, гок! — кричали они на разные голоса, успокаивая стадо.

Несколько быков с огромными рогами вышли из гущи стада и замерли, как вкопанные, низко наклонив головы. К ним пристроились другие. Вскоре образовалось что-то вроде каре: быки, загородив собою важенок и телят, стояли плотной стеной, готовые в любое мгновение поддеть хищника на рога.

Нояно знала, что олени иногда прибегают к такой самозащите, но увидеть это собственными глазами ей довелось сейчас впервые. Восхищенная, она всматривалась в невиданную картину.

Волчье завывание повторилось уже где-то гораздо ближе. Быки еще ниже наклонили головы. Напряженные, они ждали врага. Дыхание у них было горячим, яростным.

И вдруг один из быков вырвался вперед. Не успела девушка понять, что произошло, как бык взмахнул рогами и отбросил в сторону что-то серое и верткое, как юла.

«Волк!» — пронеслось в голове девушки. Вскинув карабин, она замерла. Волк покрутился на одном месте, затем устремился прямо на девушку. Лобастая голова его и горячие угли глаз казались Нояно уже совсем рядом, почти у самого лица. Хорканье оленей, крики людей сразу почему-то стали для нее далекими, словно ушедшими под землю.

«Бежать! Бежать!» — закричал в ней кто-то, иступленный и дикий. «Стреляй!» — властно приказал кто-то второй. И когда волк был уже почти рядом, девушка выстрелила в упор. Зверь как-то неестественно подпрыгнул, упал на спину, снова подпрыгнул. Раздался еще один выстрел. Волк несколько раз дернулся и замер.

— Молодец, Нояно. Смелая! — донеслось до сознания девушки. Перед ней стоял Мэвэт. Его второй выстрел и уложил волка наповал.

Крики пастухов вывели Нояно из оцепенения.

— Смотри, прямо в грудь. И вот в шею!

— На клыках пена! Не берите руками, бешеный!

— А где бык? Не укусил ли его волк?

Последний вопрос вернул Нояно к действительности. Она бросила карабин прямо в снег, вытерла руками горячее мокрое лицо.

— Заарканьте скорее быка, — хриловатым голосом приказала она.

Пастухи бросились выполнять ее приказание.

Глянув на убитого волка, Нояно вздрогнула и только теперь по-настоящему ощутила неприятный, липкий озноб страха.

— Укусил все же!.. — неожиданно услышала она позади голос Тымнэро. — И понимаешь, волк укусил того самого быка, которого ты сегодня меряла... В голову укусил. Отец говорит, заколоть надо...

— Зачем колотить? — закричала Нояно. Растегнув свою дошку, она достала из внутреннего кармана шприц с сывороткой.

— Лечить оленя будем! — запыхавшись, сказала она, подбегая к пастухам, повалившим быка на снег.

— Лечить? — изумленно спросил кто-то.

— Как это от бешенства лечить?.. Мы всегда таких... колоди, — сказал Мэвэт.

— Лечить будем! — властно повторила Нояно. — Оленю этому незачем умирать, пусть живет.

Весть о случае в бригаде Мэвэта разнеслась по всей янрайской тундре. Почти целый месяц следили оленеводы за быком, которого лечила Нояно. Многие утверждали, что бык все равно взбесится. Но олень, как всегда, был здоровым, сильным. Наконец наступило время, когда и самые закоренелые маловеры признали победу Нояно. Быка даже наградили кличкой «Невзбесившийся».

Когда его снова выпустили в стадо, Нояно подошла к Мэвэту и не без лукавства спросила:

— Хоть теперь-то ты разрешишь мне измерить «Невзбесившегося»? Надо... мне...

Мэвэт согнал с лица добрую усмешку и строго сказал:

— Меряй... Если надо, можешь и других мерять... Это, наверное, вреда не принесет, а вот будет ли польза — увидим потом.

9

Журба объезжал стойбища, проверяя работу своих ликбезных пунктов. Так они с Нояно были часто в разъездах по янрайской тундре. В стойбище бригады Мэвэта он получил записку от Нояно, в которой она писала, что оленеводы бригады Орая ждут его и обижаются.

Прочитав записку, Журба улыбнулся, зачем-то подмигнул наблюдавшему за ним Тымнэро и сказал по-русски:

— Понимаешь, дружище: ждут и обижаются. Честное слово, мне нравится и то и другое. Редко бываю у них. Нояно права.

— Мало я еще слов русских знаю, — сокрушенно вздохнул Тымнэро. — Не понял, что ты сказал.

— Я прошу тебя быть моим проводником до стойбища Орая, вот что я сказал!

— Проводником до стойбища Орая? — оживился Тымнэро. — Поеду, обязательно поеду, если отец отпустит. Только это далеко, очень далеко... Там, за высоким перевалом. В тех местах в этом году и Чымнэ кочует...

Через час Владимир и Тымнэро уже скакали на оленях по голубым снежным просторам, каждый на своей упряжке в пару оленей.

Вечерняя заря, недавно сменившая утреннюю, постепенно выцветала. Вскоре наступила ночь. Журба и Тымнэро долго ехали во тьме.

Предстояло преодолеть большой перевал одного из отрогов Анадырского хребта. Перед перевалом путники остановились на отдых.

Олени сразу же принялись разгребать снег. Опустив головы к выбитым копытами ямкам, они острыми зубами подрезали ягель, торопливо подбирали его твердыми губами.

Наломав сухого кустарника, Владимир и Тымнэро разожгли костер, вскипятили чай. Владимир с огромным удовольствием пил крепкий чай, обхватив озябшими руками горячую кружку.

Закурив после ужина, Тымнэро лег на спину на разостланную шкуру, заложив руки за голову. Глаза его смотрели куда-то далеко-далеко, в молчаливый, таинственный звездный мир.

«Об Аймынэ своей, наверное, мечтает», — подумал Владимир, поправляя в костре головни.

Вытащив из-за пояса снеговыбивалку, Тымнэро указал на Полярную звезду:

— Вот эта у нас называется Элькеп-енэр¹. Старики говорят, что у нее своя яранга есть, изо льда построена. На вершине ее огонек горит. Эта звезда в середине неба расположена. Над ее ярангой дыра есть. Через эту дыру в другой мир попасть можно.

Журба заинтересовался.

— А вон те как называются? — показал он на Арктур и Вегу.

— Леутти², — ответил Тымнэро, все так же задумчиво глядя в небо. — Ночью, когда гор нету, дорогу правильную трудно найти. Надо смотреть, как Леутти расположены. Тогда путь правильный найдешь.

Владимир указал на созвездие Ориона.

— А вон та Пультэннин³ называется, — Тымнэро почему-то улыбнулся. — Пультэннин — хороший стрелок из лука. Но видишь, у него горбатая спина. Понимаешь, нехоршее с ним случилось. Вот посмотри на те звезды, — Тымнэро указал на созвездие Льва. — Называются они Вэтчанаут⁴. Это жена Пультэннина. Приревновала она его к Нэускат-емкып⁵, — Тымнэро показал на созвездие Плеяд. — Рассердилась Вэтчанаут и ударила своего мужа кроильной доской по спине. С тех пор он и стал горбатым. А воң звезды, которые левее Пультэннина рассыпаны, это его дочери. Они к леворучному рассвету бегут. Видишь, какие светлые и ласковые звезды. Красивые дочери у Пультэннина, ясные глаза у них. А к рассвету они потому бегут, что хотят повстречать своего доброго дедушку, который утром в красных одеждах на меднорогих оленях в небо выезжает.

— Солнце, что ли? — спросил Владимир.

— Да, их дедушка — солнце, — подтвердил Тымнэро и указал на созвездие Большой Медведицы. — Вон Вэлитконаулит⁶. Когда-то они вон по той реке плыли, — юноша широким жестом показал на Млечный путь. — С пращами плыли, чтобы дедушку в красных одеждах от бешеных волков спасти, — их луна на него напустила.

— Целый мир легенд и сказок! — воскликнул по-русски Журба и начал рыться в портфеле, вытащив его из нерпичьего мешка.

— Подожди, Тымнэро, не рассказывай дальше, — обратился он к юноше по-чукотски. — Я сейчас все запишу.

Достав блокнот, Журба принялся быстро записывать все, что услышал о звездах от Тымнэро. Руки его коченели на морозе. Владимир дул на них, с сожалением поглядывая на потухший костер, и снова принимался писать. Тымнэро смотрел на него с любопытством, но без удивления: он уже привык, что русский никогда не расставался ни с карандашом, ни с блокнотом.

— Ну, ну, рассказывай, рассказывай, Тымнэро, — попросил Владимир, с ожесточением дуя на руки.

¹ Элькеп-енэр — гвоздь-звезда.

² Леутти — головы.

³ Пультэннин — кривоспинник.

⁴ Вэтчанаут — стоящая женщина.

⁵ Нэускат-емкып — группа женщин.

⁶ Вэлитконаулит — пращеметатели.

Тымнэро оглянулся на прилегших оленей и стал рассказывать дальше. Владимир слушал его и изумлялся богатейшей фантазии чукотского народа, составившего чудесную легенду о небе. В легенде ясно чувствовались и глубокое поэтическое ощущение красоты, и горячее стремление проникнуть в тайны мироздания, и любознательность следопытов, для которых звезды служили и часами, и календарем, и компасом, и путевыми маяками.

После отдыха снова тронулись в путь. Стали подниматься на перевал. Таинственным и величавым казалось безмолвие. Почти отвесные голые скалы были мрачными. Камненные столбы, напоминавшие своей формой то человека, то вздыбленного медведя, уже не один век стояли в ущельях, придавая всему окрестному виду еще большую мрачность. Люди были тут редкими гостями.

На вершине перевала Тымнэро задумался. Перед ним было три спуска в долину реки Талаяэм. Юноша знал, что один из них кончается высоким обрывом, но какой именно — не помнил.

Холодный ветер гулял по вершинам гор. Покрытые инеем олени пунуро стояли на одном месте, не находя пищи на голых камнях.

Отворачивая лицо от обжигающего ветра, Журба долго не мог поправить на шее шарф, покрывшийся от дыхания льдом.

— Кажется, мы с тобой, Тымнэро, до самой Полярной звезды добрались, — мрачно пошутил он, угрюмо осматривая залитые лунным светом бесчисленные ярусы горных хребтов.

«Вот оно, ледяное безмолвие», — подумал Владимир, чувствуя, что им невольно овладевает какое-то странное оцепенение.

А ледяной мир, раскинувшийся внизу перед его глазами, попрежнему не нарушался ни единым звуком; нигде нельзя было заметить ни одной подвижной тени. И только зеленое мерцание лунного света на седых скалах было бесконечно многообразным, отчего Владимиру казалось, что все перед глазами плывет, зыбко качаясь, и сам он движется вместе с вершиной перевала куда-то в таинственную мгlistую даль. Почувствовав головокружение, Владимир закрыл глаза. Заиндевелые веки слипались.

Путники распрягли оленей, привязали их позади, каждый к своей нарте, и начали спуск. Журба оглянулся. Олени, напрягая мышцы, осторожно переступали тонкими ногами, врезаясь копытами в твердый снег. Теперь они не везли нарты, а сдерживали их скольжение. «Если бы не олени, то разбились бы мы о скалу на первом же повороте», — подумал Владимир и вынул ноги влево, чтобы не наехать на камни. Вокруг черных, блестящих ноздрей оленей образовался лед.

Спуск становился все круче. Нависшие над головой скалы закрыли небо. Владимиру стало не по себе. Он пугливо огляделся.

— Что это сердечко у вас, как овечий хвост, бьется? Не нравите вам это катание на салазках с горки?.. А вы спокойнее, спокойнее, товарищ Журба, а то толкнешь лбом скалы, обвал получите, — вполголоса бормотал он, подражая усилиям Тымнэро направить нарту по правильному пути.

И вдруг один из оленей Тымнэро споткнулся и упал на передние ноги. Пристязной испугался, метнулся влево

и тоже упал. Нарта заскользила вниз, волоча за собой оленей, пытавшихся вскочить на ноги. Сердце у Владимира бешено застучало. Нужно было немедленно что-то предпринимать, чтобы помочь Тымнэро. Остановив свою упряжку, он схватил с нарты аркан и, рискуя разбиться, скользнул на коленях к выступу скалы. Больно зануло расшибленное колено и плечо. С трудом поднявшись на ноги, Журба взмахнул арканом для броска. Мысль его работала предельно четко, а сердце, словно переключившись на другой такт, билось спокойно, ровно.

Зацепившись руками за выступ скалы и напрягая все силы, Тымнэро старался удержаться на месте. Журба метнул аркан. Рука Тымнэро жадно потянулась вперед, но не дотянулась до аркана. Юноша тяжело дышал, со страхом оглядываясь назад: в нескольких метрах начинался обрыв. Владимир снова принялся лихорадочно собирать аркан и на втором броске концом его задел плечо Тымнэро.

— Хорошо! — хрипло выкрикнул юноша, хватая аркан. — Привяжи свой конец аркана к выступу скалы!

Другой конец аркана Тымнэро привязал к нарте. Ощутив неподвижную точку, олени Тымнэро один за другим встали на ноги.

— Давай покурим! — крикнул Владимир. Тымнэро в ответ тихо засмеялся, и Журба хорошо понял по смеху, что пережил юноша за эти несколько минут.

— Еще немножко... и я... упал бы вместе с оленями в пропасть, — услышал он прерывающийся, хриплый голос Тымнэро.

Ведя оленей на поводу, путники с трудом стали подыматься снова к вершине перевала. Ушибленная нога Владимира ныла. Но сознание, что ему удалось предотвратить катастрофу, радовало его. Тымнэро все чаще и чаще оглядывался на Владимира, советовал в наиболее крутых местах держаться за нарту его упряжки.

— Это я все наделал, глупая моя голова, — задыхаясь от крутого подъема, приговаривал он. — Забыл, совсем забыл, какой спуск правильный...

Новый спуск с перевала оказался менее крутым. Но путникам в эту ночь пришлось пережить еще одно приключение.

Остановив оленей для отдыха на небольшой скалистой площадке, Журба и Тымнэро присели на нарты, закурили.

— Смотри-ка, куда-то еще один спуск ведет, — сказал Владимир, указывая рукой влево.

— Я и вспоминаю, куда ехать дальше, — отозвался Тымнэро. — Надо посмотреть сначала.

Завернув за выступ скалы, Тымнэро остановился и вполголоса позвал Владимира.

— Смотри, яранга стоит!

Журба подошел к Тымнэро.

В небольшой впадине с плоским дном стояла маленькая яранга и несколько нарт. У яранги, прикрепленный к грузовым нартам, маячил высокий шест. На конце шеста, при слабом свете луны, виднелась оскаленная мертвая голова оленя.

— Это шаман Тэкыль сюда перекочевал. Я узнаю по яранге. Должно быть, заклятия делает: видишь, выставил перед луной голову оленя, — насмешливо сказал Тымнэро. «Луна — это солнце злых духов», — говорят наши

старик, а кто с солнцем злых духов дело имеет, тот нечестивый человек.

— Пойдем посмотрим, — предложил Владимир.

Ни слова не говоря, Тымнэро бесшумно шагнул по направлению к яранге. Журба пошел за ним.

«Просто, как в страшной сказке!» — подумал он, глядя на оскаленную голову оленя, смотревшую тусклыми мертвыми глазами на луну. В яранге, с наглухо закрытым входом, казалось, не было ни души. На пологих склонах вадины паслось несколько десятков оленей.

Журба и Тымнэро обошли вокруг яранги и вернулись к оленям.

— Совсем шаман из ума выжил. Людей дичится, — сказал Тымнэро, стряхивая иней с подстилки на своей нарте.

— Что же, он один со своей старухой живет? А оленей кто пасет? — спросил Владимир.

— Ты же видел у него совсем мало оленей осталось, — никто ему уже не дарит оленей за камлание, да никто его уже и не просит камлать. Пожалуй, все поняли, что это обыкновенный живой старик, который немного как бы сумасшедший стал. Никому теперь не нужен шаман. Вот он и живет один вдали от людей...

«Отшельником, значит, вынужден жить седой колдун, — размышлял Владимир, спускаясь вслед за Тымнэро с перевала. — А ведь не так давно еще казался страшным, дьявольскими своими штучками замораживал кровь в жилах людей, был для них и дьяволом и богом...»

Постепенно ущелье раздвигалось. Все шире и шире открывалось над головой звездное небо, по которому пробегали легкими тенями сполохи северного сияния.

Когда по всему горизонту начало занимать бледное кольцо ранней утренней зари, путники выехали из гор в широкую речную долину. Притормозив оленей, Тымнэро поехал рядом с Владимиром. Ему хотелось сказать своему другу что-нибудь необыкновенно теплое, благодарное. «Сорвался бы в ущелье, если бы не он... А, какая голова моя дурная, не по тому спуску поехал», — думал Тымнэро, поглядывая на Журбу, машинально взмахивавшего погоньчём над оленями. Заиндевелые веки Журбы почти смыкались. «Устал он, сильно устал», — вздохнул Тымнэро.

Чувство привязанности к русскому появилось у Тымнэро с первого дня знакомства. Юноша о многом мог бы рассказать, если бы у него спросили, почему он так привязался к Журбе: и о том, что он напоминал ему годы учебы в школе, и о том, что с его появлением в тундре жизнь молодежи стала живее, интереснее, и о том, что Журба такой человек, который не умеет и не хочет быть хитрым, не просто притворяется добрым, веселым, а и в самом деле такой.

Ого! Он, Тымнэро, хоть и молодой, но человека по взгляду понять может.

Бегут, бегут олени в предутренней дымке. Пар мгlistым облаком окутывает их разгоряченные тела. Плавно покачиваются развесистые, заиндевелые рога. Тымнэро чувствует еле уловимый запах дыма близкого стойбища. Мысли о Владимире причудливо переплетаются с надеждой увидеть ту девушку, которая по злой судьбе является родственницей Чымнэ. Туманные, но необыкновенно красивые мечты о встрече с Аймынэ похожи на сладкий сон в предраассветную пору.

Где-то здесь кочует проклятый Чымнэ, который не отдает ему Аймынэ. Удастся ли побывать в его стойбище? Под каким предлогом придет он, Тымнэро, туда? Может, Владимира попросить, чтобы с ним съездил?

— Послушай, Тымнэро, тебе, наверное, очень хочется увидеть Аймынэ? — как бы в ответ на раздумье юноши внезапно спросил Журба.

Тымнэро стремительно повернулся в сторону Журбы, чуть наклонился к нему, как бы пытаясь заглянуть в глаза, и сдержанно засмеялся.

— Смотри! Это кажется стойбище Орая! — воскликнул он. — Поскачем?

Не дождавшись ответа, юноша хлестко стукнул погоньчём по крупам оленей и гикнул. Вырываясь вперед, запрокинув головы, олени понеслись вскачь.

«Ги!» — хлестал погоньчём оленей Тымнэро.

«Ги! Ги!» — вторил ему Журба, со свистом взмахивая своим погоньчём, чувствуя, как захватывает дух от стремительного бега оленей. Комья снега из-под копыт летели в лицо.

Перед стойбищем пошли заросли густого заснеженного кустарника. Пришлось оленей попридержать.

— Люди уже проснулись, ходят по улице! — обернувшись назад, крикнул Тымнэро.

10

Под утро Тэкыль вышел посмотреть на оленей и вдруг заметил вокруг яранги следы. Прижав руки к магическому квадрату на груди кухлянки, разрисованному кругами из цветного бисера, шаман низко наклонился, изучая следы.

— Один был чукча, а второй нет! Торбаза большие, ноги расставлял не так, как чукча, — рассуждал он, пристально всматриваясь в следы. — Значит, и здесь меня нашли!.. Мертвую голову оленя увидели. Но ничего, все равно отомщу! — взвизгнул шаман. Слабое эхо повторило его возглас.

Подойдя к шесту с мертвой головой, шаман покачал его и уже совсем тихо сказал:

— Мстить буду людям. Я стал ненавидеть человека! Я со злыми духами в кровной дружбе! Не зря по тундре весть идет, что я посылаю на людей порчу Каменного дьявола. Я перестал быть человеком! Я не хочу быть человеком! Я — Тэкыль! ¹ Все знают, как я стал Тэкылем. Пусть дрожат все, когда увидят, как взмахивает крыльями Тэкыль.

Шаман был прав. История о том, как его стали звать Тэкылем, была известна всем чукчам янрайской тундры.

Все больше шаман убеждался, что власть его с каждым днем слабеет. Часто он уезжал из своего стойбища в горы и, привязав где-нибудь оленей на арканах к выступам скал, отпускал их пасться, а сам с винчестером в руках бродил по волчьим следам, прислушиваясь к угрюмой тишине нависших над головой скал. Шаман старался ни о чем не думать. Порой он долго смотрел на какую-нибудь скалу неподвижным, тусклым взглядом. Прогрогнув, собирал хворост, разжигал костер, отвязав

¹ Тэ к ы л ь — сова.

от пояса чайник, кипятил чай, чтобы согреться. Иногда вскакивал на ноги и принимался прыгать вокруг костра, отрываясь от земли сразу обеими ногами. Прыгая, шаман тянул заунывную мелодию, порой выкрикивал заклятья.

Однажды, в один из припадков своего кликушества, он так иступленно начал плясать у костра, что вспунул сидевшую близко на скале полярную сову. Испуганная непривычным шумом, сова сослепу едва не сбила малахай с его головы. Шаман испуганно замер на месте и проследил полет птицы.

«Мой добрый дух ко мне в образе совы явился», — подумал шаман, радуясь тому, что сова снова села поблизости. Шаман стал медленно подкрадываться, не спуская с птицы полубезумного взгляда. Сова, изредка встряхивая своей огромной головой, бессмысленно смотрела на человека выпуклыми невидящими глазами.

Когда шаман подошел к сове шагов на десять, она снова вспорхнула и, пролетев полсотни метров, уселась на скалу. Не задумываясь, шаман снова побрел к сове, протягивая вперед руки.

В тот день он довел себя почти до изнеможения, преследуя сову, пока ночная птица не перелетела ущелье и не скрылась где-то в горах.

С тех пор шаман помешался на сове.

Как только наступало утро, он уезжал в горы, старательно разыскивал сову и, если находил, преследовал ее до тех пор, пока она не скрывалась из виду.

Однажды ему пришла в голову мысль, что сову надо убить и носить с собой ее крылья. Вскоре шаман действительно убил сову, отрезал ей голову, крылья и все это подвесил к себе на пояс.

Оленеводы, наблюдая за поступками шамана, говорили, что старик окончательно выжил из ума, и, забыв его имя Вапыскат¹, назвали Тэкылем.

С тех пор у шамана появилась страсть убивать сов, а головы их подвешивать к поясу.

И вот сейчас он вошел в ярангу, надел на себя пояс с свиными головами, увязал хвост в небольшую вязанку и снова вышел из своего жилища.

С вязанкой на плечах Тэкыль вскарабкался на вершину перевала. Постояв там, он выбрал один из спусков и направился вниз. Внизу, около узкого входа в ущелье, за которым открывалась обширная долина, стоял высокий каменный столб, издали напоминавший фигуру человека.

Нехорошая слава передавалась из поколения в поколение оленеводов об этом камне, который назывался Каменным дьяволом.

По поверию, творец, делая мир, создал первых людей очень безобразными. Рассердившись, он превратил их в камни, но внутри оставил жизнь. Ходить мимо такого камня запрещалось, потому что он мог задушить человека в своих каменных объятиях или наслать с помощью духов порчу на людей и оленей.

Подойдя к каменному столбу, Тэкыль задрал кверху голову и долго смотрел в одну точку, беззвучно шевеля тонкими синими губами. Сбросив с плеч вязанку хвоста, шаман принялся на короточках разжигать костер.

Слабое пламя костра тускло осветило нижнюю часть каменного столба.

Быстро встав на ноги, Тэкыль начал свой дикий танец вокруг каменного столба.

Остановившись, он погладил рукой столб и сказал вполголоса:

— Я вижу, Каменный дьявол, что шибко голоден ты. Я чувствую это, глядя живот твой. Что же, я добрая ночная птица, я очень добрая птица... Я даю тебе в жертву людей тундры нашей... Нашли на них порчу!..

Вытащив кожаный мешочек с табаком, Тэкыль извлек из него засушенный корень гриба-мухомора и проглотил, стараясь не разжевывать.

— Ну вот, а теперь я слетаю в гости в долину предков, повидаюсь с умершими, которые когда-то боялись и уважали меня, — промолвил шаман, снова присаживаясь к костру.

Медленно наступало опьянение, хорошо знакомое Тэкылю. Мухомор одурманивал мозг, погружал шамана в фантастический иллюзорный мир видений. Шаман вздрагивал, порой выкрикивал что-то бессвязное, смеялся, плакал.

Не скоро вернулся он домой — разбитый, с трясущимися руками, с желтой пеной на губах.

11

Гости завтракали вместе с пастухами в яранге бригадир Орая. Бригадир Орай — сухонький, маленький, уже пожилой человек с голосом необыкновенно густым и громким — расспрашивал гостей о пути. Тымнэро рассказал о случае на перевале. Пастухи с уважением поглядывали на Журбу, восхищались его находчивостью. Журба, делая вид, что ему не все понятно в разговоре, пил чай одну кружку за другой.

Не застав в стойбище Нояно, Владимир опечалился. Ему очень хотелось встретиться с девушкой, которую не видел уже вторую неделю. Но, узнав, что Нояно выехала в соседнее стойбище Чымнэ и к вечеру вернется, Владимир повеселел.

Когда завтрак кончился, Журба вдруг услышал какой-то непонятный грохот и звон, раздававшийся рядом с ярангой. Владимир вышел на улицу и увидел странное зрелище: женщины со всего поселка несли дырявые чайники, кастрюли, миски, ведра и все это складывали в кучу возле яранги.

Одна из женщин приветливо улыбнулась Владимиру и, указав на гору посуды, сказала:

— Слыхали мы о тебе, что ты оленьим людям посуду чинишь. Вот мы и принесли...

Владимир, смерив глазами кучу посуды, негромко привистнул.

— Великолепная свалка!.. Это вам, железных дел мастер, памятник при жизни! — имея в виду себя, невелико пошутил он. — Если вас только затем и звали, тогда действительно ни мрамор, ни бронза для вашего памятника не подойдут.

Женщины полуудивленно, полумискуганно смотрели на человека, говорившего на незнакомом языке. Уж не ругается ли?

¹ Вапыскат — болячка.

А Журба с грустной улыбкой обзирал кучу дырявой посуды и боялся подумать, что все это волей-неволей придется ему перепаять.

— Вот полоумные женщины, сколько понатащили! — вдруг услышал Владимир позади себя голос Орая. — А вы спросили, есть ли у гостя время с вашими чайниками возиться?

Женщины смущенно переглянулись, о чем-то шопотом переговорили и, как по команде, уставились на Владимира. В глазах их была робкая надежда, просьба.

— Ладно, ладно, что можно будет, починю! — улыбнулся Журба, а сам подумал: «Хорошо, что хоть паяльник с собой захватил».

— С посудой — потом, сначала расскажи нам, что на Большой Земле делается, — обратился к нему Орай. — Далеко ли прогнали врага?.. Давно вестей не получаем, за высокие горы перекочевали, от людей оторвались.

— Правильно, Орай, сначала основное сделаем, — согласился Журба, радуясь, что все получилось гораздо лучше, чем он думал. — Но расскажи и ты, сколько бригада твоя лисиц, песцов поймала, как занятия с пастухами проводишь. Давно о бригаде твоей я не писал на берег.

— Все тетради, которые ты дал, мы исписали. Все ждал, когда ты новые привезешь, — с достоинством ответил Орай. После Тымнэро он считался лучшим культурмейцем в ярайской тундре.

Несмотря на огромную усталость, на боль в распухшем колене и плече, Журба не заметил, как пролетел день. На беседу с ним собрались и малые и старые. Владимир рассказывал об отступлении врага, передавал по рукам альбомы с фотографиями и рисунками и с глубоким удовлетворением отмечал: ждали его сюда потому, что никто здесь не хотел чувствовать себя затерянным в глубине далекой, горной тундры, не хотел отрываться от жизни своего края, от жизни всей страны.

К вечеру прибыла в стойбище Нояно. Владимира она застала с паяльником в руках, окруженного чайниками, ведрами, кастрюлями.

Увидев Нояно, Владимир стремительно протянул к ней руки, но, заметив, что за ним наблюдают люди, стал сдержаннее.

— Как птица, как легкая птица, летит на оленях она! — прочел он нараспев, всматриваясь в устремленные на него глаза Нояно.

— Рад, Володя, очень рад, что увидел меня? — тихо спросила Нояно, подступая к нему еще ближе.

— Понимаешь, у меня вот сейчас стихи о тебе рождаются, такая ты... — Владимир запнулся. — Такая вот... без которой я жить уже не могу!

Нояно тихо рассмеялась, и смех ее отозвался в душе Журбы тысячами самых различных отголосков, переполняя его чувством, очень похожим на музыку. Он даже взмахнул руками, как бы дирижируя, отчего Нояно засмеялась снова.

— А ты все такой же... немножко чудаковатый и...

— И какой еще? — живо переспросил Владимир.

— Э, нет, не скажу! — Нояно вытасила из рукавички, расшитой цветным бисером, свою маленькую

смуглую руку, шутливо погрозила пальцем. — Знаешь, как трудно было мне здесь без тебя! Я должна провести инвентаризацию оленей в этих дальних стойбищах. В жолхозных бригадах прошло все хорошо, а вот у единичника Чымнэ ничего не получилось. Завтра снова поеду. У него сосчитать оленей надо особенно тщательно. Обманывает государство! Не хочет, чтобы точно знали, сколько у него оленей... Налогов боится!

— Ничего, не горюй, Нояно, завтра поедем к нему вместе.

Нояно глубоко вздохнула и зачем-то побежала к нарте, на которой только что приехала в стойбище.

«И надо же мне было проплыть несколько тысяч километров по морю, забраться вот сюда, в глубокую чукотскую тундру, чтобы здесь найти ее», — думал Журба, и в темносиних глазах его, как обычно в такие минуты, было что-то немножко мечтательное и в то же время серьезно-задумчивое.

Нояно вернулась в шатер иранги с небольшим ящиком. Сняв с себя быстрыми движениями длинноухую из пятнистой шкуры олененка шапку, девушка стряхнула с нее снег, под села к костру и раскрыла ящик, заполненный ягелем разных пород.

— Здешние пастбища изучаю, — сказала Нояно, извлечая из ячейки лапку серебристого ягеля. — Ты, наверное, не раз присматривался к оленьему мху, а знаешь ли, как он растет?

— Да так же, по-моему, как трава, — немного подумав, отозвался Журба.

— Так, да не так! — возразила Нояно, бережно поправляя лапки ягеля в ячейках.

Пастухи, постепенно заполнившие шатер иранги Орая, готовились пить чай.

— Хорошо ягель девушка понимает, — сказал один из пастухов, ездивший с Нояно по оленьим пастбищам. — Я ушам своим не верил, когда слова ее о ягеле слушал, глазам своим не верил, когда смотрел на нее.

— Откуда она ягель хорошо знает может? — недоверчиво заметил второй пастух.

А Нояно между тем объясняла Владимиру природу оленьего мха.

— Это очень сложное растение — своеобразное сожительство гриба, водоросли и азотобактера. Вот посмотри на это слоевище. Это грибные нити. Между ними зеленые тельца находятся — водоросли. Ты вот говоришь, растет, как трава. Значит, не знаешь, что ягель питается почти исключительно воздухом. Ты видишь, у него даже корней нет, только слоевище. Земля для ягеля не питательная среда, а лишь место прикрепления.

Изумленный Журба взял из рук Нояно небольшое гнездо ягеленок, внимательно осмотрел слоевище.

— Оттого он и растет порой просто на голых скалах, — наконец отозвался Журба.

— Мало того, именно здесь, на севере, ему легче всего расти, потому что в тундре мало других растений, которые его заглушали бы. А растет он одним и тем же гнездом веками. — Заметив в лице Владимира еще большее изумление, Нояно засмеялась, радуясь, что смогла сообщить Журбе нечто такое, чего он еще не знал, и добавила: — За несколькими кустиками ягеля ученые наблюдают вот уже триста лет. Понимаешь, три века!

— А ты расскажи пастухам, — предложил Владимир. — Они всю жизнь с ягелем дело имеют, но вряд ли знают о нем больше, чем я.

— Знать-то они знают, — мягко возразила Нояно, — только чисто практически: какая порода лучше, в каких местах его должно быть больше, вот, пожалуй, и все.

— А ты расскажи им, расскажи, — настаивал Владимир и повернулся к пастухам.

— Послушайте, оленьи люди, что говорит ваш олений доктор о ягеле!

Пастухи обступили Нояно. Она выложила различные породы ягеля из ячеек на крышку ящика и принялась рассказывать, порой путаясь, волнуясь, с трудом находя чукотские слова для перевода научных терминов.

Пастухи слушали внимательно, напряженно. Недоверчивое выражение на их лицах постепенно сменилось любопытством, потом изумлением. Многие из их долголетних наблюдений над ягелем, казавшееся необъяснимой загадкой, после слов девушки, с удивительным упорством, несмотря на насмешки, выкашивавшей в мужское дело оленеводов, стало ясным и понятным.

Смущенно, почесывая затылки, пастухи переглядывались, как бы говоря друг другу: «Как же так, а? Мы, можно сказать, на ягеле выросли, а не все знаем... А вот она, береговая женщина, знает».

Так и разошлись пастухи по своим ярангам, оживленно делясь своим недоумением.

12

На другой день чуть свет Журба, Нояно и Тымнэро с группой пастухов из бригады Орая прибыли в стойбище Чымнэ. Тымнэро еще издали увидел, как засуетилась у яранги Аймынэ, как беспокойно всматривался в подъезжающих гостей Кувлюк.

— Узнала Аймынэ меня! Узнала! — ликовал Тымнэро, нахлестывая оленей.

Когда упряжки остановились в самом стойбище, Тымнэро быстро выпряг оленей, нетерпеливо поглядывая на вход в ярангу Чымнэ: не покажется ли Аймынэ? Но девушка не выходила. Не увидел ее Тымнэро и тогда, когда вошел в шатер яранги.

— Несчастье в этот очаг вселилось, — неприязненно оглядывая гостей, сказал Кувлюк. — Жена Чымнэ сильно заболела.

Тымнэро глянул на полог и понял, что Аймынэ там, у больной сестры.

— Очень больна жена Чымнэ. Не надо бы ей волноваться, но вот... — Кувлюк развел руками, мол, как не волноваться, когда нехорошие, злые люди приехали к ней в стойбище. Тымнэро поймал на себе ненавидящий взгляд Кувлюка и, разозлившись, сказал:

— Надо было меньше ее в стадо на ночь посылать. Слыхал я, что Чымнэ в последнее время наравне с тобой в стадо жену свою гоняет. Замучили женщину...

В это время в ярангу вошел сам хозяин. Он пристально осмотрел гостей, глянул на незнакомую гостям испуганную женщину, возившуюся с рухлядью из шкур, и вдруг крикнул:

— Почему чаю нет? Не видишь, гости дорогие приехали, почему не встречаешь гостей с почетом?

Женщина, дальняя родственница Чымнэ, вздрогнула, подняла руку, словно защищаясь от удара, и робко сказала:

— Я сейчас, сейчас... Я думала, что тебе...

— Думала! — снова крикнул Чымнэ. — Разве женщина умеет думать?!

Глянув уголком глаза на гостей, чтобы проверить, какое впечатление производит на них то, что он не в духе, Чымнэ вышел на улицу.

— Кувлюк! Иди сюда! — приказал он с улицы. — Пойдем оленя дорогим гостям уьем, свежего, вкусного мяса наварим, пусть едят гости дорогие.

Журба встал и вышел на улицу.

— Послушай, Чымнэ, мясо есть нам некогда, да мы и не голодные, — обратился он к хозяину стойбища. — Мы по делу к тебе приехали, ты это хорошо знаешь...

На скулах широкого, изъеденного оспой лица Чымнэ заиграли желваки.

— Знаю, хорошо знаю, зачем вы ко мне приехали, — с трудом владея собой, сказал он. — Потом оленей считать будем. А сейчас я должен гостей хорошо накормить. Такой обычай у нас, чукчей...

— Сумерки коротки, скоро темно станет. Как в темноте точно оленей сосчитать? — возразил Журба.

— Оленей мы пойдем сейчас считать! — послышался голос Нояно, выходящей из яранги.

— В своем стойбище я хозяин! — ответил Чымнэ и вдруг крикнул на Кувлюка: — Чего стоишь? Разве не я тебе сказал, чтобы оленя поймать!

Кувлюк вздрогнул, схватил аркан, нарту и побежал к стаду. Вскоре он вернулся с убитым оленем. Свалив с нарты оленя возле яранги, Кувлюк скрылся. Не видно было и женщины, которая могла бы разделать оленя. Пастухи из бригады Орая переглядывались, осуждающе качали головами: Чымнэ явно затягивал время, чтобы сорвать инвентаризацию стада.

— Ну что ж, долго мы ждать будем? — спросила Нояно, обращаясь к Чымнэ.

— Не знаю. Вот женщины выйдут из полога от больной, оленя разделают, мяса наварят, поедим как следует, потом за работу возьмемся, — ответил Чымнэ, крепко затягиваясь из своей массивной деревянной трубки. — Или ты, олений доктор, не знаешь, что убитого оленя разделать надо? — язвительно обратился он к Нояно. — Ну да где тебе знать, ты же на берегу выросла, а отец у тебя не чукча... Попробуй-ка разделать оленя, ты же олений доктор, ты все должна уметь делать, что оленя касается.

Нояно встала, ни слова не говоря, вытащила из чехла у пояса Тымнэро острый нож и пошла разделывать оленя. Движения ее рук были точны и быстры. Пастухи из бригады Орая, Журба, Тымнэро, да и сам Чымнэ напряженно наблюдали за ней. И всем невольно пришло в голову, что девушка эта чувствует себя здесь легко и свободно и что оленя ей разделать ничего не стоит. Так оно и вышло: Нояно разделала оленя в каких-нибудь двадцать минут, не хуже чем сделала бы это здесь любая другая женщина.

Аймынэ, сидя у изголовья больной сестры, чутко прислушивалась ко всему, что происходило в шатре яранги и на улице. Чымнэ приказал никому из женщин не показывать носа на улицу до тех пор, пока не уйдут гости. Девушка ждала, не заговорит ли Тымнэро. «Ну чего ж ты молчишь? Ну скажи, скажи хоть что-нибудь, я хоть голос твой послушаю», — мысленно обращалась она к юноше. А он сидел совсем рядом с ней, в шатре, и разделяла их всего лишь тонкая стенка полога.

Приказ Чымнэ ни за что не удержал бы Аймынэ в пологе, если бы она не чувствовала на себе умоляющего взгляда больной сестры. Девушка так истосковалась по Тымнэро за долгие месяцы разлуки! Она звала его к себе во сне; она высматривала его всякий раз, когда до слуха ее доносились звуки подъезжающей упряжки. Она с напряжением подслушивала разговоры заезжавших в стойбище гостей, в надежде хотя что-нибудь услышать о бригаде Мэвэта: как живет Тымнэро, не заболел ли, не полюбил ли другую, не женился ли?

Аймынэ все вслушивалась и вслушивалась, что происходило в шатре яранги и на улице.

— Молодец Нояно! Ай, молодец! — едва слышно воскликнула она, когда поняла, что девушка, олений доктор, закончила разделять оленя. «Но где Тымнэро? Почему он молчит? А может, он ушел? Нет! Он здесь, здесь, совсем рядом. Я это чувствую, сердцем чувствую! Посмотреть бы на него, хотя бы одним глазком, хотя бы чуть-чуть...»

Взглянув на сестру, лежавшую с закрытыми глазами, Аймынэ бесшумно склонилась к чоыргыну, приподняла его ровно настолько, чтобы получилась небольшая щелочка. Она вся была полна решимостью протестовать, и только больная сестра удерживала ее от схватки с ненавистным Чымнэ.

Тымнэро она увидела так близко от себя, что задохнулась от волнения. Неудержимое желание протянуть вперед руку, прикоснуться к юноше захватило все помыслы, все стремления девушки. Ей казалось, что она больше ничего не желала бы всю свою жизнь, что это было бы пределом ее счастья.

Не в силах больше владеть собой, Аймынэ выглянула из-под чоыргына. На какое-то мгновение глаза ее встретились совсем близко с глазами Тымнэро. Она даже ощутила на себе его дыхание.

— Ты чего это, полоумная, а? — оглушил Аймынэ возмущенный голос Чымнэ. — А ну, назад!

— Аймынэ, Аймынэ, где ты? — донесся до слуха девушки голос больной сестры.

Девушка стремительно протянула руку, коснулась плеча Тымнэро и скрылась за чоыргыном.

Все, кто был в шатре яранги, невольно смотрели на Тымнэро. Юноша ничем не выказал своего волнения, спрятав его под каменной маской бесстрастия.

— Идемте считать оленей? — вскочил со skóry Чымнэ.

Подсчет оленей закончился под вечер. Нояно удивило, что оленей в стаде оказалось значительно меньше, чем по спискам за прошлый год. «Не угнал ли Чымнэ сегодня утром куда-нибудь часть своего стада?» — думала девушка, подозрительно поглядывая на хозяина.

Злой и усталый Чымнэ не стал пить чай.

— Готовьтесь к перекочевке! — закричал он. — Завтра пойдем еще дальше. Я не хочу, чтобы стадо мое пересчитывали люди, которые ничего не понимают в оленях!

Журба осмотрелся, разыскивая глазами Нояно. К его удивлению, девушки он не увидел.

— Вернулась к оленям, — вполголоса сказал ему Тымнэро. — Не верит она Чымнэ, проследить хочет, не подгонит ли кто оленей в его стадо. Говорит, что Чымнэ обманщик — государство обманывает. Уйду и я незаметно в стадо, помогу Нояно.

— Пойди, пойдя, Тымнэро, — сказал Журба, — а мне уходить нельзя, как бы Чымнэ не догадался...

Обливаясь потом, Кувлюк отвезил тяжело нагруженные нарты на ровную снежную поляну, чуть наклонно ставил их одна к другой передками вверх, устраивая из нарт круглую изгородь — кораль для загона ездовых оленей.

Чымнэ рассказывал по стойбищу, покрикивая на Кувлюка, сердито разбрасывая ногами разную домашнюю утварь, собранную для упаковки.

Владимир молча наблюдал за суматохой в стойбище.

Сидя на нарте без движения, он здорово замерз, то и дело постукивал нога об ногу.

— Что, холодно на земле нашей? — смиренным тоном спросил подошедший Чымнэ. — Нос у тебя почему-то совсем стал белым...

Журба приложил руку к носу и не почувствовал прикосновения.

«Будь она проклята, стужа эта! Если б Чымнэ вздумалось стукнуть меня по носу, я бы и не почувствовал, что надо дать сдачи», — подумал Владимир, пытаясь оттереть рукавицей нос.

— Может быть, ты скажешь, что тебе тепло? — как можно веселее спросил он.

Чымнэ молча снял с головы малахай и демонстративно принялся чистить его снеговыбивалкой. От непокрытой головы старика, опоясанной засаленным ремешком, шел пар, волосы быстро покрывались инеем. Журба с вызывающим видом тоже снял свой малахай и, вытащив из-за пояса снеговыбивалку, принялся очищать его от снега. Уши Владимира нестерпимо горели, ломило скулы и лоб от лютой стужи. Мучительно долго продолжалась эта необычная дуэль, но Журба не уступил и надел малахай лишь тогда, когда противник его снова покрыл свою голову.

Вспомнив, что имя Чымнэ в русском переводе значит бык, Журба засмеялся и, пробираясь между нарт на встречу подходившей к нему Нояно, победоносно зашел:

Торреадор, смелее в бой!..
Торреадор, торреадор!..

Чымнэ смотрел ему вслед, мрачно вслушиваясь в непопуганную песню.

Поздним вечером Журба, Нояно и Тымнэро возвращались на оленях из стойбища Чымнэ в бригаду Орая. Нояно управляла своей упряжкой уверенно и ловко. Журба ехал вслед за девушкой, невольно думая о том, что ему нужно

еще немало тренироваться, чтобы управлять оленями не хуже чем Нояно.

Подхлестнув оленей, Владимир поравнялся с Нояно.

Тымнэро мчался впереди всех. Перед глазами юноши стояло лицо Аймынэ. Она все же вышла к нему перед самым его отъездом из стойбища. Воспользовавшись тем, что Чымнэ в гневе разбрасывал поставленные Кувлюком в кораль нарги, Аймынэ выскользнула из полога, поманила в шатер яранги стоявшего возле входа Тымнэро. Юноша бросился к девушке.

— Я убегу, все равно еще раз убегу к тебе! — горячо зашептала Аймынэ, прижимаясь к его груди. Лицо ее было полно решимости. — Меня вот только... сестра останавливает! Замучат они ее здесь, совсем замучат!

Тымнэро все гладил и гладил ее черные густые волосы, заплетенные в две тяжелые тугие косы.

— Ты знаешь... мне порой... хочется убить Чымнэ! — вдруг приглушенно воскликнула Аймынэ, и маленькие кулачки ее крепко сжались, а в глазах вспыхнуло что-то нестерпимо гневное.

— Какие слова говоришь?! Надо по-другому! — поспешно ответил Тымнэро, кинув быстрый взгляд в сторону входа: не идет ли Чымнэ.

— Да, да! Я такая! Я...

— Аймынэ?.. Аймынэ, где ты? — послышался из полога болезненный голос жены Чымнэ. Аймынэ порывисто и в то же время как-то необыкновенно нежно обхватила ладонями лицо Тымнэро и горячо прошептала:

— Я приду к тебе! Пусть скалы непроходимые загородят мой путь, — сквозь скалы пройду!

В лице ее, преображенном болью разлуки, было что-то иступленное. Тымнэро припал к горячим губам девушки. Аймынэ вырвалась и мгновение всматривалась в юношу.

— Аймынэ, где ты? — снова послышался голос из полога.

Аймынэ порывисто заломила над головой руки, еще раз кинула последний взгляд на Тымнэро и мгновенно скрылась в пологе.

И вот сейчас Тымнэро нахлестывал оленей и пытался припомнить мельчайшие подробности этой встречи. Ему казалось, что он до сих пор чувствует на горячих щеках прикосновение нежных ладоней любимой девушки.

Нет! Рано или поздно они будут жить вместе. Никто не сможет помешать ему взять Аймынэ в жены. Он может сказать ее словами: «Пусть скалы непроходимые загородят мой путь, — сквозь скалы пройду!»

13

На второй день Чымнэ сделал большую перекочевку. Ему все же удалось до просчета стада отделить большую группу оленей, которые не вошли в инвентаризацию. Теперь он снова оленей соединил вместе.

— Поставьте в яранге два полога! — перед вечером приказал он Аймынэ и своей родственнице Пэкуль. — Сегодня один буду спать в пологе с женой, возможно шаман Тэмыль придет полечить ее.

Когда наступила ночь, Чымнэ послал в стадо Кувлюка и Пэкуль, а сам остался с больной женой. Аймынэ улеглась спать в другом пологе.

«Чего это он выдумал?» — пыталась догадаться девушка, предчувствуя что-то недоброе. Ее уже давно смущали не вполне обычные взгляды Чымнэ, его порой вкрадчивый, ласковый голос, когда он разговаривал с ней наедине.

Закутавшись поплотнее в теплые иинргыт¹, девушка чутко вслушивалась в ночную тишину, не в силах заснуть. Темнота пугала ее. Девушка поднялась, зажгла светильник и, чтобы чем-то занять себя, принялась за недошитую рукавицу. Мечты о Тымнэро скоро совсем успокоили ее. Девушка улыбалась, представляя себе, как она будет ухаживать за своим будущим мужем, какие красивые будет шить ему торбазы и рукавицы, как нежно будет ласкать его. Порой Аймынэ роняла руки с недошитой рукавицей на колени и долго сидела неподвижно, с неподухающей мечтательной улыбкой на лице.

И вдруг чоьыргын поднялся, и в полог ловко скользнул раздетый по пояс Чымнэ. Девушка вздрогнула и отодвинулась в угол.

— Чего так испугалась? — как можно ласковее спросил Чымнэ, раскуривая трубку. Руки его тряслись, а в маленьких заплявших глазах было что-то такое, чего он и сам не решался показать девушке.

— Я к тебе пришел... посидеть. Сестра твоя крепко уснула... Я дал ей глотнуть кусочек мухомора...

— Зачем? Зачем ты это сделал? У нее совсем слабое сердце! — возмущенно воскликнула Аймынэ, судорожно зажимая в руках рукавицу, не чувствуя укола от иголки.

— Поспит хорошо... Немножко можно — поможет. Вот кашлять перестала, — ответил Чымнэ, все так и не решаясь взглянуть прямо в глаза Аймынэ. — Вот и мы... сейчас уснем. Я знаю, тебе здесь одной... страшно.

— Уходи! Уходи отсюда! — закричала Аймынэ. — Я знаю, зачем ты сюда пришел!

— Знаешь? — переспросил Чымнэ и, наконец, прямо уставился в лицо девушке. — Вот и хорошо, что знаешь! Ты же не дочь мне, а всего только сестра моей жены.

Пораженная Аймынэ задохнулась, не находя ответа.

— Ты же знаешь, чего захочу я, так тому и быть! Или тебе, может, хочется вместе с Кувлюком по ночам мерзнуть в стаде? До сих пор я жалел тебя, берег тебя, подарки давал! Вон какие бусы на шее!

— Это не ты! Это сестра мне дала! — Аймынэ схватилась руками за бусы.

— А купил-то их я! Через жену и передал тебе... Видишь, какие они хорошие! — Чымнэ протянул руку, приоткрылся к подбородку Аймынэ. Девушка рванула бусы и с яростью бросила их прямо в лицо Чымнэ. Отпрянув в сторону, Чымнэ мгновенно смотрел на Аймынэ налившимися кровью глазами. Дышал он тяжело, а тупое лицо было покрыто испариной.

— Нет! Я не зря так долго ждал этой ночи! — охрипшим голосом промолвил он. — Я для себя берег тебя, как лучшую важеньку!

Чымнэ бросился на Аймынэ, рванул на ней кэркэр так, что затрещали завязки. Девушка вскрикнула, судорожно схватила в руку нож, лежавший возле светильника, ударила им куда-то наугад. Чымнэ снова отпрянул,

¹ И н и р г ы т — одеяла из выданных шкур оленя.

схватившись за плечо. Из длинной парашины на его плече сочилась кровь.

— Хорошо! Я сделаю по-другому, а своего добьюсь! — яростно прохрипел он, тяжело дыша. — А потом, как объедки собаке, брошу тебя в ноги Кувлюку.

В то же мгновение Чымнэ вынырнул из полога. «Хорошо, что хоть никто не слышал!» — мелькнуло в его затуманенной голове.

Но Чымнэ ошибся. Он не знал, что возле самой яранги стоял Кувлюк, чутко прислушиваясь к тому, что происходило в полоте. В стойбище он забежал, покинув стадо потому, что догадывался о недобром замысле своего хозяина. Поняв, что Чымнэ выскользнул из полога Аймынэ, Кувлюк пригнулся и в одно мгновение скрылся за ближайшим холмом. Ему было нестерпимо жарко. Сорвав с головы малахай, он с нестерпимой злобой бросил его себе под ноги, захватил полные пригоршни снега, приложил его к разгоряченному лицу.

«Ах, волк! Ах, старый, вонючий волк! — стучало в его мозгу. — Задушу! Я его задушу!»

Повернувшись лицом к яранге Чымнэ, Кувлюк сделал несколько неслучайных шагов и снова остановился. «А как она его! Ай, какая девушка!»

Обхватив голову руками, Кувлюк застонал и сел прямо на снег.

— Как объедки собаке! — вслух промолвил он и снова дико оглянулся на ярангу.

Ясное небо перемигивалось множеством звезд. Где-то далеко завывали волки. Послушный многолетней привычке, Кувлюк вздрогнул, на мгновение прислушался к волчьему вою.

«Пусть волки рвут его оленей! Пусть они и его разорвут в куски! — Кувлюк вскочил на ноги, подбежал к своему малахаю, нахлобучил его на заиндевелую голову. — Он из меня сделал собаку! Он мучает меня всю мою жизнь! А она, эта проклятая Аймынэ! Для кого она бережет себя? Почему я не уволок ее до сих пор в свою ярангу и не сделал с ней то, что хотел сделать Чымнэ?»

Дикое желание ворваться в полог к Аймынэ овладело Кувлюком. В разгоряченном воображении он уже видел, как, задыхаясь, заламывает ей руки, как вымещает свою злобу, накопленную годами терпеливого, покорного ожидания.

Возле яранги Чымнэ послышался скрип шагов. Страх, словно тугое кольцо аркана, захлестнул гулко стучавшее сердце Кувлюка. Он вскинул кверху кулаки, яростно потрозил ими невидимому хозяину и метнулся по невысокому обрыву вниз к реке. Больно заныло зашибленное колено. Кувлюк встал и застыл в оцепенении, дожидаясь, когда утихнет боль.

Вскоре Кувлюк уже ходил, прихрамывая, между оленей по стаду Чымнэ. Ему было нестерпимо жалко себя. На минуту ему представилось, что он совсем еще мальчик, всеми обиженный и заброшенный, которому хочется плакать.

— Чего смотришь? Видишь, два оленя далеко в сторону отбились! — вдруг хлестнул его сзади грозный окрик. Пастух вздрогнул, медленно повернулся и увидел приближающегося Чымнэ.

— Ну, чего стоишь! — еще громче выкрикнул Чымнэ. В голосе его чувствовалась ярость.

Кувлюк дождался, когда хозяин подойдет вплотную. Чымнэ с силой хлестнул в воздухе концом аркана и вдруг, скривившись, схватился за плечо. И тут Кувлюк неожиданно для себя разразился громким злорадным хохотом. Глянув с ненавистью в изумленное лицо Чымнэ, он круто повернулся и пошел загонять в стадо отбившихся оленей. «Не спишь тебе!» — с злорадством думал он о хозяине.

А Чымнэ, широко расставив ноги, долго, с тупым упорством смотрел в спину своего пастуха. Рука его попрежнему лежала на пораненном плече.

14

Савельев лежал на кровати, сосредоточенно глядя в потолок. Из задумчивости его вывел стук открывающейся в тамбуре двери. Савельев вздрогнул, выходя из оцепенения, легко соскочил с кровати, сунул ноги в торбазу. В тамбуре кто-то шарил по стенке. Савельев подошел к двери, распахнул ее, пристально всмотрелся в заснеженного человека.

— Кто это? — спросил он.

В ответ послышался глухой кашель гостя.

— О! Да это Шельбицкий! — воскликнул Савельев и вышел в тамбур. — В командировку? На ревизию? А где каюк? — быстро спросил он, выглядывая на улицу.

— Каюк поехал в соседний дом к своим родственникам, а вещи мои там... за дверью... снял с нарты, — ответил Шельбицкий, пытаясь сдвинуть со рта обледенелый шарф.

Захватив вещи бухгалтера, Савельев захлопнул на засов дверь тамбура, наскоро отряхнул гостя от снега.

Страшно неуклюжий в меховых одеждах, Шельбицкий вошел в комнату, с огромным трудом развязал одеревеневшими пальцами тесемки малахая, сбросил его с головы. Редкие волосы его слежались, нос и щеки были заметно подморожены.

— Проклятая стужа! — промолвил он хриловатым голосом, безуспешно пытаясь расстегнуть ремень на кушанке.

Савельев с нескрываемым презрением наблюдал за ним, подошел, помог расстегнуть ремень.

— Вы — тепличное растение! — наконец сказал он. — Вот какую силу имеет магнит, который называется деньгами! Даже вас вытащил на Север, в полярную стужу!

Когда Шельбицкий, наконец, разделся, Савельев пригласил его сесть, не спеша накрыл стол.

— Вы все еще так и не пьете? — спросил он, извлекая из тумбочки бутылку со спиртом.

— Не пью, — хмуро ответил Шельбицкий, пытаясь разглядеть свои слежавшиеся волосы.

— Ну что ж! сегодня я, пожалуй, поучу вас, как надо пить. Иногда это очень полезно для психической разрядки... очень полезно, — подчеркнул Савельев, разглядывая на свет — чисты ли стаканы. — Но прежде чем напиться до зеленых чортиков, мы выпьем с вами совсем немного, чтобы вести деловой разговор на трезвую голову.

Шельбицкий болезненно поморщился, потянулся вилкой к раскрытой банке с крабами.

— Так вот, медлить я не стану! Слушайте меня внимательно и старайтесь запомнить. Записывать вам, как

и прежде, ничего не разрешаю. — Савельев пристально посмотрел в мрачное лицо Шельбицкого, не чокнувшись, залпом выпил полстакана разведенного спирту.

Потянувшись к своему стакану и Шельбицкий, но Савельев остановил его.

— Вам придется подождать. Слушайте, что вам надо сделать ровно через месяц. Первое: приготовьте сводку, сколько будет к тому времени добыто по всему району пушнина. Как это выглядит в количестве хвостов и в рублях. Второе: узнайте, сколько в среднем в месяц проходит самолетов через кэрвукский аэродром.

Шельбицкий, не глядя на Савельева, с трудом пережевывал пищу. Огромный кадык его судорожно вздрагивал.

— Вы хорошо запомнили то, что я вам сказал? — спросил Савельев и снова налил себе спирту.

Шельбицкий вдруг вскочил со стула, крепко зажимая стакан в дрожащей руке.

— Сколько вы еще будете мучать меня, а? — истерично закричал он. — Ведь вы меня душите! Мне уже нечем дышать!

— Вам душно, Венедикт Петрович, вы так тяжело дышите. Позвольте, я вам расстегну ворот.

Сильные руки Савельева с цепкими пальцами потянулись к шее бухгалтера. Шельбицкий отпрянул назад, зашиб голову о стену.

— Не троньте! Слышите! Не смейте меня трогать! — выкрикнул он, срывая голос.

— Успокойтесь, Венедикт Петрович, — ласково попросил Савельев. И лицо его озарилось так пугавшей Шельбицкого почти детской улыбкой.

— Ну что, что вы сделаете со мной, если я больше ни один из ваших приказов не выполню! — снова заговорил Шельбицкий, нервно стискивая в руках вилку. — Продадите меня, да? Но этим же самым вы продадите и себя, слышите? С потрохами продадите себя!

Савельев встал, заложил руки в карманы. На мокрых губах его все шире и шире расплзалась злая усмешка. И она так была не похожа на его обычную светлую улыбку.

— Вы спрашиваете, что будет с вами, если не выполните мой приказ? Случится вот что. В один прекрасный момент кто-нибудь будет неприятно испуган тем, что найдет ваш... труп.

Савельев поставил ногу на табурет, задумчиво покрутил на столе стакан. Шельбицкий вспотевшей спиной плотно прижался к стене.

— Да, да. Это будет так. У вас, чорт побери, есть голова на плечах, и вы должны понять, что иного выхода у меня не найдется. Вы слишком опасным человеком делаетесь для меня, если не станете моим преданным другом. Итак — или враг, с которым я беспощадно расправлюсь, или преданный друг, который, как и прежде, будет щедро вознаграждаться.

Шельбицкому хотелось отпрянуть от стенки и бежать, бежать без оглядки прямо в стужу полярной ночи. Но он чувствовал, что ноги подгибаются, а в груди нехватает дыхания. В близко поставленных глазах его появилось выражение лютый тоски попавшего в капкан зверя.

— Сядьте! — властно приказал Савельев. Шельбицкий мешком опустился на стул.

— Один астролог предсказал смерть какой-то бабушке или тетушке короля, — Савельев тоже уселся на стул. — Король разозлился. Решил казнить астролога. Перед этим он его спросил: «Попробуй угадать, когда умрешь ты сам». Астролог ответил: «Я умру ровно за три дня перед вашей смертью». Королю ничего не осталось делать, как всячески оберегать жизнь астролога. Так вот в этом смысле у вас с тем королем судьба одна и та же. Моя могила — ваша могила, толкая меня к могиле, вы будете толкать себя туда же.

Шельбицкий взял стакан со спиртом, трудно выпил его.

— Два моих поручения вы запомнили. Слушайте третье, — неумолимо наступал на бухгалтера Савельев. — Это поручение самое важное. Слышите? Вы должны влюбиться в Женю Волхову! Помните девушку из геологического управления, которая руководила в кэрвукском клубе самодеятельностью?

Шельбицкий изумленно уставился в лицо Савельева.

— Да, да, не смотрите на меня, как баран на новые ворота! Вы должны ее полюбить, быть может даже жениться! Правда, мужские данные ваши для этого куда не годятся, но зато у вас есть много денег и прекрасные вещи. Попробуйте околдовать ее этим. Но это еще не все. Мне, откровенно говоря, наплевать на то, как у вас будет ныть или замирать сердце от любви. Прежде всего мне надо, чтобы вы хорошо узнали ее поклонников, то есть своих соперников. Среди них есть геологи. Именно они меня больше всего интересуют. Их фамилии, их экспедиции, а больше всего их открытия — вот что мне и вам надо... Думаю, что Волховой вы очень скоро страшно опротивите. Но вы не отставайте от нее, преследуйте днем и ночью. Хнычьте, рыдайте, умоляйте, извивайтесь ужом и лезьте в ее компанию. И слушайте, слушайте, слушайте, а главное — напоминайте! Для нас важна даже самая пустяковая мелочь. Один кирпич — это только кирпич. Много кирпичей, уложенных в определенном порядке, дом! — Немного помолчав, Савельев отхлебнул глоток воды, жестко добавил: — Если через месяц вы ничего не сделаете, я найду возможность от вас избавиться. Надеюсь, вы понимаете, насколько это будет для меня необходимо. А теперь вот возьмите это на конфеты вашей любимой девушке...

Савельев открыл стол и положил перед Шельбицким пачку сторублевок. Бухгалтер отодвинул деньги в сторону, потянувшись к стакану.

— Правильно. Давайте пить. Это успокаивает нервы. Только надо знать, где и когда пить. — Савельев протянул стакан, чтобы чокнуть с Шельбицким, но бухгалтер не заметил его жеста.

Он с раздражением отодвинул от себя пустую банку из-под крабов, вяло зацепил вилкой со сковородки кусок жареного мяса.

— Да. Чуть не забыл, — оживился Савельев. — Есть еще одна важная деталь в нашем деловом разговоре. — У нас отныне будет прекрасный связной — чукча Эчилин. Мой психологический анализ и на этот раз оказался безошибочным! Эчилин теперь наш от ногтей на ногах до кончиков волос. Причем это очень надежный, сильный человек, куда надежнее, чем вы — слюнтяй и тряпка. Как вам известно, в моем торговом отделении полагается иметь

каюра. Так вот, местный колхоз без особого сожаления отдал мне Эчилина. Там его не очень любят. Теперь он часто будет ездить за товарами в Кэрвук в районную торговую базу. А значит, и к вам.

— Дьявол! Вы просто дьявол! Вы еще одному человеку вручаете мою судьбу! — промолвил Шельбицкий. Красные глаза его уже были мутными.

— О, да вы пьяны! — воскликнул Савельев. — А ну-ка добавим еще.

...Вскоре Шельбицкий, совершенно бесчувственный, спал прямо в одежде на полу на медвежьей шкуре. Савельев все еще сидел за столом ипил. Сейчас в нем трудно было узнать того человека, который многих покорял своей ясной улыбкой, доброй шуткой, благодушием. Что-то беспредельно тупое и жестокое было в его лице.

Шельбицкий захрапел. Савельев уставился на бухгалтера налитыми кровью глазами. И вдруг на него накатилась такая мутная волна ярости, что он встал и с силой пнул ногой бухгалтера. Шельбицкий застонал во сне, крепко ухватился руками за шкуру.

— Свинья! — обозвал его Савельев и прошелся, покачиваясь, по комнате. — Мокрица! Поработай с такими. Но где, где я возьму лучших? Только на таких наша ставка. Он еще и продать тебя может, как иуда!

И к тому едкому и мутному, что было в душе Савельева, вдруг хлынуло что-то новое, что вот уже несколько лет изнуряло его. Это был страх. Это было ощущение, что он живет на пороховой бочке, которая в любую минуту может взорваться. Его пугало все — и то, что русские с дьявольским упорством противостоят натиску гитлеровцев даже здесь, на далекой, глухой окраине России, и то, что Чукотка оказалась совсем не такой, какой она ему представлялась, и то, что с чукчами, которых он раньше знал совсем другими, произошло что-то для него совсем непонятное. «Откуда взялся этот Гэмаль?» — не однажды спрашивал Савельев, сознавая себе, что он боится его, что ему стоит особенного напряжения казаться в глазах этого чукчи тем, кем он казался для других. Но вместе со страхом, как правило, росла столь же изнуряющая ненависть.

— Да, да! Тебе надо быть готовым ко всему. Попасть в ловушку здесь проще простого. О, как я их всех ненавижу. Жилы вытаскивал бы! На огне припекал бы!

Савельев заметался по своей тесной комнате, порой спотыкаясь и наступая на ноги Шельбицкого. Схватив стакан, он с яростью бросил его об пол. Руки его судорожно сжимались в кулаки. Ему хотелось расправы. Ему хотелось схватить кого-нибудь за горло и душить, душить, наблюдая, как жертву покидает жизнь. Он сейчас передумал бы здесь всех, всех — отсюда и до самой Москвы! «О проклятые! Почему человек такое слабое, такое ничтожное существо!»

Вдруг за дверью заскулил, не выдерживая лютого ночного мороза, щенок, которого Савельев растил вот уже три месяца. Остановившись, Савельев мгновение вслушивался в жалобу щенка, затем схватил лампу и вышел в тамбур.

Поставив лампу на подоконник, Савельев всмотрелся в щенка. Тот завилал хвостиком, преданно глядя в лицо хо-

зяина крупными черными бусинками глаз, в которых всем, как у детей, блестели слезы. Не чувствуя готовности хозяина выпустить его в комнату, щенок снова жалобно заскулил. И тут Савельев с испуганием стал бить его ногами. Щенок завизжал, прижимаясь к стене, забиваясь в угол. А Савельев все бил, все топтал его ногами в безнадежном стремлении дать выход своей невымещенной злобе. Изловчившись, щенок прыгнул на ящик и в отчаянье хватил зубами руку хозяина. Савельев поднес руку к глазам и, увидев кровь, вдруг схватил мертвой хваткой щенка за горло. Не скоро он выпустил щенка, бросив его бездыханного об пол. Покачиваясь, он взял лампу, вошел в комнату и совершенно обессиленный опустился в кресло. Лицо его было расслабленным, мутные глаза бессмысленными.

Утром Шельбицкий, осунувшийся, измятый, вышел на улицу подышать свежим воздухом. Голова его разламывалась от тупой боли. Где-то за соседним домом слышался веселый, бодрый голос Савельева, предупреждавшего охотников, что они должны сдать к вечеру в торговое отделение всю пушнину, заготовленную за прошедший день.

— Ни минуты промедления! Государству нужно золото! — восклицал он.

Шельбицкий криво усмехнулся, снова пошел к дому Савельева. «Сегодня денег отдохну. Завтра начну ревизию. Я и так знаю, что у него все в порядке», — подумал бухгалтер и полез в свой рюкзак. Достав несколько пачек махорки, Шельбицкий снова пошел по поселку, с надеждой выменять что-нибудь ценное из мехов, как это он делал не однажды.

В доме Анкоче особое внимание Шельбицкого привлекла шкура белого медведя, распластанная на полу.

— Ай, хорош, шибко хорош! — прицелкнул бухгалтер языком, указывая на шкуру. Шельбицкий знал обычай чукчей дарить понравившуюся гостю вещь и потому всеми силами старался показать, что шкура медведя ему очень приглянулась.

Но Анкоче к словам Шельбицкого был совершенно безучастен: старик знал, что этот человек с неприятным длинным лицом в один из своих приездов хотел сделать что-то очень плохое Петру Ивановичу Митенко.

Появ, что даром шкуру не получит, Шельбицкий вытащил из кармана пачку махорки.

— Война. Табак — норма, совсем маленькая норма! Курить, наверно, сильно хочешь?

Анкоче с жадностью тглянул на пачку махорки, пососал пустую трубку.

— Поменяешь? Тебе табак, мне шкура!

Анкоче заколебался: слишком дешево хотел купить у него длиннотелый шкуру медведя.

— Еще один пачка! — попросил старик добавить, подымая палец кверху.

— Нет-нет, не могу! — отрицательно закивал головой Шельбицкий. — Сам понимаешь — табаку нет! Дорогой, шибко дорогой стал табак...

Пососав еще раз трубку, Анкоче зажмурился и какое-то мгновение боролся с собой.

— Давай табак, бери шкуру, — наконец со вздохом промолвил он, неприязненно глядя на Шельбицкого.

В Января приехал секретарь райкома Ковалев. Остановился он у Гэмалы.

Через четверть часа Ковалев вместе с хозяевами сидел за столом. Устало щурясь, Сергей Яковлевич расспрашивал о делах сельсовета, колхоза. А Гэмалю было о чем рассказать. Охоту на песца январяцы начали более организованно, чем в прошлом году; с каждым месяцем повышала свою производительность пошивочная мастерская; заготавливался на заломах лес для домов; заканчивалось строительство питомника для собак. О колхозе «Быстроногий олень» писали в районной и окружной газете; у январяцев учились охотники других колхозов.

— Ну что ж, я очень рад за вас. Думаю, что о колхозе вашем на пленуме окружкома партии хорошие слова сказать надо. Опыт ваш поучителен для многих колхозов, — заключил секретарь, внимательно выслушав Гэмалю.

— Может, уснете с дороги? — спросил после ужина Гэмаль, показывая на притопленную постель.

— Э, нет, — возразил Ковалев. — Сначала потолкуем, Гэмаль. Задержусь я у вас не более, как на день, еду дальше, в окружной центр, надо успеть кое-что сделать.

— Что ж, Сергей Яковлевич, мне и самому хочется с вами о многом поговорить, — Гэмаль сдержанно вздохнул, набивая свою трубку.

— Ну, с чего начнем? — спросил Ковалев. — Быть может, прямо с тебя?

— Как это с меня? — смутился Гэмаль.

— Да так, — улыбнулся уголком рта Сергей Яковлевич. — Ты прости меня, но я хочу знать, какие у тебя взаимоотношения с Иляем... с его женой Тэюнэ...

Гэмаль нахмурился, крепко обхватив колени руками.

— Прошу перевести меня куда-нибудь из Января, — тихо сказал он, не глядя на секретаря. — Честно скажу, здесь такие крепкие люди, что вполне без меня обойдутся!

— Перевести тебя в другое место? — задумчиво переспросил Ковалев. — Через год, через два, пожалуй, переведем... В район, на руководящую работу переведем. Но сейчас ты нужен здесь.

Гэмаль безнадежно покачал головой.

— Вот что, Гэмаль, давай разговаривать так, как мы с тобой умеем, — прямо, откровенно..!

Гэмаль снова достал из кармана трубку.

— Ты что, всегда вот так дымишь? — спросил Ковалев.

Гэмаль оглядел трубку так, как будто впервые увидел ее, и, не раскуривая, положил на стол.

— Что ж, скажу прямо и откровенно, — наконец отозвался он. — Тэюнэ ушла от Иляя. Живет у старухи Уруут. Последние полгода я разговаривал с Тэюнэ не больше двух-трех раз и дальше так жить не могу... Я или уйду из Января, или возьму Тэюнэ к себе, навсегда возьму... Пусть говорят люди, что хотят. И без этого всякие скверные разговоры ходят по поселку...

— А она к тебе пойдет?

Гэмаль прямо посмотрел в глаза секретарю.

— Пойдет!

— Ну, а как Иляй? Если смотреть на него издали,

оттуда, из района, так выходит, что он порядочным колхозником становится.

— Да, Иляй меняется; трудно, а все же меняется.

— Ну что ж, теперь мне многое понятно, — кивнул головой секретарь. — Завтра попробую с Иляем и Тэюнэ поговорить, а тебе вот что скажу...

Гэмаль насторожился. Лицо его стало суровым, неприцасмым.

— Присматривался я к тебе, к Тэюнэ и к Иляю внимательно, сделал кое-какие выводы, проверить хочу: правильны ли эти выводы...

«Сейчас ругать начнет, стыдить или уговаривать, чтобы забыл Тэюнэ», — подумал Гэмаль. В глазах его вспыхнул холодный огонек отчуждения.

— Жениться тебе, Гэмаль, надо на Тэюнэ, да, жениться, — просто сказал Сергей Яковлевич.

Гэмаль выпрямился. В немигающих глазах его были изумление и радость.

— Так как же, Сергей Яковлевич... Я...

— Ты хочешь сказать: как это коммунист Ковалев советует другому коммунисту Гэмалю разбить чужую семью, советует отобрать у живого мужа жену. Выходит — грабеж, так, что ли?

Гэмаль промолчал и только слегка развел руками, как бы говоря: я уверен был, что так ты и скажешь.

— Мы, коммунисты, не решаем подобные вопросы, заглядывая в особые справочники: подходит этот случай под такой-то и такой-то параграф или нет? Догадываешься, о чем я хочу сказать?

— Да, да, догадываюсь, — быстро закивал головой Гэмаль.

— Мы за крепкую, не случайно возникшую семью, — продолжал Ковалев, смыкая у подбородка руки в замок. — И когда рунится старая, неправильная, скажем даже — уродливая семья, для того чтобы возникла новая, настоящая, мы считаем, что это абсолютно правильно. Но только в таком случае!

— Вот, вот в этом случае так и получается... Старая семья-то у них уже поломалась, совсем поломалась, — заторопился Гэмаль. — Я хорошо знаю, больше она к нему не вернется!..

— Тогда скажу то, что подсказывает сердце: хватит тебе мучить прекрасного человека Тэюнэ и мучиться самому! Возможно, что так вы и Иляю поможете...

— Как... поможем?! — удивился Гэмаль.

— Знаешь, в жизни всякое бывает. Помучается Иляй, задумается, что произошло, попытается как следует разобратся, почему жена ушла от него, почему она пришла именно к тебе, быть может кое-что и поймет. — Сергей Яковлевич улыбнулся. У глаз его собралась густая сетка разбежавшихся веером морщинок. — Завтра я сам побеседую с Иляем, попытаюсь внушить ему, что он сможет вернуть к себе жену, иначе говоря — сможет отбить у тебя Тэюнэ...

— Ну теперь я уже ничего не понимаю! — искренне признался Гэмаль.

— Что, странно кажется? Секретарь Ковалев дает чистосердечный совет и вдруг, как лиса, туда-сюда хвостом метет. Так, что ли? — засмеялся Сергей Яковлевич. Глаза его стали лукаво-насмешливыми.

— Нет, тут другое что-то, а что, не пойму, — усмехнулся Гэмаль.

— Вот именно другое, — став очень серьезным, подтвердил Ковалев. — Глупый человек, возможно, и назвал бы меня криводушной лисой. А я хочу совсем не того, чего хотелось бы такой лисе. Об Илье тоже надо основательно подумать, надо все сделать, чтобы он был убежден, что личное счастье и ему доступно в полной мере и что за него стоит бороться. Но вот как бороться — это подсказать ему надо.

— Ага, понимаю, понимаю, — обрадовался Гэмаль.

— Пусть он попытается как можно выше поднять в себе человеческое, чтобы вызвать уважение, восхищение, наконец любовь к себе если не Тэюна, то другой женщины. Не будем гадать, что у него выйдет, но если он выберет именно этот путь, такая попытка принесет ему огромную пользу... Илья тоже человек, и он всем нам дорог... Ну, похож я на лису, которая и туда и сюда петляет?

— Нет! Нет! Дорога у вас прямая, очень прямая. — Гэмаль встал из-за стола. Ему хотелось отблагодарить человека, который сбросил с его плеч огромную тяжесть.

— Спасибо вам, Сергей Яковлевич... Желаю... всем сердцем желаю, чтобы к вам как можно скорее вернулась жена...

Гэмаль осекся. На лице Ковалева он увидел что-то такое, отчего ему стало не по себе.

— Что? Что случилось? — Гэмаль почти вплотную наклонился к Ковалеву. Сергей Яковлевич откинулся на спинку стула, на минуту закрыл глаза.

...Около двух месяцев назад в его кабинет принесли письмо с обратным адресом военной полевой почты. Это было не то письмо, которое раскрывают немедленно, чтобы прочесть строки, написанные рукой дорогого человека: по адресу на конверте Ковалев понял, что написано оно чужой рукой.

Письмо лежало на столе. Сергей Яковлевич смотрел на узкие с острыми углами буквы и чувствовал, как постепенно в нем что-то сгибалось под огромной тяжестью тревоги. Сдавленное сердце билось трудно и гулко. А в глубине сознания уже перекинулись, путались одна с другой неясные мысли, сводившиеся в конце концов к одному, что нужно быть готовым ко всему, что нужно устоять. В памяти стремительно проходила она, его Галина. Вся жизнь ее, и та, которую он знал, и та, которую он представлял себе только по ее рассказам, вместились в одну минуту. Вот она поет на институтском вечере самодеятельности. Тогда она впервые увидел ее. Вот она нежно баюкает маленькую Леночку. Вот она смотрит глазами, полными слез, на него и бежит рядом с уходящим на Дальний Восток поездом, провожая мужа на далекую Чукотку. А вот она уже на корабле в белом халате, в маске над раненым моряком. И всюду такая живая, что представить ее неподвижной и безмолвной ему казалось невероятно диким.

Отяжелевшие руки с непослушными пальцами, в кончиках которых гулко билось сердце, наконец, взяли письмо. Ковалев замер. Он даже перестал дышать, словно этим пытался усмирить бешеный стук сердца. Но вот он вскрыл конверт, схватил глазами сразу несколько строчек.

И сразу в голову ударило что-то мутное и нестерпимо горячее. Все словно куда-то поплыло, растворяясь во мраке, выползшем из-за шкафов. Зыбкая и удушливая волна качнула его, едва не сшибая с ног. Никаких мыслей, только темный, глубокий провал и физическое ощущение острой, пронзительной боли, от которой захотелось застонать, закричать. Вмиг обессиленное полуобмороком тело казалось непослушным, словно принадлежавшим кому-то другому.

Но вот сознание вернулось, и в нем тут же черной массой вздыбилось, как взрыв, что-то высокое, падающее, грохочущее. Это память воспроизвела страшное сочетание остро очерченных букв... «смертью храбрых!»

Откуда-то хлынул все сокрушающий поток сил. Ковалев встал, опрокидывая стул, рванулся из-за стола с мыслью приостановить, задержать, заглушить надвигающуюся, как горный обвал, катастрофу. Но обвал гремит, и Ковалев пятится назад, схватившись руками за голову. Как выстрел, пронзила мысль, что он сходит с ума. И тут же вспыхнуло маленькой искоркой: «А может, это сон?»

Сергей Яковлевич быстро-быстро осмотрелся вокруг, ухватился руками за острый угол книжного шкафа, с силой потряс его.

— Нет, это не сон!

Голоса своего Ковалев не узнал. И тут снова робкая искра надежды вспыхивает в нем: «А может, мне это почудилось? Может, все это в какой-то другой связи?»

И вот искра уже разгорается в костер, в пожар. Ковалев рванул на себе ворот гимнастерки, так, что полетели пуговицы, жадно потянулся к письму и закричал:

— Свет! Почему не включен свет?!

Кто-то приоткрыл дверь. Ковалев отчужденно взглянул на знакомое лицо и не узнал его.

— Свет еще не дали, Сергей Яковлевич.

Ковалев сделал усилие понять, что ему сказали, но так и не понял. Когда захлопнулась дверь, он снова глянул в письмо и, скомкав его так, что хрустнули пальцы, тяжело опустился в кресло.

Неожиданно вспыхнул свет. Ковалев вздрогнул, встал. Схватив пальто, он с лихорадочной поспешностью оделся и ушел домой, никому не сказав ни слова.

На второй день работники райкома партии были удивлены тем, что первый секретарь не явился во время на работу. К полдню второй секретарь, Денисов, и председатель райисполкома, Попов, обеспокоенные, пошли к Ковалеву на квартиру. На их стук никто не отозвался. Но дверь оказалась открытой. Едва переступив порог, они остановились пораженные. Ковалев лежал на неразобранной кровати, глядя сухими, воспаленными глазами в потолок. В нем трудно было узнать прежнего Ковалева. Выглядел он так, словно перенес длительную, тяжелую болезнь. Осунувшееся лицо стало серым, запекшиеся губы обескровлены. Густые тени у запавших глазниц еще сильнее оттеняли неестественный, лихорадочный блеск глаз. На вошедших он не обратил ни малейшего внимания. Денисов и Попов тревожно переглянулись, бросились к кровати.

— Сергей Яковлевич, что с вами? Что случилось? — наперебой спрашивали они.

Ковалев не шелохнулся. Тогда Денисов не без труда разжал руку Ковалева, в которой было скомкано письмо, быстро прочел его.

— На, — глухо сказал он Попову.

Оба долго молчали, оглушенные несчастьем Ковалева.

Вышел Ковалев на работу на второй день. Товарищи попробовали было уговорить его взять отпуск. Но Ковалев ответил им тихим, надтреснутым голосом:

— Я буду работать!

Больше он не добавил ни слова.

Вскоре пришло из округа решение о созыве пленума окружного партии. Ковалев быстро собрался и уехал на собаках с мыслью побывать по пути во многих колхозах. Когда оставался наедине, был он попрежнему мрачным, подавленным. И только на людях вновь становился прежним.

И вот сейчас, чувствуя на себе тревожный взгляд Гэмала, Ковалев опять ушел в себя. Ему страшно захотелось куда-нибудь уйти, уединиться. Но взгляд Гэмала настойчиво спрашивал. Ковалев встал, подошел к окну и тихо сказал:

— Жена моя... погибла.

Ошеломленный Гэмаль привстал, но тут же снова сел, молча глядя в чуть сторбленную спину Ковалева.

16

Рано утром Ковалев уже ходил по поселку, знакомясь с делами.

Остановившись у входа в собачий питомник, Ковалев увидел Иляя, сидевшего на корточках перед парой толстых неуклюжих щенков. Поглаживая их по лопухим головкам, Иляй приговаривал что-то нежное, словно перед ним были дети. Сергей Яковлевич улыбнулся: «Как прежде, собак любит. Вон и неизменный его Утильгин вместе с ним».

Повернувшись к двери, Иляй увидел секретаря, слегка смутился и, позабыв поздороваться, указал на кормушки с собзками.

— Видишь, у нас теперь тоже свой питомник! Только вот плохой у нас заведующий. Кормушки холодные, грязные. Ругать его буду на собрании. Сильно ругать!

— Ругать будешь? — переспросил Сергей Яковлевич, проходя в питомник. — Порядка, значит, здесь нет?..

— Ага, нет порядка, — подтвердил Иляй и тут же добавил: — Ну ладно, побегу домой. На охотничий участок ехать надо. А сюда я просто так зашел.

— Просто ли? — задумчиво спросил Сергей Яковлевич и вышел из питомника.

Заглянув в несколько домов, он задержался на четверть часа у своего давнего друга — старика Анкоче. Старик строгал какие-то палки. Увидев Ковалева, он заулыбался по-детски счастливо. Морщинки на его впалых щеках разгладились, а у глаз собрались в густые веселые пучки.

— Много работы твои руки переделали, а вижу, все еще для тебя мало, — сказал Сергей Яковлевич.

— Руки только тогда сильны, когда есть желание работать, — ответил Анкоче, усаживаясь на иссеченный топором чурбан.

— Чем же ты занимаешься? — поинтересовался секретарь, разглядывая сложенные в стопку искусно выгнутые, остроганные палки.

— Угадай, — хитро прищурился Анкоче. Покрутив в руках одну из палок, Ковалев уверенно сказал:

— Остов байдары делаешь.

Анкоче удовлетворенно закивал головой.

— Но почему ты зимой занимаешься байдарой?

Анкоче попытлся трубкой, глянул на Ковалева и, поняв по его лицу, что задал он вопрос не без умысла, ответил:

— Летом птицы линяли. Орел клювом свои крылья чистил, каждый день чистил, старые перья вырывал, чтобы сменить их новыми. А сова не чистила крыльев. «Почему не чистишь крылья?» — спросил орел у совы. «А зачем мне их сейчас чистить? Сейчас тепло, мыши в норы не прячутся, я ловлю их, не летая. А вот зима придет, летать надо будет, чтобы согреться, чтобы мышинные норы найти, тогда и о крыльях своих позабочусь». Пришла зима. Орел взмахнул молодыми крыльями и полетел. А сова взмахнула старыми крыльями, перья выпали, и осталась она на месте. Ударил мороз — и замерзла сова. Вот как получается!

— Хорошо ты сказал, Анкоче. Мудрые твои слова. Рад, что ты трудишься и выглядишь здоровым. Пришел навестить тебя.

— Спасибо, Сергей Яковлевич. Вижу я, ты все такой же, как прежде, когда здесь учителем жил.

После осмотра поселка секретарь на колхозной упряжке выехал на охотничьи участки. Ему хотелось посмотреть на людей в работе. Каюрил он сам. Рослые заиндевелые собаки быстро мчались по снежному насту.

На одном из участков Ковалев встретил председателя колхоза Айгинто, попросил вместе проехаться по охотничьим избушкам.

— Хочу посмотреть, как охотники на своих участках живут.

Первая же избушка, куда заглянул Ковалев, ему очень не понравилась. Была она уже старой, покосившейся. В ней не было ни столика, ни табуретки, на полу набросаны влажные оленьи шкуры, на перевернутом ведре вместо лампы стоял жирник. Стены грязные, в копоти, окна завалены снегом, остро пахло пережженным нерпичьим жиром, прелыми оленьими шкурами.

— Нет, это никуда не годится, — нахмурился Ковалев. — Разве можно здесь жить?

Айгинто смущенно кашлянул, переступил с ноги на ногу.

— А зачем здесь хорошее жилище? Охотники сюда только на ночь приходят, а чуть свет — к капканам идут. Люди наши крепкие, выносливые...

— А не скажешь ли, почему у тебя охотники так часто домой на ночь любят ездить? Время зря теряют, собак мучают...

— Дома лучше... чище, теплее.

— Вот-вот, — подхватил Сергей Яковлевич, — теплее, чище. Хорошо, что я эту избушку собственными глазами увидел. Поругать бы тебя крепко за то, что о колхозниках не заботишься. Но думаю, что к моему возвращению из округа ты здесь все переделаешь.

— А как?

— Подумай, подумай!

Айгинто уселся на грязный ящик, закурил.

— Ну да, конечно, придумать кое-что можно, — через минуту отозвался он. — Побелить... вместо жирника лампу хорошую поставить... Столик сделать, картины на стены повесить.

— Мало... Еще думай! — потребовал секретарь.

— Ну, неплохо от окон снег отгрести, дверь поправить, сильно дует снизу.

— Мало!

Айгинто растерянно, с некоторым недоумением посмотрел на секретаря.

— Что так смотришь? Удивляешься, что я с тобой таким голосом разговариваю?

Айгинто смущенно улыбнулся, неуверенно кивнул головой.

— Не удивляйся, Айгинто, ты уже большой человек, видный человек в районе. Настало время разговаривать с тобой без боязни, что ты обидишься.

— Зачем же обижаться, — прокашлялся Айгинто, пытаясь принять спокойный и независимый вид. — Что я маленький, что ли? Если поругать надо, так что ж, и поругать можно.

Ковалев еле заметно улыбнулся, заглянул быстро в печку и спросил:

— Дымит?

— Немножко дымит, — подтвердил Айгинто, — поправить надо.

— Правильно, поправить надо. Но и этого мало. — Секретарь прошелся по избушке. — А ну покажи, где здесь у вас шкаф с библиотечкой? Где газеты? Шахматы? Патефон где?

— А, верно, вечером, после охоты, очень хорошо чайку попить, почитать, в шахматы поиграть, патефон послушать, — оживился Айгинто. — Это же просто, совсем просто! Честное слово, Сергей Яковлевич, попробую через неделю охотничьи избушки так переделать — как клуб будут!

К полдню Ковалев уже возвращался в поселок. По пути, на одном из охотничьих участков он снова встретил Илью, заряжавшего капканы. Рядом стояла нарта. Вид у охотника был понурый, подавленный.

— Что, Илья, нет у тебя сегодня удачи? — спросил Ковалев.

— Какая может быть удача, когда капканы пустые, — мрачно ответил Илья, стараясь не смотреть на секретаря. — Последнюю приманку проверил, придется с пустыми руками домой итти. Но все бы ничего, если бы не эта проклятая женщина: обогнала меня на три пса!..

— Тэюнэ, что ли?

— Ну да, она, конечно...

— А как ты думаешь, почему у тебя капканы пустые?

Илья глянул в лицо секретаря и сказал тоном горько обиженного человека:

— Наверное, я такой уж несчастливый, что меня даже псы не любят.

— Несчастливый, говоришь? — мягко спросил Ковалев. — А хочешь, я тебя научу, как быть счастливым?..

Илья недоверчиво покосился на секретаря и заметил:

— Счастливые люди на свет сразу рождаются, так же как и несчастливые.

— Счастье от человека зависит.

Секретарь это сказал таким бодрым и уверенным тоном, что Илья невольно снова пристально посмотрел на него.

— А кто его знает, может вы и научите, как счастливым быть? — произнес Илья с робкой надеждой в голосе.

— Садись-ка на нарту, покурим, побеседуем, — предложил Сергей Яковлевич. Илья послушно уселся и вдруг сам не зная, как это у него получилось, сказал:

— Жена ушла от меня. Трудно теперь мне стать счастливым.

— А ты мог бы вернуть ее. Серьезно говорю.

Илья опять недоверчиво и в то же время с надеждой посмотрел на секретаря.

— Так вот, Илья, начинай прямо с сегодняшнего дня и не забывай об этом ни на одну минуту, — начал секретарь таким тоном, как будто поверял глубокую тайну.

— Буду делать, обязательно буду делать, только скажи, как и что? — с готовностью ответил Илья.

— Прежде всего сегодня же пойдти на занятия ликбеза. Разыщи свои тетради, книги и принимайся за учебу. Так сделай, чтобы учительница тебя на каждом занятии хвалила, чтобы похвалы ее все слышали и прежде всего — Тэюнэ.

— Да, да. Тэюнэ всегда говорила, чтобы я учился.

— Дальше слушай. Купи в магазине хорошую одежду. Сделай так, чтобы все поразились, какой ты ажуратный. Приходи в клуб тогда же, когда и Тэюнэ приходит, делай то же самое, что и другие делают: играй в шахматы, пой песни, слушай беседы, задавай вопросы...

— Задавать вопросы? — с лихорадочной поспешностью спросил Илья.

— Непременно! Только сначала думай, хорошо думай, чтобы глупо не получилось. Сам знаешь, бывает, что умный человек, не подумав, глупое скажет.

— Да, конечно, когда глупо — плохо. Смеяться все будут. А Тэюнэ очень не любила, когда надо мной смеялись, говорила, что на меня жалко смотреть.

— Выходит не зря сказал это. Теперь дальше слушай. Самое главное нужно так сделать, чтобы о тебе как об одном из самых почетных колхозников не только в Янрае, но и во всем районе заговорили. Ты это сможешь так сделать. Вспомни-ка, тебя даже на жустовое собрание охотников посылали!

— Не везет мне, — уныло отозвался Илья. — Видишь, капканы пустые. Хорошим охотником смогу стать, если очень постараюсь, а вот самым лучшим — не получится у меня.

— А как ты думаешь... Что, если колхоз тебе важное дело доверит?.. Очень важное? — Секретарь взял Илью за рукав кухлянки.

— Какое дело?

— Что, если колхоз поставит тебя заведующим питомником? Ты же любишь собак...

— Заведующим питомником? — переспросил Илья, не веря своим ушам. — Заведующим? — соскочив с нарты, почти закричал он. — Ого! Да я бы... Я такой питомник сделал бы... Медведи, настоящие медведи у меня были бы, а не собаки!..

— А ну, ну, расскажи, что бы ты стал делать с питомником?

— Да я... я... всех собак в районе пересмотрел бы, самых лучших щенков выбрал бы... День и ночь с ними был! Через год наш питомник не хуже илирнэйского стал бы! — захлебываясь словами, уже кричал Иляй.

— Вот если сделаешь таким питомник, как обещаешь, сразу о тебе заговорят в районе, как об одном из самых почетных колхозников. Сегодня же поговорю с правлением колхоза. Посоветую им, чтобы поручили тебе это важное дело, — заключил секретарь. — Только смотри, чтобы не подвел меня. Как бы там у тебя не подошли собаки.

— У меня подохнут собаки? — Иляй сорвал с головы малахай. Вспотевшая голова его дымилась паром. — Да я скорее сам подохну! Я же по дыханию собаки слышу, что делается с ней! А этот старый Бенчик... Разве он понимает что-нибудь в собаках? Я скорее сам в нарте вместо передовика побегу, а большую собаку не дам для работы...

— Ну, ну, ладно, покрой голову, а то простудишься, — Сергей Яковлевич нахлобучил на голову Иляя малахай, шутливо прихлопнул по макушке. — Так как же, договорились?

Иляй бросил на снег рукавицы, схватил обеими ладонями руку Ковалева, шорываясь что-то сказать, но подходящих слов не нашел.

17

Вернувшись в поселок, Ковалев решил побывать и в торговом отделении, заглянуть в пушные и товарные склады.

Радужный, приветливый, но ровно настолько, чтобы не выглядеть подобострастным, Савельев показывал секретарю, как хранятся у него товары, пушнина.

Ковалев медленно шел по складу, все до мелочи ощупывая своими строгими, внимательными глазами. В складе был порядок: мешки с мукой, ящики с макаронами, чаем, спичками сложены в правильные штабеля; стеллажи все сухие, чистые; щели в крыше и стенах тщательно заделаны жестью, фанерными листами. Но пронизательный взгляд Ковалева все же не мог не заметить некоторого позорного порядка и в складах и в магазине. Бегло осмотрев все, что бросалось в глаза, он заглянул в те углы, в которых заведующий его не ждал. С трудом протиснувшись в узкий и неудобный проход, Ковалев осмотрел темный угол, заметил рассыпанные ружейные окислившиеся гильзы и молча показал на них Савельеву. В другом месте он заметил разорванный мешок с мукой, прикрытый оберточной бумагой.

— Зашить мешочек надо, а не прикрывать его бумажкой, — сказал он, мельком глянув на заведующего.

Заметив большой приоткрытый ящик, секретарь поднял фанерную крышку, увидел заплесневелые спички. Взяв один из коробков, он чиркнул спичкой — головка осыпалась.

— Что это?

— Ящики доставлялись летом на вельботе... в дожди, в слякоть, — замылся Савельев, — немножко и отсырели.

— А разве нельзя было во время просушить? — спросил Ковалев и, не дожидаясь ответа, добавил: — Видите ли, товарищ Савельев, мне больше нравится, когда за внешним беспорядком чувствуется абсолютный порядок, чувствуется душа человека, который налаживает порядок не для показа, а для дела. Сами понимаете, куда важнее, чтобы спички были сухими, а вы, кажется, больше заботитесь, чтобы ящички стаяли в ровном, как по ниточке, штабеле. Мне о вас говорили много хорошего. Буду рад со временем убедиться в справедливости этих слов.

Усевшись на ящик, Ковалев достал трубку, набил табак, но вспомнил, что он на складе, курить нельзя.

— Почему молчите? Вы же видели, что я собирался закурить?

Савельев с достоинством указал на висевший при входе огнетушитель и на несколько пожарных ведер.

— Не беспокойтесь, товарищ Ковалев, здесь можно... У меня пожар не случится...

— Пожарный инвентарь пригодится тогда, когда надо будет тушить огонь, — возразил Ковалев.

Заведующий смущенно кашлянул и промолчал.

Когда секретарь ушел, Савельев с раздражением пнул ящик со спичками, принялся наводить порядок.

И вдруг он почувствовал, что кто-то пристально смотрит ему в затылок. Савельев медленно опустил на старое место поднятый ящик. «Опять он... Анкоче!»

Повернувшись, заведующий встретился с острым взглядом старика, сидевшего на корточках, недалеко от двери. Лицо его было непроницаемо.

Вот так, как сейчас, Анкоче не однажды смотрел в упор на заведующего торговым отделением, не говоря ни слова... И всегда в таких случаях Савельеву было не по себе.

Постояв неподвижно, заведующий с подчеркнутым спокойствием переложил с места на место ящик с макаронами, не спеша подошел к Анкоче.

— Привык я к тебе, старик, рад видеть. Что-то редко последнее время заходишь, — сказал он, присаживаясь на пустой ящик.

Лицо старика было попрежнему непроницаемо.

— Почему все молчишь, Анкоче? Слушать любишь? — улыбнулся Савельев. — Приходи как-нибудь ко мне в дом чаю попить. Я тебе много интересного расскажу. О далеких землях и городах, где я вырос. — Савельев выдержал паузу. Лицо его стало грустным. — О жене, о детях своих расскажу, которых фашисты растерзали, — с тяжелым вздохом добавил он.

Анкоче встрепонулся. Он мягко дотронулся до рукава Савельева и тут же, как бы в чем-то сомневаясь, отвел руку обратно... Но, заметив, как скатилась по щеке заведующего слеза, он смущенно кашлянул и с неожиданной для самого себя сочувствием заговорил быстро, горячо:

— Ай-я-яй, как скверно получается. У тебя горе, большое горе, а сказать о нем некому. Трудно так жить! Так сердце тоскою испортить можно...

— Эх, знал бы ты, старик, как тяжело смотреть на трупки собственных детей, — снова вздохнул Савельев.

— Да, да, я понимаю. Я вот только на картинках смотрел и то чувствовал, будто кто за сердце меня хватал. — Анкоче быстро, дрожащими пальцами набил

трубку, протянул Савельеву. — На, затянись поглубже, легче станет...

Савельев принял трубку, жадно затянулся.

— Спасибо, старик, — тихо сказал он, — ты уж прости, что я тебя разволновал. Невзначай все это получилась.

— Ничего, ничего! За меня не беспокойся! — замахал руками Анкоче. — Если тебе захочется, все говори, вместе печаль разделим.

И старик добавил голосом, в котором чувствовалось давнишняя тоска:

— Печаль сердца твоего мне хорошо понятна... У меня была дочь, и тоже не стало ее. Вот послушай, давно было... Зашла к нашему берегу шхуна: американский купец Стэнли вместе со своим сыном Мартином удирал на Аляску. Долго грузили они на шхуну свое добро. Много лушинуы у нас награбили. Потом спирту вместе с матросами напились, к женщинам нашим полезли... У меня дочь была, красивая девушка. Мартин до этого все время лез к ней, нехорошо лез. Совсем молодой еще был волчонок, но пакостный. Ненавидела моя дочь его. И вот подговорил Мартин матросов пьяных, схватили они мою дочь, на шхуну утащили. А меня Мартин винчестером ударил, в голову ударил, вот посмотри...

Анкоче снял малахай и указал на шрам на затылке.

— О, какой злой человек! — воскликнул Савельев, осторожно дотронувшись пальцами до шрама.

— Упал я, как мертвый, — продолжал Анкоче. — С тех пор не видел я своей дочери...

...Когда Анкоче ушел, Савельев проводил его тревожным, ненавидящим взглядом, опустился на мешок с мукой и так долго сидел неподвижный, что-то обдумывая. А старик Анкоче в это время ковылял по снежной тропинке к своему дому, осуждающе качал головой и горько ушрекал себя:

— Ай-я-яй, какой скверный ты человек, Анкоче. Так плохо о нем мог думать. И чего такое мне в голову лезет? Совсем из ума выживаю, наверное. Хорошо, что никому еще о своих подозрениях не рассказывал.

18

Тимлю принимали в комсомол. На комсомольское собрание пришли почти все январцы. Иляй тоже пришел. Сидел он на стуле, чуть в стороне от всех остальных январцев. Одетый в темносиний костюм, с галстуком на груди, он важно заложил ногу за ногу и, казалось, не замечал ни того, как перешептывались люди, поглядывая на него с усмешками, ни того, как удивленно в его сторону поглядывала Тэюэ.

«Пусть, пусть посмотрит! Может, увидит, как на меня заглядываются девушки», — думал о жене Иляй, стараясь, чтобы ботинки с калошами и пестрые шелковые носки были обязательно ею замечены.

Купил себе новые наряды Иляй на второй же день после разговора с секретарем. Правда, не обошлось без конфуза. Иляю в магазине понравились длинные чулки, а не эти коротенькие, которые у него на ногах, но ему сказали, что это только для женщин. Потом оказалось, что и красную пашку со смешными хвостиками и очень кра-

сивую рубашку с синими полосами на груди тоже могли носить только женщины. Понравилась ему красивая сумочка, которую называли таким трудным словом, что легко было сломать язык. Оказалось, что и сумочку разрешалось иметь лишь женщинам. Но тут Иляй настоял на своем!

— Чудные эти русские женщины! — возмутился он. — Как они сильно обижают мужчин! Я ее все равно куплю...

— Ну, зачем тебе ридигюль? — рассмеялась Оля, которая помогала Иляю покупать наряды. — Я же тебе объясняю: сумочку эту полагаются носить только женщинам, потому что у них нет карманов...

— Взяли бы и пришили, — возразил Иляй. — Я бы ничего им на это не сказал... Как ты хочешь, а сумочку я куплю... Деньги хранить в ней буду.

Из магазина Иляй зашел к Оле примерить наряды у большого зеркала.

— Вот что, — вдруг нахмурился он. — Давай-ка, Оля, подстриги меня точно так же, как Рутьтына, чтобы волосы вверх торчали.

— Ежиком, значит? — улыбнулась Солнцева.

— Чтобы как на твоей щетке были, — подтвердил Иляй. — Или как у Рутьтына на голове. Это все равно.

Новая одежда Иляя поразила весь поселок. Иляй и сейчас с удовольствием отмечал, что люди не переставали удивляться, то и дело поглядывая на него.

Клуб постепенно заполнялся. Пришли Айгинто, Гэмаль, Пытто. Айгинто сел рядом с Тэюэ, чуть дальше уселся Пытто, за ним Гэмаль. По левую сторону от Тэюэ сидели Оля и Митешко.

«Ишь ты, все главные рядом уселись, — думал о партийных Иляй, с каким-то особенным вниманием всматриваясь в их лица. — И Тэюэ приняли в партию. Женщину приняли в партию!.. Ну пусть такую, как Оля, — такую принять, конечно, можно, а вот за что Тэюэ приняли?»

Комсорг Оля вышла к столу, открыла собрание. Начали выбирать президиум. Рядом с Иляем сидела старушка Оканэ. Он заметил, что, когда голосовали комсомольцы, старушка тоже поднимала руку. Иляй дернул ее за рукав и назидательно сказал:

— Только молодым поднимать можно руку. Комсомольцам! Это их собрание...

Тимлю сидела рядом с Айнэ, женой Рутьтына. Брело сжав руку подруги, она затаив дыхание наблюдала за всем происходившим. Вот Рутьтын, выбранный председателем, встал на место Оли, поправил на груди значок ворошиловского стрелка и сказал, что собрание продолжается.

«Сейчас, сейчас начнется», — думала Тимлю, все чаще и чаще поглядывая в сторону Оли: ей очень хотелось встретиться с успокаивающими глазами учительницы-комсорга!

Тимлю была в таком же темносинем платье, в каком была и Оля. Когда она перед собранием посмотрелась в зеркало в комнате учительницы, то не узнала себя. Оля суетилась вокруг нее, шумно восхищалась ее красотой. Длинные, густые ресницы Тимлю чуть вздрагивали, горячие, черные глаза смотрели изумленно...

И вот настало время, когда Тимлю надо было выступить перед собранием.

— Не надо бояться! — успела шепнуть ей Айнэ. — Это не страшно, совсем не страшно, кругом друзья...

Несмело подошла Тимлю к столу, ухватила за его край до боли в пальцах. В широко раскрытых глазах ее было выражение робости, удивления.

В этот момент отворилась дверь и на пороге показался Эчилин. Все повернулись в его сторону. Качаясь, Эчилин прошел между скамейками почти до стола, уставился мутным взглядом на падчерицу.

— Я пьяный, — объявил он.

Рультын выхватил из кармана толстый красный карандаш, громко постучал им по столу.

— У нас комсомольское собрание, и пьяным здесь делать нечего! — громко сказал он. Эчилин повернулся, прошел в самые задние ряды, сел в углу на свободное место. Рультын внимательно посмотрел в глаза Гэмалы, как бы спрашивая, что делать с Эчилином? Парторг успокаивающе кивнул головой, пусть, мол, сидит.

— Я первый хочу тебе вопрос задать, — обратился председатель собрания к Тимлю. — Только ты не волнуйся, ты мне уже отвечала на этот вопрос. Я хочу, чтобы ответ твой все люди услышали... Скажи, Тимлю, что такое комсомол, как ты понимаешь это?

Тимлю невольно повернулась в сторону Солнцевой, как бы призывая на помощь. Оля ободряюще кивнула ей головой.

— Комсомол это такая большая, очень большая семья молодых парней и девушек! — Тимлю перевела дыхание. — Парни эти и девушки честные, сильные. Они одно дело делают, нужное всем: жизнь по-новому перестраивают. И потом так скажу — комсомольцы ничего не боятся: ни врага, ни трудной работы, ни пурги, даже смерти не боятся! И я теперь тоже... ничего не боюсь! Хватит! не хочу, чтобы сердце мое, как у пугливой оленя, билось.

Эчилин поднял лохматую голову, посмотрел на падчерицу. Глаза его стали трезвее, осмысленнее.

— Вот как я комсомол понимаю, — тихо добавила Тимлю.

Оля захлопала в ладоши. Ее поддержали все, кто был в клубе. Только один Эчилин покачивал головой и бормотал что-то себе под нос.

Глядя на Тимлю, Тэюнэ вспоминала все до мельчайшей подробности, как сама недавно отвечала на вопросы в райкоме, когда ее принимали в кандидаты партии.

О! она, Тэюнэ, на всю жизнь запомнит то, о чем говорила тогда. Она тоже говорила, что коммунист — это честный человек, который по-новому переделывает жизнь, говорила о том, что коммунисты отвечают за все, что на свете есть хорошего! Коммунисты не хотят, чтобы люди от голода гибли, от болезней гибли, от войны гибли, они не хотят, чтобы один человек у другого рабом был. Все это как будто просто, совсем просто, но это мало одной головой понять. Это, как говорил ей однажды Гэмаль, надо каждой кровинкой понять. Ну, а когда поймешь, тогда необыкновенно сильным станешь, тогда бесстрашным станешь, тогда у человека будет светлая голова и большое сердце.

А как хорошо ответил Пытто, когда у него спросили, почему он вступает в партию. Тэюнэ запомнила каждое его слово. Он сказал тогда: «Вот когда охотник домой

песца приносит, он знает, что шкуру песцов не заберут у него даром, потому что партия есть. Когда я в окно смотрю, я много парходов в бухте вижу. Их партия прислала, потому что чужие оружие нужно, продукты нужны, вельботы, моторы, дома нужны. Когда у нас в поселке что-нибудь не ладно, мы к коммунисту Гэмалю идем, к коммунисту Айгинто или к Митенко идем, просим помощи, просим справедливости. Вот и я хочу быть в партии, чтобы ко мне люди приходили за помощью, за справедливостью, потому что я очень хочу, чтобы все хорошо в жизни было!»

Так отвечал Пытто. И она, Тэюнэ, его ответ тоже долго, очень долго помнить будет, потому что говорилось это тогда, когда в жизни ее случилось самое большое, о чем она еще совсем недавно не могла и подумать.

Не только комсомольцы, но и старики дружно проголосовали за прием Тимлю в комсомол. Сам Иляй, только что появившийся старухе Оканэ, что на собрании молодежи не комсомольцам голосовать не полагается, встал и высоко поднял руку. В душе у него творилось что-то невообразимое. От радости за Тимлю у него навернулись на глаза слезы, и в то же время он страшно завидовал ей, страшно завидовал жене своей Тэюнэ. Радость переплеталась с обидой. Иляй не знал, на кого ему обижаться, но обида подходила комом к самому горлу. Ему хотелось громко выкрикнуть какие-то особенные слова, чтобы люди непременно и на него обратили внимание и ему вот так же дружно хлопали в ладоши.

Вторым вопросом у комсомольцев было обсуждение другого, не менее радостного события. Комсорг Оля бережно развернула перед собранием сверток, и все увидели — на красном шелковом вымпеле синими буквами было написано: «Комсомольцам — передовикам охоты». В клубе поднялся шум, вымпел пошел по рукам. Иляй сидел, как на иголках, вслушиваясь в выступления комсомольцев. Все они обещали охотиться еще лучше. Иляй тоже все порывался поднять руку. Он был страшно рад, что кажется и ему представляется случай сказать свое слово. Только разрешил бы председатель говорить! Он такое скажет, что все ахнут!

И вот, наконец, Рультын возвестил, что слово имеет товарищ Иляй. Сразу стало необыкновенно тихо. Иляй, чувствуя, как у него бешено колотится сердце, подошел к столу и решил говорить так, как говорили однажды русские в Кэрвукэ на празднике Первого мая: громко, отчетливо, слегка размахивая руками.

— И комсомоль! — закричал он, рубанув воздух рукой, — и райком партии, и райичпольком...

С ужасом чувствуя, что вводная часть его речи затягивается, а запас русских слов слишком мал, Иляй набрал полные легкие воздуха, решительно не зная, что говорить дальше.

— Говори по-чукотски! — вдруг услышал он голос Гэмалы. Иляй как-то обмяк и коротко сказал по-чукотски, что всем колхозникам нужно работать так, как работают комсомольцы. И хотя ему дружно зааплодировали, прошел он на свое место неудовлетворенный и сконфуженный.

...Когда после собрания все стали расходиться, Айгинто догнал Тимлю, остановил ее. Девушка насторожилась. Она догадалась по возбужденному лицу Айгинто, что тот догнал ее далеко не только за тем, чтобы поздравить

со вступлением в комсомол. Дождавшись, когда подальше отойдут люди, Айгинто схватил Тимлю за руки и заговорил горячо, сбивчиво, порою не находя нужных слов.

— Вот теперь ты и комсомолка. Поздравляю тебя... А сейчас пойдем... пойдем в мой дом... Навсегда пойдем. Я... больше не могу. Я... мама сильно обрадуется. Ты привыкнешь ко мне... Ты полюбишь меня.

Тимлю смотрела широко раскрытыми, немигающими глазами на Айгинто, не в состоянии проронить ни слова. По лицу ее промелькнула тень страдания. Ей стало жалко Айгинто. Впервые он показался ей беззащитным и даже слабым. Она мучительно искала какие-нибудь теплые, успокаивающие слова и не находила. А он все что-то говорил и говорил, звал ее, спрашивал глазами. «Как много сделал он мне хорошего... Такой он смелый, ловкий, красивый... Но почему я не хочу, чтобы он держал мою руку? — Тимлю мягко и вместе настойчиво высвободила свою руку. — Какой же я буду ему женой? Он же злиться будет, страдать будет. Почему так в жизни бывает?.. Наверное, я очень плохая. Наверное, души нет во мне, наверное, вместо сердца ледащик кусок во мне».

— Ну, ты слышишь меня? — уже почти в отчаянии воскликнул Айгинто. — Пойдем, пойдем со мной. Я так давно уже жду, когда ты хозяйкой войдешь в мой дом...

С задумчивой медлительностью Тимлю отрицательно покачала головой.

Айгинто как-то сразу осекся, отшатнулся, как бы желая издали всмотреться в лицо Тимлю, и, словно вдруг что-то поняв, сразу сник, потух, ссутулился.

Тимлю еще острее почувствовала жалость к нему. Она робко протянула к нему руку, хотела сказать что-то, но в это время из-за сугроба вышел Эчилин. Он остановился метрах в десяти от Тимлю и Айгинто, какое-то мгновение смотрел на них, а затем повернулся и пошел прочь, пьяно покачиваясь.

— Вдвоем стоят. Наверное, совсем уже снюхались. Но, ничего!.. Вам хорошо, да и мне не плохо. Посмотрим... посмотрим, кому потом лучше будет! — бормотал он, не чувствуя обжигающего мороза. — Э-э! Скоро я вас так вот!.. — Эчилин крепко сжал кулаки, поднес их к глазам, вспыхнувшим волчьими огоньками.

Остановившись, он снова глянул туда, где только что видел падчерицу и председателя, и немало удивился тому, что Айгинто, понуриив голову, шел в одну сторону, а Тимлю совсем в другую, каждый по своим домам. «Чего это он так голову повесил, словно похоронил кого?» — спросил себя Эчилин.

Когда поселок утих, Эчилин неверной походкой подошел к дому Савельева, постучал в окно. Дверь открылась.

— Чего надо? — строго спросил Савельев, глядя на покачивающегося Эчилина. — С ума сошел! А ну, ступай домой! — властно приказал он. — Я что тебе говорил? Прятать надо нашу дружбу.

Сразу протрезвев, Эчилин попятился назад, осмотрелся и ушел за сугробы, которые почти занесли домик Савельева.

— Ай, сильный какой, волк матерый! Однакоже и зайцем казаться может! — промолвил он, оглядываясь. В голосе его слышалось уважение. И вдруг ему вспомнилась та ночь, когда Савельев поймал его у клуба с керо-

сином и спичками. «Спас! Спас он меня! Я знал, что когда-нибудь счастливый ветер подует в мою сторону. О старая хитрая лиса! Он давно уже меня насквозь видел!»

В Января прибыл заведующий райзо Лев Борисович Караулин. Остановился он в комнате Митенко. Петр Иванович, как обычно, был в разъезде. Караулин привел себя в порядок и вошел в комнату Солнцева. Учительница уже успела приготовить для гостя ужин.

За ужином Караулин расспрашивал Олю о делах в колхозе. Из его вопросов Солнцева поняла, что с жизнью колхоза он знаком хорошо. Это ей понравилось.

— Скажите, когда сложили штабели бревен, что у правления колхоза стоят? В эту зиму?

— Да. Наши колхозники решили не оставить в поселке ни одной яранги, — ответила Оля.

— Так! Значит, всерьез уюта захотелось... — нахмурился Караулин.

Солнцева удивленно подняла брови.

— Не удивляйтесь моей иронии, — снисходительно усмехнулся Лев Борисович, — завтра соберем собрание, и вам станет все понятно.

Улегшись в постель в комнате Митенко, Лев Борисович с наслаждением вытянулся, закрыл глаза с намерением уснуть, но сон не приходил. Вспомнился недавний пленум окружкома партии, опять, уже в который раз, пришло на память выступление заведующего окружным земельным отделом. Он ставил Караулина в пример другим работникам, отмечал его заслуги в выполнении пушного плана. «Хорошо он обо мне сказал, приятно было слушать», — подумал Лев Борисович и тут же поймал себя на мысли, не слишком ли часто он вспоминает эту похвалу. «Ну что ж, — поспешил оправдаться он, — хорошее о себе нужно знать так же твердо, как и плохое. Почему не порадоваться заслуженной похвале? Ведь любуются же люди орденом или медалью, когда их награждают?..»

На следующий день вечером Караулин выступил на собрании перед колхозниками.

— Хорошо, что вы уже начали перевыполнять план по добыче песка, — говорил он. — Но я вас предупредить хочу...

Караулин помедлил. Гэмаль и Айгинто насторожились. В тоне заведующего райзо они почувствовали что-то новое.

— Быть может, кто-нибудь из вас такие мысли в голове имеет: что ж, план начали перевыполнять, теперь можно и отдохнуть, личными делами заняться. Как полагаете, есть у вас такие мысли? Ну, ну, сознавайтесь, не думаю, чтобы у таких смелых людей, как вы, сердца заячьи были. — Караулин глянул на Гэмаль и Айгинто.

— Нет у нас таких людей, — убежденно сказал Гэмаль.

— Нет? — чуть насмешливо переспросил Караулин. — А мне вот кажется есть. — По рядам охотников пробежал сдержанный шепоток удивления. — Не скажешь ли ты мне, Гэмаль, или ты, Айгинто, бревна эти, которые возле правления, кто в поселок возит?

— Мы возим, — несколько недоумевая, ответил Айгинто. — Вчера пять колхозников на залеме работало.

— А знаете ли вы, что каждая минута, когда она не для войны затрачена, — совсем потеряна?

Лицо Караулина преобразилось — стало властным, требовательным. Некоторые колхозники смущенно переглядывались, невольно думая, что и в самом деле они совершили ошибку.

Караулин между тем продолжал:

— Пушнина — это единственное, что колхоз ваш для фронта дает. Советским бойцам ваши домики не нужны. Пока вы возились с бревнами, можно было лишней десяток песцов поймать! А знаете, что такое для фронта десять песцов?.. Это двадцать снарядов, которые убили бы сотню врагов.

— Мы успеваем делать и то и другое, — возразил Айгинто.

— Успеваете? — резко повернулся к председателю колхоза Караулин. — Это не плохо!.. Но плохо то, что вы о себе стали слишком рано заботиться. Сейчас весь советский народ только для войны, слышите, только для фронта работает, для защиты отечества!

Собрание сдержанно зашумело. Было видно, что слова Караулина произвели на охотников большое впечатление.

— Думаю, что мысли мои ясны, — подвел итог Лев Борисович. — Спорить здесь не о чем. Давайте для помощи фронту много песцов! Никаких домов, никаких других дел! Вот когда врагов разобьем, тогда и жизнь свою налаживать станем. Понятно я говорю?

После собрания Гэмаль и Айгинто долго сидели за столом, выкуривая трубку за трубкой. Но, как ни думали, как ни пытались понять, не вышло ли в самом деле ошибки, отказаться от своих планов строительства они не могли.

— Пойдем домой, потом в райисполком напишем, в райком партии напишем, Сергею Яковлевичу все расскажем, — предложил Айгинто Гэмалю. — А с Караулиным разговаривать я не буду: боюсь, что снова поругаюсь.

— Ну что ж, иди, а я еще посижу, подумаю, — немного помедлив, ответил Гэмаль.

Айгинто ушел, а Гэмаль снова набил трубку.

«Как же так получается? — размышлял он. — Хотели, чтобы поселок наш не хуже Илринэя был. Нельзя же людей обижать, которые еще в ярангах живут. Тесно им там... Неужели неверны мысли в голове моей? Неужели я, член партии, неправильно поступаю? Нет, это он, Караулин, неправильно думает. Если наши охотники будут знать, что жизнь их идет к лучшему, они больше песцов сумеют поймать, больше помогут фронту. Удача в веселому человеку быстрее приходит».

Через двое суток заведующий райзо выехал в тундру. Первым на пути его попало стойбище Мэвэта. Бригада Мэвэта как раз проводила праздник зимнего пастбища. Караулин принял участие в оленьих гонках и к финишу пришел вторым вслед за Тымнэро. Оленеводы восхищались его ловкостью. Понравилось это и Журбе. Он присматривался к заведующему райзо. Меховая одежда на Караулине была аккуратна, ловко пригнана, и полярный мороз, казалось, совсем для него не был помехой.

За несколько дней Караулин побывал почти во всех стойбищах ярайской тундры. Журба и Нояно ездили вместе с ним. Заехал Караулин и в стойбище Чымнэ.

Просмотрев акт инвентаризации, которую в свое время проводили Нояно и Журба, Караулин сказал:

— Втер вам очки Чымнэ и государству, стало быть. Результаты вашей инвентаризации не точны, следовательно они никуда не годятся. Инвентаризация — это учет. А значение учета для государства, я думаю, вам не следует объяснять.

— Да, надо полагать, что это будет лишним, — Журба улыбнулся его менторскому тону.

— Завтра я проведу здесь инвентаризацию сам, — нахмурился Караулин. — Советую вам понаблюдать, поучиться.

Инвентаризацию стада заведующий райзо действительно провел блестяще. Самым трудным было не только сосчитать олене поголовье, но и правильно определить его половой и возрастной состав.

Злой, но на этот раз сдержанный, Чымнэ с неавидностью наблюдал за Караулиным и бормотал себе под нос:

— Можно подумать, что у этого русского сто глаз. Всех до одного оленей пересчитал. И откуда только он нашему делу научился? С этим, однако, хитрить нельзя — сразу догадается, плохо будет!

Нояно не отступала от заведующего ни на шаг. Ей очень хотелось научиться правильным методам подсчета оленей.

— Это поразительно! — с восхищением сказала она Владимиру. — Чымнэ и Кувлюк просто рот от изумления открывали! Кувлюк лисой юлил — и так и этак, чтобы втереть очки Караулину, а тот лишь посмеивался да приговаривал: «Мало, Кувлюк, ты мерз в стаде чужом, совсем еще не научился делу оленеводу, почему так ошибаешься?»

— А вот мы с тобой опростоволосились! Обманул нас тогда Чымнэ! — улыбнулся Владимир.

Перед тем как уехать из тундры, Караулин попытался еще раз подвести итоги своих впечатлений, полученных в колхозе «Быстроногий олень». Было это уже в стойбище бригады Кумчу. Сидя в пологе на белоснежной шкуре, которую обычно стелют почетному гостю, Лев Борисович переписывал свои заметки, готовил доклад для отчета в райисполком, и тут он неожиданно для себя сделал вывод, что его приезд в тундру не внес пока никаких перемен к лучшему в основном вопросе, имеющем огромное значение для фронта, — в добыче оленеводами пушного зверя. Поэтому отъезд из тундры Караулин решил отложить на три-четыре дня, чтобы укрупнить стада оленей и выделить половину пастухов исключительно для охоты.

«Это же здорово! — сам восхитился собственному решению Лев Борисович. — Как это раньше мне не пришло в голову. Это и очень умно и оперативно. Надо среди оленеводов организовать специальные охотничьи бригады, которые будут заниматься только охотой».

Три дня метался по тундре от стойбища к стойбищу заведующий райзо, с редким упорством приводя свой план в исполнение. «Смелее, смелее, генерал армии охотников, — приговаривал он, не зная ни сна, ни покоя. —

Пускай в ход все резервы. Этого настоятельно требует обстановка!»

Но после отъезда Караулина в тундре случилось непредвиденное. Все заметили, что добыча песцов и лисиц резко сократилась. Оторванные от своих семей и оленей, оленеводы охотничьих бригад часто бросали капканы на произвол судьбы, догоняли ужочевавшее стойбище.

«Что же такое получается?» — спрашивал себя Журба, не зная, как выправить положение.

Прибыв в стойбище Кумчу, Журба узнал, что и здесь все пастухи, выделенные в охотничьи бригады, бросили свои капканы, вернулись домой. Надо было что-то предпринимать. Владимир решил обратиться за помощью к старику Ятто.

— Послушай, Ятто. Ты понимающий человек и уважаемый в своем стойбище человек, поговори с пастухами, которые охоту бросили, по-хорошему поговори. Быть может, тебя они послушают, назад к капканам вернутся.

Ятто даже и не взглянул на Владимира, продолжая подбрасывать в костер сухой хворост.

— Что же ты молчишь? Я так привык, что мы с тобой всегда понимали друг друга, хорошо понимали.

Ятто кашлянул, пососал пустую трубку и, наконец, глянув на Владимира, сказал:

— Давай думать, как сделать, чтобы люди наши по-прежнему много песцов ловили. Давай так делать, как раньше было. Пусть пастухи при своих стойбищах будут. При своих оленях будут. Пусть, как прежде, за оленями смотрят и ставят капканы. Тогда они снова будут много ловить песцов.

Журба задумался. Заметив его колебание, Ятто ожил и заговорил еще более настойчиво:

— Давай быстрее сделаем так, как сказал. Домой пастухи вернутся, обрадуются очень, снова хорошо охотиться начнут. А песцы и лисицы везде есть. Их еще больше поймать можно, если ставить на каждой переколке капканы.

Доводы старика показались Владимиру неожиданно правильными.

— Плохо сделал начальник Караулин. Совсем злое дело сделал человек, у носа пальцем махающий, — с мрачным видом продолжал Ятто.

— «Человек, у носа пальцем махающий?» — удивленно переспросил Журба. — Почему такое имя дал ему?

— Обидел меня начальник Караулин. Второй раз обидел, — не сразу ответил Ятто. — Однажды он из моего очага все амулеты забрал и теперь обидел: ругал меня, кричал. Не привык я, чтобы у носа моего пальцем махали.

— За что же Караулин ругал тебя?

— Да тут, когда он второй раз в стойбище Мэвэта приехал, случай такой произошел. На стадо волк бешеный напал. У меня как раз олени запряжены были. В гости к Мэвэту ездил. Сын Мэвэта на нарту прыгнул, за волком погнался, а карабин забыл. Долго гнался за бешеным волком Тымнэро. На ходу аркан собрал для броски, на ходу в волка метнул аркан, за шею зверя поймал, так задуманным с пеной на клыках в стойбище за нартой и приволок.

— Здорово! Смелый парень! — искренне восхитился Журба. Ятто недовольно глянул на него, беззвучно пошевелил губами, щипнул бородку и, наконец, сказал:

— У стариков глаза слезятся, а видят они лучше молодых. Ты, Владимир, жизни нашей не знаешь, ты многих опасностей на земле нашей не чувствуешь. Теперь несчастья ждать надо. Дух зверей порчу на наши стада найдет. Олени падать начнут.

Владимир был в замешательстве. Резко возразить старику ему не хотелось. Начать сейчас длинную, осторожную беседу против суеверных взглядов и примет казалось тоже излишним.

— Что ж на твои слова я сказать должен, Ятто, — наконец отозвался он. — Давай такой уговор сделаем: если несчастье не случится, значит Тымнэро прав, что не хочет признавать духов и, может быть, даже не верит, что они есть на свете.

Ятто внимательно посмотрел на Журбу, и вдруг мягкая улыбка появилась на его темнокоричневом лице.

— Почему же Караулин так не сказал мне? Почему в моей яранге, забыв, что гость он, стал сильно ругать меня, почему у самого носа моего стал пальцем махать? «Ты, как шаман Тэкыль, — говорил он, — ты почему Тымнэро ругаешь? Известно ли тебе, что шаман точно так же, как ты, Тымнэро ругает?» А я слушал, смотрел на палец, который у носа моего туда-сюда ходил и потом так сказал: «Что ж, человек я честный, не лгущий человек, тебе прямо скажу: Тэкыль хоть и шаман, а правильно Тымнэро ругает». Тут Караулин совсем рассердился, кричать так стал, что я думал покрывка с яранги моей, как от пурги, слетит. Не понравился мне тогда, сильно не понравился начальник, у носа пальцем махающий...

— И мне не нравится, что Караулин кричал на тебя, Ятто, но, по-моему, Тымнэро очень правильно сделал, что волка задушил, — откровенно признался Журба.

— Ну ладно, давай главный разговор кончать. Как же сделать, чтобы олени люди снова много песцов ловили? — спросил Ятто. — Согласен ли ты сказать оленьим людям, чтобы они, как прежде, и за оленями смотрели и песцов ловили?

— Дай я подумаю, — попросил Владимир и вышел из яранги.

«Нет, прав Ятто, а не Караулин, — твердо, наконец, решил он. — Этот полярный дед — очень мудрый дед, хотя дремуче-темная голова его и не может расстаться с духами».

Когда Журба сообщил старику, что он согласен с ним, Ятто быстро встал и сказал:

— Тогда сейчас пастухов по всем стойбищам пошлем. Пусть скажут, чтобы все по-старому было, увидишь, завтра-послезавтра хорошие вести придут, кто сколько песцов поймал...

По совету Ковалева правление колхоза «Быстроногий олень» утвердило Илью заведующим питомником. Илья был бесконечно рад назначению. Заканчивая вместе с Гивэем последние недоделки в питомнике, он успел за не-

делу вымотать душу и председателю колхоза и членам правления.

Больше всего огорчало Иляя то, что в питомнике не было ни одной оленегонной собаки¹. Однажды он заговорил об этом в правлении колхоза с председателем. Айгинто отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и с сердцем сказал:

— Ты слишком стараешься, Иляй; думаешь, у нас только и дела, что о собаках беспокоиться. Ты хочешь, чтобы правление колхоза все время сидело в питомнике и собак гладило, кормушки их чистило.

— Почему слова такие глупые говоришь, а? — возмутился Иляй. — Не надо мне, чтобы вы кормушки чистили. Я сам чистить буду! Мне надо, чтобы питомник наш не хуже илirianского был, чтобы в нем и оленегонные собаки были! Чтобы нам за это оленьи люди спасибо сказали.

— Ну, ты долго еще над моим ухом будешь жужжать?! Шел бы к своим собакам и говорил бы им там, что тебе вздумается! — все более раздражался Айгинто, быстро и беспорядочно перелистывая бумаги.

Иляй был уязвлен до глубины души. Ему самому захотелось сказать председателю что-нибудь злое, обидное. Он кинул быстрый взгляд на Гэмалья, сидевшего тут же, и сказал:

— Обложился бумажками и кричит бестолку. — И вдруг, сам не зная, как это у него получилось, выпалил: — Рваная глотка!

Председатель медленно поднял от бумаг голову. Лицо его было перекошено от гнева. Иляй часто-часто замигал глазами, поняв, что перехватил через край.

— А ну, вон отсюда! — закричал Айгинто и двинулся на Иляя. — Я тебя научу, как с председателем разговаривать!

Испуганный Иляй шархнулся к двери, спотыкнулся о порог, едва не упал. Когда дверь захлопнулась, парторг и председатель пристально посмотрели друг другу в глаза.

— Ну? — тихо спросил Гэмаль.

— Что ну? — Айгинто с шумом отодвинул табуретку, заходил из угла в угол.

— И не стыдно тебе? Неужели ты не понял, что с Иляем в этом случае особенно по-человечески поговорить надо было.

Айгинто минуту молчал, с огромным трудом подавляя в себе дух противоречия.

— Понимаешь, в такую минуту подошел. Злой я, с отчетом затынул, теперь тороплюсь, путаю. А тут он еще вспомнил это старое прозвище...

— Плохо, что ты и с людьми торопишься, путаешь, — уже миролюбиво заметил Гэмаль. — Говоришь, что Иляй не в подходящую минуту подошел, а вот о том не подумал, что заговорить с ним по-хорошему была самая подходящая минута. Ну, согласен со мной?

— Согласен, конечно, — уже виноватым тоном отозвался Айгинто.

— Иляй правильно сказал, что оленегонные собаки нужны колхозу нашему. Давай напишем в Илirian, чтоб нам хоть несколько таких собак продали. А теперь

советую позвать Иляя и поговорить с ним по-человечески, — неожиданно заключил парторг.

Айгинто изумленно вскинул брови. Но тут же с отчаянием махнул рукой и, заметив в окне Оро и Тотыка, вышел на улицу, попросил их позвать Иляя.

Пока ждали Иляя, парторг и председатель молчали. Но вот, наконец, появился Иляй. Он осторожно приоткрыл дверь, с опаской заглянул в правление, не решаясь войти.

— Ну, ну, заходи, заходи! — позвал его Айгинто. При виде испуганного Иляя он как-то размяк и вместе с невольностью к нему пришло облегчение.

Иляй переступил порог, смущенно затоптался на одном месте. Широко улыбувшись, председатель встал ему навстречу и, чувствуя, что на душе у него становится уже совсем легко, сказал:

— Ты меня прости. Потерялся немного. Об оленегонных собаках ты правильно говорил.

Иляй недоуменно вскинул глаза на председателя, потом глянул на парторга.

— Да, у тебя хорошая, хозяйская забота о питомнике, — подтвердил Гэмаль, — и мы с председателем это очень ценим.

— Цените? — осмелел Иляй. — Ну, если цените, то давайте мне откуда хотите оленегонных собак! Что это за питомник без оленегонных собак?

Айгинто положил на его плечо руку.

— Верно! Требуй своего! Через недельку вместе с Гивзем выедете в Илirian. Ты лучше собак выберешь, а Гивзэй как следует питомник илirianский осмотрит, нужное для себя перенимет.

— Вот это я понимаю! — воскликнул Иляй. От прежнего испуга его не осталось и следа. Был он теперь важным, всем видом своим показывая, что знает себе цену. Айгинто, с трудом скрыв улыбку, попрощался с Иляем за руку.

— Ну, теперь тебе и отчет веселее писаться будет, — сказал Гэмаль председателю после того, как вышел Иляй.

— Верно, верно, парторг! — подтвердил Айгинто и даже замурлыкал себе под нос веселую песенку, углубляясь в бумаги.

И тут в правление колхоза вошла Тимлю. В расписной, изящно спиной дошке, в легонькой белоснежной шапке, как-то особенно оттенявшей черноту ее мягких застенчивых глаз, с черными тугими косами, перекинутыми на грудь, она сегодня показалась Айгинто, как никогда, желанной и родной. Он невольно подался вперед, скомкал нужную бумагу, но вдруг, как бы что-то вспомнив, сдвинул брови, выпрямился. Пристально посмотрев в лицо Айгинто, Гэмаль перевел взгляд на Тимлю и с озадаченным видом откинулся на спинку стула.

Тимлю неслышными шагами подошла к столу Айгинто и тихо сказала:

— Я к тебе, председатель. В мастерской нашей кончается запас камусов и оленьих жил. Мало также осталось оленьих шкур для меховых жилеток. Пришла предупредить...

— Хорошо, Тимлю, я об этом позабочусь, — так же тихо ответил Айгинто. — А вот, скажи, верно ли, что у вас там как будто печка дымить стала?

— Да, это верно, — подтвердила Тимлю. — Глаза у швей болят, слезятся.

¹ Оленегонная собака — собака из породы лаек.

— А чего же ты молчишь? Почему не идешь в правление требовать, ругаться? — вдруг словно как бы повеселел Айгинто. — Вот, как Иляй, например, пришел, поругал меня за то, что мало о питомнике думаю.

Тимлю смущенно улыбнулась.

— Да, это верно, — уже смелее сказала она. — Надо как можно скорее починить нам печку. Очень прошу тебя, председатель.

— Сегодня же почию, Тимлю, — пообещал Айгинто. Было видно, что ему страшно хочется сказать еще что-то.

Тимлю почувствовала это.

— Ну, я пойду работать, — заторопилась она.

Девушка бесшумной походкой вышла из правления. Как только захлопнулась дверь, Айгинто с силой отодвинул стол, быстро подошел к окну. Долго стоял он у окна, провожая взглядом удаляющуюся легкую фигурку Тимлю. Весь погруженный в свои невеселые думы, он совсем, казалось, забыл о Гэмале.

Первым нарушил молчание парторг.

— Что произошло? Поссорились, что ли?

Айгинто вздрогнул, медленно повернулся к Гэмалю.

— Нет, много хуже... Тимлю меня не любит и, наверное, никогда не полюбит, — сказал он, не в силах верить самому себе. — Уж так вот получается...

— Не рано ли тебе такие мысли пришли в голову? — осторожно спросил Гэмаль.

— Нет, не рано. — Айгинто снова повернулся к окну. — Вот уж несколько лет я проверяю, правильно ли думаю. И ответ все тот же — не любит...

Долго тянулось молчание. Гэмаль напряженно искал какие-нибудь такие слова, чтобы как-то успокоить председателя. Айгинто это чувствовал.

— Тут, парторг, ничем не поможешь! — с наигранной бодростью воскликнул он. — Как-нибудь сам себе помогу. Давай работать!

Председатель поправил стол и снова взялся за свои бумаги.

«Да, тут, наверное, парторг ничем не поможет», — мысленно согласился Гэмаль с председателем.

Айгинто вяло полистал свои бумаги и, обхватив голову руками, застыл в неподвижности, упорно глядя куда-то в одну точку.

21

Иляй вместе с Гивэем по поручению правления колхоза «Быстроногий олень» прибыли в Илирнэй. Иляй тотчас же забрался в питомник, начал облюбовывать собак. Вскоре илирнэйский колхозник Лиса всполошил весь поселок.

— Люди! Чего по домам сидите! — кричал он. — Посмотрите, что в питомнике нашем Иляй делает!

Когда илирнэйцы вошли в питомник, то увидели, что добрая половина лучших собак была увешана бирками, на которых было написано: «Это собака наша».

— Зачем ты собак метками разукрасил? — насмешливо спросил председатель колхоза Омгар, обращаясь к Иляю. — Или сегодня праздник у собак?

— А как же! Конечно праздник! — воскликнул Лиса, готовый наброситься на Иляя с кулаками. — Как же не праздник, когда в гости к ним пришел сам Иляй!

— Я к тебе, Лиса, в гости пришел, а не к собакам! — с достоинством, поразившим всех, ответил Иляй.

Лиса смущенно кашлянул и уже совсем другим тоном ответил:

— Гостю я всегда рад. А вот помеченных тобою собак мы тебе ни одной не отдадим. Сами выберем.

— Да, Иляй, мы уже выбрали, каких собак вам продать, — подтвердил и председатель колхоза. — Зови Гивэя, и берите вон тех четырех, в самой крайней кормушке... Это хорошие собаки.

Иляй, забыв обо всем на свете, бросился к указанной кормушке.

— Собаки хорошие, — вскоре подтвердил он. — Только мало очень.

— Пока хватит, больше продать не можем, — отрезал Омгар.

Не меньше Иляя удивил илирнэйцев и Гивэй. Он бесцеремонно шарил по питомнику, лазил на крышу, что-то чертил на листах бумаги, записывал. Закончив свою работу, он вошел в магазин, набросился на книги.

Продавец — чукча, с добродушным, смуглым лицом, — подавал Гивэю книгу за книгой, радуясь, что имеет дело с таким солидным покупателем.

— Еще вон ту подай, синенькую, — просил Гивэй.

— Бери, бери! Хоть все до одной бери! — потирал от удовольствия руки продавец.

Вскоре все книги, украшавшие полку илирнэйского магазина, были увязаны в огромную стопку. Рассчитавшись, Гивэй хотел было уже уйти из магазина, как вдруг его внимание привлекла скрипка. Гивэй даже затрясся: «Настоящая скрипка! Такая, как у Савельева! И как это я раньше ее не заметил!»

— Что, скрипку купить хочешь? — с замиранием сердца спросил продавец: ему страшно надоела эта хрупкая вещь, которая висела в магазине вот уже четыре года. — Покупай, играть научишься. Для скрипки этой и книга есть, самоучитель называется.

— Самоучитель есть! — воскликнул Гивэй. — А ну-ка дай, дай скорее мне его!

Жадно просмотрев несколько страниц, Гивэй перевел дыхание и, словно боясь, что скрипку у него может кто-нибудь перехватить, заторопил продавца:

— Заворачивай, скорей заворачивай! И самоучитель тоже! Сколько стоит?

Тут в магазин вошел Лиса. Пораженный, он минуту смотрел на огромную кипу книг у ног Гивэя.

— Что это? Янрайцы все книги из нашего магазина забрали? — изумленно спросил он. — И эту красивую вещь, которая много лет здесь висела, тоже забрают?

Продавец развел руками, как бы говоря: ничего не поделаешь, покупатель покупает, а я продаю...

Лиса круто повернулся и побежал в правление колхоза. Нахальство янрайцев, казалось ему, достигло высшего предела.

— Так янрайцы нас, однако, совсем ограбят! — воскликнул он, вбегая в правление. — Гивэй все до одной книги забрал из магазина, скрипку красивую тоже за-

брал! Завтра они все оружие заберут и продукты все заберут! Пустые полки оставят.

Несколько илирнэйцев, сидевших в правлении колхоза, встали со скамьи.

— Куда вы? Опомнитесь! — засмеялся Омгар. — Не думаете ли вы у гостя купленные им вещи отбирать?..

Возвратившись в Янрай, Гивэй в свободное от охоты время принялся по илирнэйскому образцу переделывать конструкцию кормушек в питомнике. Иляй был у него самым деятельным помощником. Оба вкладывали в свое дело столько души, что это невольно их сдружило. Когда Гивэй долго не возвращался с охоты, Иляю было скучно. Особенно заскучал он, когда Гивэй уехал с комсомольской бригадой Рутьгына на несколько дней в тундру, где им предстояло занять самые дальние охотничьи участки. Гивэй оставил Иляю целую кучу чертежей и попросил его довести до конца начатую ими работу.

— Хорошо, Гивэй, я сделаю, я все как следует сделаю, — заверял своего друга Иляй. — Пусть только посмотрит какой-нибудь илирнэец на наш питомник — у него от удивления рот до ушей откроется. Лису к нам в гости позвать, что ли?

Гивэй не успел еще уехать, как Иляй принялся за работу. Затопив в питомнике печь, он начал строгать рубанком брусья на верстаке. Увлечшись работой, Иляй не заметил, как стал подкрадываться вечер. И тут он вспомнил, что не выполнил урока по лыжбесу, заданного Солнцевои. Иляй поморщился. «Ох и надоедливые же дело домашнее задание выполнять... И как это у Гивэя хватает терпения так много учиться?..»

Сумка с книгами и тетрадями у Иляя висела тут же, на стене, в питомнике. Стряхнув с верстака стружки, он разложил на нем свои измятые, залитые чернилами тетради.

«Задачу решить надо. Хотя бы чуть-чуть решить, а там Оля поможет», — рассуждал он.

Открыв флакон с чернилами, Иляй обмакнул перо, неохотно погрузился в размышления, пытаясь понять задачу. То, что решение сразу не давалось ему, злило Иляя.

«Что же это такое выходит? Вот жена Пытто как хорошо задачи решает! Не может быть, чтобы голова женщины была лучше, чем у мужчины!»

Иляй с таким усердием погрузился в решение задачи, что не заметил, как в питомник вошел Эчилин.

— Ты, я вижу, день и ночь сидишь в своем собачнике, — сказал Эчилин, подходя к Иляю сзади. Иляй вздрогнул, поморщился. Было досадно, что Эчилин явился именно в ту минуту, когда задача, казалось, уже совсем была решена.

Эчилин уселся на чурбан, где Иляй обычно рубил мясо для собак, достал трубку, закурил.

— Что молчишь? Или не рад, что я к тебе в гости пришел? — зло сверкнул он на Иляя глазами.

— Можешь к своему Савельеву в гости идти, — огрызнулся Иляй. — А мне с тобой разговаривать не о чем.

— Нет, ты сейчас заговоришь, — пообещал Эчилин. — Слушай меня, хорошо слушай, Иляй. Я знаю, ты

считаешь, что стал очень важным человеком и даже думаешь, что жена к тебе скоро вернется.

Иляй вздрогнул.

— А ты откуда это знаешь?

— Знаю, очень хорошо знаю, — продолжал Эчилин.

— Ну и знай, — безразлично заметил Иляй. — Тут и знать нечего, об этом совсем нетрудно догадаться.

Губы Эчилина покривились в презрительной усмешке.

— Не торопись, Иляй, не торопись. Сейчас в тебя страшный гнев вселится.

Иляй насторожился. Недоброе предчувствие обеспокоило его.

А Эчилин между тем продолжал:

— Променял ты жену на своих собак. Напрасно ты думаешь, что она к тебе вернется. Век теперь тебе с собаками своими жить. А жена твоя... — Эчилин сделал многозначительную паузу. — А жена твоя ушла к Гэмалю. Тэюнэ теперь жена Гэмалья!..

Иляй резко отодвинул тетрадь, перевернул флакон с чернилами и с трудом выдавил из себя:

— Стала женой Гэмалья?

Эчилин тяжело вздохнул и подтвердил:

— Да, стала женой Гэмалья... Гэмаль, как и Айгинто, это человек, ворующий женщин.

Иляй тупо посмотрел на Эчилина и вдруг, схватив его за шиворот кухлянки, потряс с необыкновенной силой.

— Это ты, вонючий, весть злую мне принес! — прохрипел он. Толкнув Эчилина куда-то прямо на собак, Иляй выбежал на улицу. Минуту он стоял как вкопанный, а затем, вобрав голову в плечи, пошел к морю.

Иляй шел быстро, порой спотыкаясь о заступы, едва не падая. У него было такое чувство, словно он убегает от чего-то страшного, неотвратимого.

«Тэюнэ ушла к Гэмалю!» Эта весть, как-то сейчас по-особенному переосмысленная, остановила Иляя. Он застонал и, опустившись на колени, обхватил голову руками. «Тэюнэ не вернется ко мне, Тэюнэ ушла к Гэмалю», — твердил он, застыв в неподвижности. Иляй ждал, что кто-нибудь возразит ему, скажет, что это неправда. И тут кто-то вдруг прикоснулся к плечам Иляя очень осторожно и нежно. Иляй вздрогнул, повернулся и увидел своего Утильгина. Пес участливо посмотрел на хозяина и, взявшись зубами за подол его кухлянки, потянул в сторону поселка. Иляй с яростью оттолкнул собаку. Утильгин жалобно завизжал, снова несмело подошел к хозяину и уставился на Иляя бесконечно преданными, тоскующими глазами. Жалость переполнила Иляя. Он взял Утильгина за лапы, обнял своего верного друга. Ему было жалко обиженного пса и еще больше жалко себя. «Нет, счастливым человеком родиться нужно. А я родился несчастливым».

Кругом было необыкновенно тихо. Из-за морских торогов подымалась расплюснутая луна. Ее багрово-сумрачный свет окрасил тусклыми бликами ледяные поля. Иляй долго смотрел на уродливую холодную луну. Непокрытая малахаем голова его посела от иныя.

— Уйдем, Утильгин, а? Уйдем в долину предков, — тихо сказал Иляй на ухо своей собаке. Пес поднял голову и, глядя в небо, завыл громко, заунывно. Сердце Иляя бо-

лезненно жалось. Ему казалось, что он и сам вот-вот завоет громко, заунывно, вместе с собакой.

— Пойдем, Утильгин, — снова повторил он и, поднявшись на ноги, зашагал к поселку. Утильгин, низко опустив тяжелую голову, побежал рядом с хозяином.

В питомнике Иляй снял со стены карабин, уселся на чурбан. Собаки, подняв изверху морды, завывали на десятки голосов. Утильгин прошелся по рядам, сердито ворча. Собаки умолкли. И только некоторые из них жалобно повизгивали, поглядывая на Иляя. Пес улегся напротив Иляя и, положив голову на лапы, настороженно наблюдал за каждым движением хозяина. Было видно, что он готов вскочить с места в любое мгновение. А Иляй смотрел на Утильгина и думал, что у него ни за что не поднимется рука на верного пса. «Тяжело тебе будет без меня. Тосковать сильно будешь. Наверное, умрешь от тоски, когда хозяин твой уйдет в долину предков». «Променял жену на своих вонючих собак», — вспомнились Иляю слова Эчилина.

— Врешь! Ничего я не менял! — вдруг закричал он. — Собак моих не трогай. Здесь любая из них намного больше человек, чем ты, Эчилин!

Глухая ненависть к Эчилину заставила мысли Иляя работать в другом направлении.

— Да, да, это друзья мои. Вон они, как люди, на меня смотрят. Они душу мою понимают так же хорошо, как и я их.

Иляй умолк, как бы прислушиваясь к своим мыслям и чувствам. И странное дело, он вдруг ясно ощутил: то новое, что вошло в его жизнь тихой радостью, не разрушилось, оно было прочным и теперь породило новые мысли, при которых карабин в руках оказался совсем лишним. Иляй встал, повесил карабин на место. Утильгин бодро вскочил на ноги и, совершенно успокоенный, зевнул, потянулся. Иляй уселся на прежнее место.

Но тут опять в его ушах зазвучали слова Эчилина, что Тэюна навсегда от него ушла... Горячая волна жалости к себе снова переполнила Иляя. «А может, она уйдет от Гэмалья? — с надеждой подумал он. — Может, Гэмаль шронит ее? Тэюна иногда бывает очень сварливой. Надо подождать немножко, может все еще хорошо окончится... Надо подождать... Рассказать бы кому-нибудь об этом, что ли?»

И тут Иляй вспомнил о Гивэе.

«Ай, как досадно, что его нет. Я бы ему рассказал все, все рассказал бы. Он мне посоветовал бы что-нибудь, он мне помог бы».

Тяжело вздохнув, Иляй вышел из питомника и, сам того не замечая, направился к дому Гивэя. «Просто в комнату его войду, просто посижу там», — решил Иляй, открывая дверь в дом Гивэя.

Наступило время, когда над сопками начало показываться солнце. Первого восхода его, как всегда, все ждали с волнением. И хотя морозы не утихали — а у людей северной земли на душе становилось теплее: с неба на них смотрело ласковое око наступающей весны.

В первые дни после полярной ночи солнце показыва-

лось всего лишь на несколько минут. Но шли недели, и раскаленный диск его все дольше и дольше задерживался на небе, все выше и выше поднимался над сопками.

Журба и Нояно любили встречать по утрам восход солнца. Так было и в этот день. Направляясь в стадо вслед за Ятто, они молча смотрели на порозовевшие вершины сопки, стараясь дотапаться, в каком именно месте покажется огненный диск.

— Смотри! Вон оно! — Нояно стремительно выбрала вперед руку.

— Да, вижу, Нояно! — сощурившись от яркого света, отозвался Владимир.

Из-за вершины горы, четко очерченной на фоне голубого неба, блеснул багровый край солнца. И сразу же каскады искр разбрызгались по бескрайним снежным просторам. Чудилось, что солнечные лучи, ударившись о снежный наст, раздробились в искры. Прикрывая глаза руками, Владимир и Нояно не отрываясь смотрели на восходящее солнце.

— Поверишь, Володя, у меня ощущение очень большого праздника, ну, как перед Первым маем, — вполголоса сказала Нояно.

— Смотри, вон целый поезд собачьих упряжек идет! — воскликнул Журба.

Девушка встрепенулась и, заметив длинную, черную цепочку движущихся нарт, вздохнула глубоко, всей грудью.

— Не зря у меня сегодня такое праздничное настроение. Гости с берега едут, радоваться будем, — тихо сказала она.

Заметил приближающиеся нарти и старик Ятто.

— Морские, на собаках! — крикнул он отставшим от него Нояно и Владимиру. Немного подумав, старик повернул опять в стойбище.

До стойбища было довольно далеко. И как ни торопились Журба, Нояно и Ятто, а к встрече гостей опоздали.

— Много-то как приехал! — задыхаясь от быстрого шага, приговаривала Нояно. — Вон Гэмаль, Айгинто, кажется.

— А вон Сергей Яковлевич Ковалев! — обрадованно воскликнул Журба и ускорил шаг.

— А вон посмотри! — вдруг остановила его за руку Нояно. — Кажется, это мой отец с собаками возится. Ну да, отец, как же это я его сразу не узнала?! — и Нояно побежала к стойбищу.

Вечером Журба сидел в пологе яранги Ятто вместе с Ковалевым. Старик Ятто не знал, как лучше показать свое уважение к секретарю райкома. Жена Ятто суетилась с приготовлением ужина.

— Смотри же, самого лучшего мяса свари, — уже в который раз наказывала ей Ятто. — Какой гость у нас!.. Ой-ой-ой!..

— Сварю, сварю, — волновалась старушка Навыль.

— А может, нам важенку убить, у которой белое пятно на лбу? Вкусное мясо должно быть. Только что-то жалко, весной теленка принесет, — вздохнул Ятто.

— Жалко, — согласилась Навыль, — но гость-то какой у нас, понимать надо.

— Это ты верно говоришь, — снова сокрушенно вздохнул Ятто. — На небе луна, светло, пойду-ка заарканю важенку, хорошо, что хоть стадо у самого стойбища.

Ковалев, разговаривая с Владимиром, чутко прислушивался к тому, что происходило в шатре яранги за тонкой стенкой полога.

— А ну-ка подай торбаза, — вдруг попросил он Владимира, поспешно натягивая на себя кухлянку.

Когда Ковалев вышел на улицу, Ятто уже тащил к яранге мечущуюся в испуге важенку.

Сергей Яковлевич быстро подошел к Ятто. Старик вытер рукой пот со лба, улыбнулся... Заарканенная важенка билась о снег, страшно закатывала глаза, храпела. Сергей Яковлевич перехватил у Ятто аркан и, не говоря ни слова, стал подтягивать к себе перепуганного оленя. Ятто удивленно смотрел на Ковалева, еще не понимая, что он собирается делать. Когда секретарь вплотную подтянул к себе важенку, Ятто вытащил из чехла узкий, острый нож и спросил:

— Сам, значит, колоть будешь?

Ковалев улыбнулся и, ловко сняв петлю аркана с ветвистых рогов важенки, отпустил ее. Минуту понаблюдав за плавным бегом оленя, Сергей Яковлевич сказал изумленному чукче:

— Видишь, как обрадовалась... Весной она тебе теленка хорошего принесет, быть может быстроногий скакун из него вырастет. Олений-то в личном стаде твоём не так уж и много.

— Это верно, не много... Если бы не колхоз, пришлось бы сейчас на старости лет, как прежде, батраком работать у какого-нибудь Чымнэ. А сейчас что же? Сейчас можно было бы и заколоть оленка для такого гостя... Мясо у молодого оленка свежее, вкусное.

— У русских угощение считается дорогим не потому, насколько оно вкусно, а потому, с каким сердцем хозяин гостя угощает.

— Это так! У нас, чукчей, так же получается! — обрадовался Ятто.

— Ну, вот и прекрасно, — засмеялся Сергей Яковлевич. — Идем в ярангу. Всякое угощенье твоё для меня дорогим будет.

После ужина Ковалев с особенным пристрастием расспрашивал Владимира и Ятто о делах Караулина в тундре. О выступлении заведующего райзо на собрании колхозников в Январе ему было известно еще в районе.

«В чем же все-таки дело? Человек имеет ясное представление о сложности и трудности настоящего момента, руководствуется самыми хорошими побуждениями и не замечает, что действия его вредны, да еще как вредны», — думал Сергей Яковлевич о Караулине.

— Значит, Ятто так и назвал его человеком, у носа пальцем махающим? — невесело усмехнулся он, обращаясь к Владимиру. Журба пожал плечами, как бы говоря: ничего не могу поделать, что было, то было.

«Метко назвал старик, очень метко, — подумал секретарь, вытягивая уставшие ноги вдоль стенки полога. — Правильно товарищи на окружной партийной конференции говорили, что я кадры как следует подбирать не умею и за ростом людей наблюдаю недостаточно».

— А все-таки, Сергей Яковлевич, как понимать Караулина? — вдруг спросил Журба. — Признаюсь, что я увидел в нем немало такого, что мне понравилось..

— У Льва Борисовича вам несомненно есть чему поучиться. Но и от многого следует предостеречь. — Секре-

тарь помолчал, как бы взвешивая свои мысли и заговорил снова: — Есть сильные люди, которые не умеют распоряжаться своей силой. Возьмет такой человек инструмент самой нормальной прочности, поднажмет, не рассчитав, и сломаёт. Бывает и так: допустим, человек учится метать гранату как можно дальше. А вот о том, чтобы точно в цель ее бросить, — не думает. Так, к сожалению, и со Львом Борисовичем получается. Решив создать в тундре чисто охотничьи бригады из оленеводов, он многого не учел и, конечно, опростоволосился. Такой тип работников, у которых смелость не в ладу с чувством ответственности, у нас, к сожалению, есть... и не только на Чукотке.

...А в это время в яранге братьев Воопки и Майна-Воопки Нояно не могла наговориться со своим отцом. Она смотрела на него счастливыми, любящими глазами, пытаясь как можно веселее, самыми светлыми красками изобразить свою жизнь в тундре. Петр Иванович молча разглаживал усы, поглядывая на дочь из-под широких бровей пронизательным взглядом, в котором можно было прочесть и понимание, и нежность, и отцовскую гордость.

— И все же не забрать ли тебя домой?.. Найдется и там работа... в клубе, в школе или в правлении колхоза.

— Что ты говоришь, папа! — с упреком воскликнула Нояно. — Ты же сам не захочешь, чтобы я поступила так... Знал бы ты, сколько у меня здесь интересной работы. Скоро весна придет, отел начнется, и у меня появятся новые пациенты — такие маа-а-ленькие теленочки, — нежно протянула девушка, — милые, беспомощные детеныши... Я так нужна им буду!

— Ну, ну, хорошо, дочка. Я знал, что ты не согласишься... — Петр Иванович тихо засмеялся и взял в свои грубые, шершавые ладони горячие руки дочери.

Воопка нетерпеливо поглядывал в сторону Митенко. Ему самому хотелось побеседовать с гостем о важных делах.

— Верно ли ты сказал моему брату, что скоро снова как до войны жить начнем? Много табаку будет... чаю, сахару, посуду?.. — не выдержал, наконец, он, дотрагиваясь рукой до колена Митенко.

Петр Иванович оживился, поудобнее устроился на белоснежной шкуре и стал рассказывать, какой, по его мнению, будет торговля после окончательного разгрома врага.

Следующий день был таким же солнечным и морозным. Митенко прямо под открытым небом развернул работу по приемке пушнины. Обступившие его оленеводы с песцами и лисами в руках шумно переговаривались, шутили.

— Вот вам под пушнину табачку привез, сахару, чаю привез, — приговаривал Митенко, раскладывая на шкурах товары.

Ковалев, Журба, Гэмаль и Айгинто наблюдали за торговлей, сидя на нартах чуть в стороне. К Митенко подошел старик Ятто, взял в руки карабин и, поставив его прикладом на землю, присосанился.

— Эй вы, людишки, накладывайте стопку шкур такую же высокую, как этот карабин, тогда я совсем отдам его вам, — шутливо изображая из себя чванливого, жадного американского купца, громко выкрикивал старик. Люди захохотали. Заразительнее всех хохотал Митенко: го-

лос, осанка Ятто действительно чем-то напоминали спешного американца.

— Ай да купец, ну просто как Стэнли! — промолвил он, обнимая старика. Засмеялся и Ятто. Осмотрев карабин, старик приложил его к плечу, прицелился в летающую стайку куропаток и заявил:

— А что ж, я, пожалуй, куплю его. Карабин хороший, и потребуются за него не целая стопка песцовых шкур, а, пожалуй, всего лишь одна.

— Еще кое-что и впридачу получишь, — улыбнулся Митенко, пощипывая заиндевелые усы.

Как только Митенко закончил приемку пушнины, началось собрание пастухов бригады Кумчу. Наладившийся в бригаде порядок в последний месяц опять стал нарушаться. Бригадир Кумчу снова взвалил всю тяжесть работы в стаде на нескольких самых хозяйственных пастухов, которым колхозные олени были особенно дороги. Вникнув в суть дела, секретарь подумал и обратился к Айгинто и Гэмалю:

— Ну что ж, друзья, попытайтесь сами разобраться во всем. Вы же писали, что очередной задачей этого года считаете укрепление трудовой дисциплины у оленеводов. Действуйте, а я посмотрю. В колхозе начальники вы, а не я...

Айгинто осмотрел притихших пастухов, поискал глазами Майна-Воопку. Но Майна-Воопка, хорошо зная, что разговоры с бригадиром Кумчу не приносят никакой пользы, на собрание не пришел. Айгинто послал за ним. Пастух явился хмурый, равнодушный, с покрасневшими от бессонных ночей глазами.

— А ну-ка рассказывай, Майна-Воопка, — обратился к нему председатель колхоза. Кумчу, спрятав лицо в воротник кухлянки, приготовился перенести очередную неприятность.

— Я человек много молчаливый, — флегматично отозвался Майна-Воопка. — Вы брата моего попросите, он любит языком туда-сюда вертеть.

— Тогда рассказывай ты, Воопка, — обратился Айгинто ко второму брату.

— Много молчащие люди часто бывают много думающими людьми, — заметил Гэмаль. — Пусть все же расскажет нам Майна-Воопка.

— Хорошие у тебя слова, Гэмаль, — как бы между прочим вмешался Ковалев, поныхивая трубкой. — Пусть говорит Майна-Воопка. Пусть и брат его и другие пастухи потом о своих думах расскажут.

Майна-Воопка бросил мрачный взгляд на съездившегося от предстоящего разговора бригадира.

— Видно, трусливый заяц никогда не сделает свое сердце смелым. Видно, Кумчу такой человек, что если бы там, на войне, был, то за чужой спиной прятался бы.

— Брат правду говорит, — не выдержал Воопка.

— Правду, правду говорит! — зашумело еще несколько пастухов.

Кумчу терпеливо пережил бурю. Рядом с ним сидели два пастуха, известные в колхозе своей нерадивостью. Они тоже молчали, ожидая, когда гнев обрушится и на них. Майна-Воопка с гневным жестом указал на них.

— Почему вот они сейчас стыдятся прямо в глаза людям смотреть? Потому что, как воры, живут. А Кумчу боится заставить их по-честному работать.

— Что, что у тебя украл я? — вдруг вспыхнул один из обиженных.

— Вот вчера ты ночь мою украл, — подступил на шаг ближе к нему Майна-Воопка. — Вчера ночь украл, позавчера ночь украл. Всегда сон мой воруюсь, всегда здоровье мое воруюсь.

Заметив на себе насмешливый взгляд секретаря, обвиняемый пастух втянул голову в ворот кухлянки и замолчал.

Не молчали зато другие пастухи. Когда они высказали все, что накипело у них на душе, Айгинто переглянулся с Гэмалем и, чувствуя, что сейчас держит экзамен перед секретарем, сказал не очень уверенно:

— Я так думаю, здесь есть члены правления колхоза: я, Гэмаль, Ятто. Так решить надо: заменить бригадира, Кумчу не подходит.

Лицо Кумчу вытянулось. Он недоумевающе обвел всех взглядом, как бы спрашивая: верно ли, что именно эти слова слышат его уши?

— Да, заменить бригадира надо! — твердо поддержал Гэмаль. И, немного помолчав, добавил: — Бригадиром надо поставить Майна-Воопку.

На этот раз всполошился Майна-Воопка. Крепко сцепившись руками в ремешок, подпоясывающий его старую кухлянку, он тоже, казалось, не хотел верить своим ушам.

— Ну что ж, — снова, как бы между прочим, вмешался в разговор секретарь райкома, — Айгинто и Гэмаль правильно решили: Майна-Воопка, конечно, будет хорошим бригадиром.

— Правильно, Майна-Воопка всех работать заставит! — громко выкрикнул его брат.

— Заставлю! Это верно, заставлю! — со спокойствием и силой, удивившей всех, сказал Майна-Воопка. — Сегодня же тебя, Кумчу, в стадо пошлю. И сам с тобой пойду, толкать в бока буду, если в снег спать завалишься.

Пастухи дружно рассмеялись.

Не теряя времени, Ковалев предложил отправиться в следующие бригады. Пастухи начали вылавливать из общего стада ездовых оленей. Заметив, что один из пастухов собирается запрячь оленей Журбы, Сергей Яковлевич подзвал к себе Ятто и тихо спросил:

— Журба научился запрягать оленей?

— Не знаю. Мы сами всегда ему запрягаем.

— Тогда пойди и скажи, пусть он сам запряжет сегодня. От себя скажи это. Пусть учится.

Ятто понимающе улыбнулся и быстро пошел к Журбе. Владимир оленей, хоть и с трудом, все же запряг.

— Вот видишь, — улыбнулся Сергей Яковлевич, обращаясь к Ятто. — И еще об одном попрошу тебя: закажи старухе своей, чтобы она Журбе красивую кухлянку сшила, ну вот такую хотя бы, как у тебя или у меня. Видишь, его кухлянка широковата и подносилась немножко.

— Ладно, ладно, скажу старухе. Она хорошую кухлянку сошьет ему, — с готовностью ответил Ятто.

Секретарь райкома, Айгинто и Гэмаль побывали почти во всех бригадах. Выбрались помощники бригадиров; новые учетчики по рекомендации Журбы назначались из тех оленеводов, которые успешно заканчивали школу мало-

грамотных; стада уравнивались по количеству поголовья; между бригадами заключались социалистические договоров.

Умело подсказывая, направляя на верные решения, Ковалев внимательно присматривался к Айгинто и Гэмало. Секретарю райкома казалось, что он продолжает с ними ту же работу, которую сам начал лет пятнадцать назад, когда работал еще учителем.

В одно из стойбищ, где Ковалев и Журба остановились на ночь, прискакал на оленях Кувлюк. Чымнэ поручил ему разузнать, не придет ли в его стойбище после Караулина еще один русский начальник, а если придет, то с какой целью.

Покрутившись бестолку в яранге, где остановились русские, Кувлюк, так ничего и не узнав, направился к выходу.

— Куда же ты, Кувлюк? — вдруг обратился к нему Ковалев.

Пастух вздрогнул, минуту стоял на месте, затем повернулся на голос.

— Редко мы с тобой встречаемся... а мне с тобой поговорить хочется, — продолжал секретарь. — Давай заночуем в одном пологе...

На лице Кувлюка отразились тревога и удивление.

— О чем говорить будем? — настороженно спросил он, не решаясь встретиться глазами с Ковалевым.

— О важном говорить будем, о плохой жизни твоей...

Кувлюк выпрямился и, наконец, прямо посмотрел в глаза Ковалеву.

— Что? Быть может, скажешь, что жизнь у тебя хорошая? — спросил Ковалев.

— Не голоден, и потом, как видишь, кухлянка, штаны, торбаза на мне есть, — уклончиво ответил Кувлюк.

— А вот радость твоя и гордость твоя куда девается, когда Чымнэ на тебя, как на собаку, кричит, в стадо каждую ночь гонит?..

Кувлюку стало почему-то не по себе. «О, этот человек словами своими, словно копьём, прямо в сердце бьет».

— Ну ничего, ничего, подумай, как лучше ответить на мой вопрос, — улыбнулся секретарь. — Хорошо подумай, потом ответишь.

«Добрый прикидывается, хочет показать, что как будто жалост меня», — неприязненно думал Кувлюк. Однако вопрос Ковалева не выходил у него из головы. И за все время, пока гости и хозяйка забирались в полог, он искал подходящий ответ, чтобы не остаться перед русским в долгу. Но подходящего ответа не находилось. Кувлюк чувствовал, что та жгучая обида на Чымнэ, которую он так часто всеми силами тушил в себе, загонял как можно глубже, сейчас просилась наружу: уж очень это было необычно, что посторонний человек заговорил с ним, с Кувлюком, о его жизни. «Конечно же, как собака живу. Захочет хозяин — даст кусок жирнее, досыта накормит, а если не захочет — голодным оставит. А попробуй сам взять. Ого! Как собака хвост подожмешь потом».

Вспомнив, с каким хозяйским наказом он приехал, Кувлюк криво усмехнулся. «Хозяин такое важное дело поручил, а я тут, как мальчишка сопливый, плакать собираюсь», — упрямился он себя. Но от этой мысли стало еще тяжелее. Душа Кувлюка была раздвоена. И он уже хотел

незаметно скрыться, чтобы не продолжать с русским тяжелый разговор, как вдруг Ковалев предложил ему:

— Садись, Кувлюк, рядом со мной, табаку моего закури...

Кувлюк сдержал вздох, потянулся к табаку.

Хозяйка подала чайник. Вскоре полог наполнился туманом от горячего чая. Оленеводы негромко переговаривались между собою, с любопытством поглядывали то на Кувлюка, то на Ковалева.

— Ну так что же ты скажешь на мой вопрос? — не унимался Ковалев. — Слыхал я, что Чымнэ часто на тебя, как на мальчишку, кричит, оскорбляет тебя; слышал я, что сейчас тебе у Чымнэ еще труднее, чем прежде, жить стало: пастухов-то у него нет, один за десять человек работаешь...

— Ну что ж, я еще не старый, силы есть, люблю работать, — сухо отозвался Кувлюк.

— Хорошо жить человеку на свете, когда он работать любит, — задумчиво сказал Ковалев, поднося ко рту блюдце с чаем. — Вот посмотрел я, как живут в колхозе пастухи. Мяса у них сколько хочешь. Свое мясо, а не подачка от какого-нибудь Чымнэ. Каждый пастух может как следует бригадира поругать, если бригадир что-нибудь неправильно делает, потому что пастух, как и бригадир, хозяин стада своего, потому что он человек и свою человеческую гордость имеет. А вот интересно, можешь ли ты Чымнэ поругать, если он провинится чем-нибудь, считает ли он и тебя хозяином стада?

— Хо! Меня хозяином стада? — невольно вырвалось у Кувлюка. — Да если бы я хоть одного оленя своим назвал, он голодом бы меня заморил...

— Ай-я-яй, как же тяжело так вот, как ты, на свете жить, — покачал головой Ковалев.

Кувлюк хватился, что сказал лишнее, нахмурился и мрачно промолвил:

— Ничего, живу как-то и помирать не собираюсь.

— Зачем же помирать?.. Тебе еще жизнь настоящую, человеческую узнать надо, — весело сказал секретарь, лукаво поглядывая на пастухов, которые с огромным интересом наблюдали за происходящей сценой. — И я уверен, что рано или поздно Чымнэ так разозлит тебя, что ты уйдешь от него... Я же знаю, временами ты сильно злой на него бываешь. Понятно, ты же человек. Или, быть может, ты ему все прощаешь, руки ему, как собака верная, лижешь?

— Зачем такие слова говорить? — вдруг почти выкрикнул Кувлюк. Потное лицо его было перекошено болезненной гримасой. Хозяйка яранги пугливо переглянула с мужем, подальше отодвинула чайник с кипятком — не перевернули бы невзначай.

Секретарь спокойно посмотрел в глаза Кувлюку.

— Потому так говорю, что считаю тебя настоящим человеком. А каждый человек должен жить по-человечески... Вот завтра собираются все вместе самые лучшие люди вашей тундры для большого дела: поедем кочевые пути осматривать, пастбища, реки осматривать, потом думать будем, где поселок в тундре строить надо... Иди с ними, пусть Чымнэ одну-две ночи сам за тебя в стаде померзнет, может добрее станет...

— Нет, добрее он не станет, а вот злее обязательно будет, — тихо, с неподдельной тоской ответил Кувлюк.

Пастухи переглянулись, а хозяйка яранги вздохнула тяжело, сочувственно. Кувлюк с неприязнью покосился на хозяйку, потом пристально оглядел пастухов.

«Что это? Неужели все они так думают, что секретарь жалеет меня? А может быть, он и вправду жалеет? Нет, нет. Нельзя так думать, он просто хитрый, как лиса. Просто ему нужно по сильнее Чымнэ досадить, чтобы последний пастух от него ушел...»

Кувлюк чувствовал, что ему самому не хочется верить своим мыслям, но продолжал нагромождать их одна на другую, словно воздвигал из них стену, за которой пытался спрятаться от слов Ковалева.

«Как жить буду, если от Чымнэ уйду? — спросил он себя, — меня же ненавидят в январской тундре, как ненавидят Чымнэ, травить будут, как волка, который в собачью стаю приبلудился... Все припомнят мне оленьи люди: как по приказу Чымнэ пастбища у них отбирал, как по приказу Чымнэ без шищи, без сухой одежды пастухов безоленных в стадо гнал.»

— Ну так что, поедешь с нами место для тундрового поселка искать? — пытливо глядя в лицо Кувлюка, спросил Ковалев.

— Нет, нет, нельзя мне, — поспешил отозваться Кувлюк. — Домой надо. Даже ночевать здесь не буду, сейчас поеду...

Кувлюк потянулся к своей кухлянке.

— Ну что ж, не сердись на меня, что о самом главном в жизни твоей заговорил, — как-то особенно тепло попросил Ковалев. У Кувлюка невольно дрогнуло сердце. — Выбери как-нибудь время, поезди по оленеводческим бригадам, — продолжал Ковалев. — Вот я с Мэвэтом о тебе говорил, знает он, что ты оленевод хороший, пастухом в свою бригаду тебя взять согласен...

— Мэвэт согласен меня взять в свою бригаду? — изумился Кувлюк и тут же подумал: «Как же так: я хорошо помню, как ненавидел Мэвэт меня, когда он тоже у Чымнэ работал... это все равно, что волку в зубы попасть».

Кувлюк ушел. Оленеводы шумно заговорили все сразу, осуждая батрака за неговорчивость.

— Ничего, я и не рассчитывал, что он сегодня же к нам придет, — сказал секретарь, вытирая платком вспотевшее лицо. — Пусть хорошо над словами моими подумает...

За все время, пока продолжался разговор Ковалева с Кувлюком, Журба не промолвил ни слова. Он слушал.

Когда и хозяева и Ковалев улеглись спать, Журба потянулся к своему дневнику. Карандаш быстро забегал по странице толстой тетради.

«...Почему я до сих пор не поговорил с Кувлюком так же, как Ковалев? Только волком смотрел на него, свою неприязнь старался показать. Что это, непонимание, или отсутствие человечности, или в конце концов моя легкомысленная беззаботность: хочется Кувлюку гнуть спину на Чымнэ, ну и пусть себе гнет, мне какое до этого дело?... Скорее, здесь было всего понемножку. Сегодняшняя встреча Ковалева с Кувлюком для меня очень поучительна. Дело здесь не столько в частном случае, сколько в его принципиальном значении. Нужно, чтобы малютное поле твоего сердца было как можно шире, тогда оно почувствует

много такого, мимо чего ни за что не пройдешь, если ты настоящий человек, если ты коммунист».

— Коммунист! — шопотом повторил Владимир, невольно задумываясь над словом, как будто уже давно до конца понятым.

«Вот Ковалев, за что его так любят здесь? Не легко ему, видно, досталась любовь эта. Надо было испытать массу лишений. Надо было пройти через ненависть таких, как шаман Тэмыль, как Эчилин и Чымнэ; надо было исходить сотни километров пешком по снегам Чукотки и не раз промерзнуть до костей; надо было показать чукчам в больших и малых делах свою прямую и честную душу. Надо было найти троюк к сердцу десятков таких, как Кувлюк... А ведь есть же злые люди, которые из коммунистов делают пугало. Пугалом этим устрашают простой, честный народ, надеясь, что он, этот запуганный народ, проклянет коммунистов. За что он его проклянет? За то, что коммунист всегда в любом сражении с врагами народа первым подставляет свою грудь под удар? За то, что сердце его в титаническом усилии сделать тружеников хозяевами своей судьбы, своего счастья горит так же, как сердце Данко? За то, что именно коммунисты впервые в мире засучили рукава и взялись за непосильное до них никому дело — спасти мир от нищеты, от вымирания? За то, что они двинулись в решительный поход против низменного в человеке, за раскрытие в нем самых чистых, самых возвышенных желаний, неудержимо влекущих человека к добру, к подвигу?»

Время шло, а Владимир, положив руки на толстую тетрадь своего дневника, все прислушивался и прислушивался к тому, чем он был в эту минуту так переполнен, собираясь и дальше записывать мысли, которые приходили к нему не раз, но сегодня казались освещенными каким-то особенным светом.

Карандаш снова забегал быстро, размашисто — Владимир беседовал сам с собой, так он называл привычку вести дневник.

— Ты что это, все еще не спишь? — вдруг услышал Журба сонный голос Ковалева.

— Нет, Сергей Яковлевич, не идет еще сон ко мне.

— Что так? Думы какие-нибудь особенные?..

— Да, думы особенные, — просто ответил Владимир. — Я пришел к выводу, что мне надо вступать в партию.

— Об этом и думаешь?

— Да, об этом...

Ковалев облокотился на изголовье постели, подтирая голову рукой, немного помолчал, всматриваясь в лицо Владимира.

— Ну что ж, думай. Мне иногда приходит в голову такое сравнение: душа у человека — это как бы родник. И вот когда человек решил совершить какой-нибудь значительный поступок, он обращается к этому роднику, чтобы напиться студеной светлой воды, от которой в голове наступает абсолютная ясность... Сейчас с тобой, видимо, это и происходит. Думай, я даже тебе спокойной ночи не пожелаю. Ну, а я... буду спать.

Сергей Яковлевич повернулся, подложил под щеку руку и закрыл глаза.

Журба в эту ночь уснул нескоро.

Большая группа людей стояла на широкой горной террасе, на том месте, где пересекались четыре горных долины.

Солнце в этот день казалось особенно ярким. Снег слепил глаза, люди надевали на глаза очки-светофильтры; оживленно жестикулируя, обсуждали, в каком именно месте следует выстроить первый тундровый поселок.

— Здесь четыре кочевые дороги сходятся, — неторопливо, с привычной своей бесстрашностью, за которой билось вовсе неспокойное сердце, объяснял Мэвэт. — Здесь дома ставить надо.

С Мэвэтом все согласились. Каждый из изыскательской экспедиции высказывал свои доводы, почему именно в этом месте прежде всего следует строить тундровый поселок.

Вскоре там, где, по мнению оленеводов, должен был через год, через два вырасти первый дом, горел большой костер. Над ним висели сразу три чайника. Присев к костру, Ковалев вытащил из походной сумки карту январского сельсовета, расстелил ее на перевернутой шерстью вниз шкуре и пригласил:

— А ну-ка, люди, идите сюда, посмотрите...

Гэмаль, Айгинто и Нояно опустились на колени возле карты. Вскоре к ним примкнули и все остальные путники.

Не однажды в тиши кабинета склонялся над этой картой секретарь райкома, что-нибудь поправляя в ней то тем, то другим карандашом. И всегда в таких случаях карта оживала перед ним приветливыми огоньками новых домов тундровых поселков.

— Так я и думаю: лишь только окончится война, сразу же начнем строить на местах этих красных точек поселки, — Ковалев быстро коснулся карандашом одной, другой, третьей точки. Оленеводы ниже наклонились к карте, задевая друг друга матахаями.

Много раз вытаскивал секретарь свою карту в том или другом пункте январской тундры. Горели костры. Оленеводы, склонившись над картой, уже не просто смотрели на нее, а делали поправки, спорили, доказывали друг другу правильность своих соображений, выбирая места для других поселков. А секретарь слушал, записывал в блокнот, чтобы потом у себя в райкоме снова все взвесить, продумать и предложить для рассмотрения окружному руководству свой план наступления на тундру. Сложным был этот план. Ковалев не сомневался, что сразу же после войны наступление на тундру будет рассматриваться как самое важное звено в цепи дальнейшего социалистического преобразования Чукотки. К этому нужно было готовиться, чтобы район оказался не в последних рядах.

Сурово молчание ледяного безмолвия. Только изредка раздается многократно повторяемый эхом гул лопающейся на морозе земли, и снова все тихо. Ночуя вместе с оленеводами под открытым небом, секретарь райкома осматривал пядь за пядью места будущего строительства. Он не любил прожектерства, он хотел, чтобы план его имел под собой твердую, реальную основу. Когда был осмотрен последний, самый дальний пункт предполагаемого строительства, секретарь спрятал в сумку исчерченную вдоль и поперек карту и сказал:

— Ну что ж, товарищи, именно в вашей тундре прежде всего мы начнем строить дома. Готовьтесь к этому, скрывать не стану, работа будет очень трудная.

Вернувшись в Кэрвук, Ковалев на совместном заседании райкома партии и райисполкома рассказал о плане подготовки строительства в тундре. Караулин был уже предварительно знаком с его проектом. Твердо уверенный в том, что секретарь райкома преждевременно нацеливает районное руководство на мирное строительство, Караулин решил во что бы то ни стало доказать его ошибку.

В райком он явился за четверть часа до начала заседания. Чисто выбритый, свежий, он выглядел жизнерадостным, полным веры в свою правоту. В кабинете секретаря уже было полно людей. Лев Борисович шумно поздоровался, протянул руку секретарю райкома, хотел блеснуть заранее продуманной иронической шуткой, но, встретившись с его строгими, озабоченными глазами, промолчал.

«Опять оробел перед ним, как школьник перед учителем», — с досадой подумал Караулин, усаживаясь в кресло.

Досада не покидала его до конца выступления Ковалева. Глубоко аргументированные доводы секретаря разбивали в пух и прах еще не произнесенную, но тщательно подготовленную речь заведующего райзо.

«Что же это такое? Неужели я не прав? Но нет, не может быть! — думал Лев Борисович. — Просто у меня нехватает смелости, растерялся... Возьму себя в руки и докажу всем, что Ковалев ошибается».

После выступления секретаря Караулин попросил слово первым. Но речь его не произвела того впечатления, на которое он рассчитывал. В отчаянной попытке достигнуть желанного результата Лев Борисович запустил пальцы в свою буйную рыжую шевелюру, набрал полные легкие воздуха, резко повысил голос.

— Ну, наш Караулин закричал «ура», — донесся до него голос редактора районной газеты.

— Ничего, ничего, скоро Караулин закричит «караул», — скаламбурил второй секретарь райкома Денисов. Лев Борисович на мгновение умолк, почти враждебно взглянул на второго секретаря. Денисов дотронулся рукой до своей черной бородки, с легкой усмешкой выдержал его взгляд.

Караулин ни на секунду не переставал ощущать на себе острый взгляд Ковалева, в котором было и пристальное внимание, и недоуменный вопрос, и беспощадное осуждение.

«А ведь старик Ятто правильно подметил: Караулин не только тщеславен, но и спесив. Говорит и упивается своим голосом, погремущками гладких слов, — думал Сергей Яковлевич, всматриваясь в лицо заведующего райзо. — То, что когда-то в нем было маленьким, что я не мог по своей близорукости рассмотреть, разрослось, стало большим, мешает работе».

А Караулин, не считаясь с регламентом, продолжал говорить, все более воодушевляясь:

— Вы, Сергей Яковлевич, допускаете грубейшую ошибку, ориентируя район на мирное строительство. Это преждевременно. Это ослабит наши усилия, направленные на помощь фронту. Лозунг: «Все для фронта!» — никем не снят и не может быть снят. А мы-здесь начинаем ду-

мать и действовать так, как будто за нашими плечами уже не один послевоенный год... Спасать! Слышите, спасать нам нужно все наши завоевания, чтобы потом двинуться вперед!

— Потом? — переспросил секретарь.

— Что потом? — смугился Караулин.

— Вы сказали, «чтобы потом двинуться вперед».

— Да, да! Потом двинуться вперед!

После речи Караулина один за другим выступали районные руководители. Все горячо поддерживали план Ковалева и осуждали Караулина.

«Что это?.. Неужели они так ничего и не поняли? Неужели авторитет первого секретаря настолько всех ослепил, что они не хотят видеть его явной ошибки?» — спрашивал себя Лев Борисович. Возбуждение его росло. Он невольно поймал себя на том, что думает сейчас не столько о выступлениях товарищей, сколько подыскивает что-нибудь резкое и острое для очередной реплики.

Когда желающих выступить больше не оказалось, все повернулись в сторону Ковалева. Секретарь встал и, посмотрев на Караулина, спокойно сказал:

— Недавно один мудрый старик чукча на мой вопрос, почему он зимой занят починкой остова байдары, ответил так: «Летом орел клювом свои крылья чистил. А сова не чистила: «Летом легко мышей ловить и не летая. Вот зима придет, тогда и позабочусь о своих «крыльях», — сказала она орлу. Пришла зима, орел взмахнул молодыми крыльями и полетел. А у совы старые перья выпали, и осталась она на месте. Ударил мороз и замерзла сова». — Помолчав, Сергей Яковлевич насмешливо посмотрел в глаза Караулину. — Думаю излишне объяснять, почему именно вам, товарищ Караулин, об этой сове рассказываю я. Надеюсь, вы помните возражения товарища Гэмаля на ваше указание прекратить подготовку к строительству домов для колхозников?

— В общих чертах... помню, — чуть охрипшим голосом ответил Караулин, — но должен сказать, что ничего существенного в его словах не было.

— Значит, так-таки ничего существенного? — совсем тихо с насмешкой спросил Ковалев и, не дождавсь ответа, вдруг повысил голос: — Зазнались, зазнались вы, товарищ Караулин. Вас ослепил ваш собственный блеск. Вы перестали относиться к себе самокритично. Я не буду сегодня падать ваше, надо сказать, чрезмерно обостренное самолюбие, потому что это сильно вредит вам. Прямо скажу: парторг колхоза «Быстроногий олень» в понимании широты государственных интересов обогнал вас на целую голову. Да, да. Не стройте лицо оскорбленного человека. Это так! Сегодня в вашей речи была такая фраза: «Спасать! Слышите, спасать нам нужно все наши завоевания, чтобы потом снова двинуться вперед!» Что это такое?.. По-вашему, это прочувствованная, глубокая мысль, а, по-моему, это истерический вопль! Вы о спасении кричите так, будто собираетесь умирающему делать искусственное дыхание. А у нас прекрасный организм, у нас прекрасное здоровое сердце и такая же голова! У нас кровавые ссадины, синяки на лице и на теле, но мы не изувечены! Мало того, мы сейчас здоровее, чем когда-либо! Отправляясь от объективных закономерностей, учитывая конкретную историческую обста-

новку, исследуя местные специфические условия, мы, как и прежде, продолжаем неуклонно двигаться вперед, к нашей заветной цели — к коммунизму!

Кто-то захолопал в ладоши.

— Не надо, — поморщился Сергей Яковлевич, — здесь не митинг. Вы призываете двигаться вперед «потом»! Нет, товарищ Караулин, не потом, а всегда и неустанно, — с первого дня революции, а точнее с первого дня рождения нашей партии, мы идем и будем идти только вперед. Это прекрасно понимают товарищ Гэмаль и товарищ Айгинто, которых вы пытались сбить с толку. Нет, никого не удастся вам сделать совой, о которой говорил мне старик Анкоче. Мы делаем все возможное для сегодняшнего дня. Но этого мало. Мы делаем и то, от чего зависит наше завтра. Именно это является одной из характерных особенностей нашей партии, нашего государства. Известно ли вам, когда немцы были под Москвой, наши люди продолжали строить московское метро? Прошу вас хотя бы на несколько минут задуматься над этим фактом! — Секретарь помолчал, словно действительно решил дать время Караулину подумать.

— Здесь была брошена реплика: «Наш Караулин кричит «ура», — продолжал Ковалев. — В этой реплике есть смысл. Вы в самом деле кричите ура тогда, когда в сущности зовете не к наступлению, а к отступлению. Где много грома, там далеко не всегда много дела. Как видите, никто из выступавших товарищей не согласился с вами, потому что для всех очевидна ложность вашей позиции. И нам, как я вижу, придется общими усилиями основательно почистить ваши крылья, чтобы вы не замерзли на снегу, как та сова. Старик Ятто назвал вас человеком, у носа пальцем махающим. Так вот я, как ваш старший товарищ, советую вам, настаиваю, требую — поменьше подобных выразительных жестов, поменьше необдуманных действий, которые у вас порой смахивают на обыкновенную авантюру. Как показывают факты, помощь фронту у нас неуклонно возрастает, и потому ваше заявление, что мы делаем крен исключительно на мирное строительство, по меньшей мере безответственно. Нет таких фактов! А вы знаете, как называются утверждения, когда они не подкрепляются фактами? Если вы пощете подходящее слово, которое наиболее метко определяет такое голословное утверждение, тогда вам придется покраснеть.

Караулин действительно сидел красный, взъерошенный. Но и сейчас он меньше всего заботился о том, чтобы понять, насколько прав секретарь. В разгоряченном мозгу его билась лишь одна мысль: «Возразить!»

— Ну, хорошо, товарищ Ковалев, допустим все верно, что вы говорите, но почему строительство намечается прежде всего в янрайском колхозе? — наконец нашелся он. — Это же самый отдаленный от Кэрвука колхоз. В других колхозах есть более сильные люди, которые могли бы куда успешнее взяться за это дело...

— Но это уже другой вопрос! Прекрасно! Вы идете на понятную, товарищ Караулин. Вы спрашиваете, почему именно в янрайском колхозе? Отвечу. — Ковалев помолчал, насмешливо всматриваясь в Караулина. — Во-первых, в янрайском колхозе большие заломы леса — местный строительный материал; во-вторых, реки терри-

тории этого колхоза такие, по которым можно плотами переправить готовые разобранные срубы, а также забросить для отопления уголь; в-третьих, пастбища в этой тундре от берега и до гор Анадырского хребта примерно одинакового качества, значит легко выделить наделы для бригад с таким расчетом, чтобы стада не перегонялись с места на место на сотни километров; и четвертое... — Сергей Яковлевич подумал. — Четвертое имеет особенное значение. Именно январский колхоз «Быстроногий олень», в правлении которого нет сов, а есть дальновидные руководители, первым в своем плане на будущее наметил и

уже начал подготовку к этому строительству. Это очень важно, товарищи!

— Да, это очень важно! — подхватили сразу несколько голосов.

Караулин опустил голову, рассматривая свои огромные сильные руки и впервые в голове его на какое-то мгновение мелькнула мысль: «Подумать надо. Действительно, глупо у меня получилось... У Энгельса, кажется, о таких, как я, сказано, что вся рота шатает не в ногу, один прапорщик в ногу. Придется пересмотреть свою точку зрения!»

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1

Прошел год. В Январе, как и во всем Карвукском районе, произошли перемены. Гэмаля выдвинули на руководящую районную работу. Он заменил Караулина на посту заведующего райзо. Тэюэ уехала с мужем в районный центр, поступила на курсы медсестер. После длительной болезни Митенко был вынужден отказаться от должности пушника, снова принял январское торговое отделение. Коммунисты колхоза «Быстроногий олень» выбрали его своим партгором.

Савельев уехал в районный центр. Некоторое время он заведовал карвукским магазином. Но вскоре Караулин, переведенный на должность директора районной торговой конторы, настоял, чтобы Савельева назначили его заместителем.

Начались большие перемены и в жизни Гивэй. Он, наконец, получил назначение в летнюю школу. Сбылась его мечта, и вот сейчас он шел под руку с Олей Солнцовой по морскому берегу и думал о том, что он не может себе представить, как расстанется с ней.

А кругом наступала весна. Солнце опустилось к горизонту, покатились по синим вершинам гор и, наконец, спрятались за их зубчатой грядой, необыкновенно четкой на багровом фоне заката. Оранжевый огонь вечерней зари постепенно потухал, переходя в темносиний сумрак. Талые снега становились голубыми.

Гивэй и Оля присели на сухой пригорок, где уже пропал снег. Минута за минутой тянулось время, а наступающая ночь не наступала.

— Не будет, Оля, ночи. Смотри, хорошо смотри вокруг: сейчас наступит утро, — тихо сказал Гивэй, крепко сжимая руки девушки.

Оля вдохнула чуть приоткрытым ртом свежий воздух, напоенный запахами талых снегов, и замерла, словно к чему-то чутко прислушиваясь. Ей чудилось, что сейчас, именно в это мгновение, идет битва между мраком ночи и солнечным светом утра. Казалось, что вот пролетит еще миг, и она услышит звон мечей, воинственные возгласы, стоны, ржание коней.

Но битва была немой, хотя и ожесточенной.

У самых гор небо подернулось красноватым налетом, точно это был дым, освещенный заревом далеких пожаров. Еще минута, другая, третья, и зарево стало ближе,

ярче. Загорелись смутные отблески на снежных вершинах безмолвных гор, словно застывших в изумлении перед величественным зрелищем.

Где-то в вышине, как выхваченные из ножен клинки, вспыхнули пока бледные и холодные солнечные лучи, да так и замерли, занесенные для сокрушительного, беспощадного удара. И от этого, казалось, еще злее стал мрак. Он клубился, расстилаясь внизу по горизонту, тяжелый, багрово-сумрачный. Клубы его подымались и тут же падали, постепенно покидая небо, уползая в ущелья гор, прячась за мрачными громадами скал, где тени были еще густыми.

Мрак цеплялся за каждый выступ, нехотя отступая перед необоримой силой тепла и света. И чем глубже уходил в ущелье мрак, тем чище становилось пламенеющее небо, тем прозрачнее казался воздух.

Вот яркий спокойный огонь охватил уже добрую половину неба. И столько было в этом огне чистоты, свежести, юности, чего-то необычайно теплого и животворящего, что невольно все живое разом подало свой ликующий голос: закудахтали веселые стайки куропаток, засвистели пуночки, запищали вылезшие из нор суслики, загоготали гуси, усыпавшие огромной стаей черную проталину, твякнула огненная лисица, пролаял уже посеревший песец, высоко в небе прокурлыкали журавли, забормотал что-то отчаянно-радостное заяц.

Заря пламенела, постепенно переплавляясь в прозрачное золото.

И вот, наконец, из-за сопки блеснул край солнца. Это шел он, победитель-свет, невозмутимый и прекрасный в своем величии.

Заложив руки за голову, Оля лежала на сухой траве, глядя в чистое голубое небо счастливыми и в то же время грустными глазами. Гивэй сидел рядом. Он всматривался в лицо девушки с такой жадностью, будто хотел запечатлеть образ ее в своей памяти на всю жизнь.

— Значит, ты твердо решил ехать в летнюю школу? — тихо спросила Оля.

— Да, решил, очень твердо решил, — торопливо отозвался Гивэй. — Как могу не поехать? Меня приглашают. Хочешь, я еще раз покажу эту бумагу?..

— Не надо, — вздохнула Оля.

— Что не надо? Ехать не надо?

— Нет, нет, не об этом я... бумагу не надо.

— Не знаю, сколько учить нас будут, а то, пожалуйста, на фронт успею... За брата, за Крылатого человека, отомщу.

Закрыв глаза, Оля долго молчала. Гивэй не решался нарушить ее молчание. Он уже привык к тому, что Оля часто любила так вот, находясь с ним рядом, молчать. Глянет на него, улыбнется так, что у Гивэя перехватит дыхание, и снова молчит.

Не открывая глаз, Солнцева нащупала руку Гивэя, крепко сжала. Представив себе, как она будет тщетно ждать его по вечерам, Оля приподнялась и воскликнула:

— Ну как это я буду без тебя?

И вдруг именно после этого вопроса она по-настоящему осмыслила, а ведь Гивэй и в самом деле уезжает. Сегодня вечером он уже покинет поселок.

И сразу как будто кто-то ударил по всем струнам, скрытым где-то там, глубоко в ее сердце. Сложным аккордом прозвучало и что-то печальное, и тихо-задумчивое, и счастливо-восторженное, и страстно-призывное. Противоречивые желания закружились, разногласо запыли, словно в одной огромной стае собрались совершенно разные птицы. «А что, если уговорить не ехать? Нет, нет! Он так мечтал стать летчиком! Пусть летит, пусть у него будут крылья! Но я же не мыслю жить, чтобы не слышать его голоса, не видеть его лица! Зато с каким нетерпением буду ждать его письма, как буду гордиться его успехами. А что, если забудет? Полюбит другую?»

И последняя мысль, никогда не возникавшая до сих пор, как-то особенно выделилась, сразу заглушила все другие. Оля мягко взяла Гивэя за плечи, испытующе заглянула ему в глаза, по своей привычке прищурилась, как бы прицениваясь.

— А ты не разлюбишь меня?

Недоумение и даже острая обида преобразили лицо Гивэя. Он отшатнулся, словно девушка ударила его, затем схватил ее руки так, что она вскрикнула.

— Ты... ты что это... а? Ты смеешься надо мной... так, да?

Трепетный огонек тревоги в глазах Солнцевой вдруг заплеснуло чем-то ликующе-радостным. Она засмеялась, счастливая, переполненная чистой, как утренняя роса, девичьей нежностью. Так же тихо и счастливо засмеялся в ответ Гивэй.

И тогда девушка широко раскрыла руки, словно это были и не руки, а легкие, плавные крылья неведомой птицы, плывущей в безоблачном, солнечном небе. Всем существом своим устремился к ней и Гивэй, и руки его взметнулись такими же крыльями. И они поплыли в юношеских, безоблачных мечтах, поплыли к своему счастливому будущему. Долго говорили они о том, как будут писать друг другу, как через несколько лет встретятся, чтобы уже никогда не разлучаться, как поедут на Большую Землю к ее матери, отцу, родным, как пойдут когда-нибудь по Красной площади в Москве.

— Послушай, Гивэй, — вдруг встрепенулась Оля. — А почему ты так сильно хочешь стать летчиком? У тебя же много других увлечений... Каким-то чудом научился играть на скрипке, рисуешь, Анкоче заразил тебя страстью к косторезному делу. Ты же поэт, настоящий поэт...

— Какой я поэт! — смущенно засмеялся Гивэй.

— А может быть, поэтому тебе и так хочется... в небо?

Оля опять опрокинулась на спину, глядя немигающими, чуть влажными глазами в ясную небесную даль.

Гивэй тоже прилег рядом с Олей, облокотившись о землю, он подпер подбородок руками, задумчиво глядя вдаль.

— Так вот, послушай, Оля, почему я в небо хочу. Сначала объясню, почему полюбил машину. Помню, еще мальчиком я впервые увидел аэросани... Испугался сначала, а потом восхищение пришло! Как быстро движутся, никакой олень не догонит. Скорость машины — вот что меня восхитило! Я не знаю, ясно ли говорю, понятно ли говорю. Может, если бы я был не чукча, не тот человек, народ которого не только быстро идти, а летать должен, чтобы в десятки лет пробежать века, тогда, возможно, я как-нибудь по-другому бы на скорость эту смотрел... Понимаешь ли, Оля, о чем я говорю?

— Очень хорошо понимаю, — взволнованно ответила девушка.

— А дальше я и еще очень важное понял, — продолжал Гивэй. — Машину сделал человек, управляет машиной тоже человек. Значит, машина — это его сила, его вторые руки, ноги, спина, крылья. Никогда до этого у чукчи такой силы не было, и вот пришла!

Гивэй поднялся, встал на колени и сделал руками такой жест, словно ухватился за штурвал. В лице его было то выражение одухотворенности, которое появлялось у него всегда, когда он прикасался к машине.

— Слушай, Оля! Когда я берусь руками за рычаг и машина начинает работать, я будто соединяюсь с ней, сам себе кажуся необыкновенно сильным. Куда сильнее, Оля, чем те богатыри, о которых в сказках говорится. Машина дрожит, гудит, и мне кажется, что это мое сердце бьется! Теперь ты понимаешь, почему мне хочется в небо, когда самолет я вижу. Такие быстрые, быстрые крылья! Такая огромная сила! А если самолет этот еще стреляет, бросает бомбы на фашистов! Кому не захочется на такой машине умчаться туда...

Гивэй махнул рукой на запад, поднялся с пригорка. Встала и Оля.

— Ты сам летишь! Летишь, как быстрый ветер. Да куда там — в сто раз быстрее! И вот под тобою враги, те враги, которые Зою повесили, которые детей, стариков убивают, которые брата моего Тэгрына убили. И тут я на самолете! Огнем, свинцом в них! Бомбами! Враги падают, в воздух взлетают, бегут!

Юноша умолк, как бы спрашивая восторженными глазами: ну как, понятно теперь, почему мне в небо хочется?

— Да, ты мне многое объяснил! — с задумчивой, чуть грустной улыбкой ответила Оля.

Старик Анкоче тоже не спал в эту солнечную ночь. Радостно было думать, что на своем долгом веку ему довелось увидеть еще одно весеннее солнце. Сидя на пороге колхозной косторезной мастерской, он перебирал большую связку-моржовых кльков и о чем-то шептал, мерно покачиваясь и порой переходя на негромкий речитатив.

Старик Анкоче слагал сказание.

«Так прадеды наши делали, — рассуждал он. — Так и мы должны о жизни своей вечное слово сложить».

Сейчас Анкоче больше всего занимала счастливая весть: добрые, могучие богатыри, советские воины подошли к главному вражескому городу, где жил злобный дьявол с безумными глазами, с паучьим клеймом на лбу.

Невольно вспомнилось старику сказание о могучем богатыре Нэрмакине, который победил злобного дьявола.

Анкоче глянул на солнце, зажмурился и минуту сидел неподвижно. Перед его глазами встал портрет Великого Человека. «В волосах его все больше и больше зимней изморози. Но такой уж человек этот, что седина его весенним цветением кажется. Я выточу его образ из белой кости».

Захваченный новой мыслью, Анкоче вытащил из мастерской шкуру белого медведя, разостлал на солнцепеке, перенес туда же связку моржовых клыков, принялся подбирать их.

За этим занятием и застал его Гивэй. Юноша подошел к нему неслышно, как-то по-особенному умиротворенный, до краев переполненный счастьем. Ответив на приветствие старика, он ласково прищурился на солнце и улегся лицом кверху на шкуру медведя.

— Почему не спишь? — спросил его через несколько минут Анкоче.

Гивэй не отозвался, он заснул, потому что не спал вот уже третью ночь, думая о разлуке с Олей. На лице его было все то же выражение умиротворенности и большого счастья. Юноше снилось, как будто кто-то невидимый, в ком он смутно угадывал самого себя, взял в руки его скрипку и начал играть. Это была чудесная музыка — нежная и прозрачная, как горный родник.

Но вот Гивэй уже высоко в небе. Самолет несет его плавно и в то же время стремительно быстро. Гивэй осматривается: внизу — города, села, нивы, реки, горы, моря. Самолет опускается почти к самой земле, затем снова взмывает к небу. У Гивэя захватывает дыхание. Где-то далеко за прозрачными облаками, пронизанными солнцем, ему улыбается Оля.

Внезапно наступает мрак, нарастает грохот. «Ага, — думает Гивэй, — это они — фашисты... Сейчас они будут падать... падать мертвыми!..»

— Эй, Гивэй! Смотри, самолет! — доносится до него чей-то голос.

— Это мой, мой самолет! — хочет ответить Гивэй и просыпается от повторного возгласа Анкоче.

Над поселком только что пролетел самолет, завернул и снова пошел почти над крышами домов на бреющем полете. Что-то мелькнуло в воздухе и ринулось вниз, как белая чайка. Самолет улетел. Гивэй подбежал к сброшенному с самолета туго увязанному пакету, взял в руки.

— Почта! — весело крикнул он старику. — Побегу в правление колхоза!..

— Ну, беги, потом расскажешь, добрые ли вести принес самолет, — ответил Анкоче, увлеченный работой.

Гивэй взглянул на свои часы и удивился: уже десять утра.

— Ай-яй! Так долго спал! Мне же к отъезду собираться! — пробормотал он и побежал к правлению колхоза...

Оля с трудом успокоила учеников, взволнованных пролетевшим самолетом. Когда она принялась за объяснение новой задачи, в класс, словно ветер, ворвался Гивэй. Лицо его было необыкновенно возбужденным.

— Оля! Ребята! Победа! Берлин взят! — закричал он, потрясая белым листком бумаги. — Фашисты сдались! Мир! Мир! Мир!..

Какое-то мгновение в классе стояла глубокая тишина.

— Победа! — тихо промолвила Оля, не в силах оторвать взгляда от бумаги, высоко поднятой в руках Гивэя, и тут же закричала так, словно всю душу хотела вложить в этот крик:

— Победа! Ур-ра!..

Тишина взорвалась. С ликующими криками школьники соскочили со своих мест, гремя крышками парт. Некоторые из них взбирались на парты и кричали, топя ногами, хлопая в ладоши:

— Победа! Мир! Ур-ра!..

Гивэй бросился на улицу, все также потрясая над головой белым листком бумаги со сводкой Информбюро. Школьники, а за ними и Оля также устремились на улицу.

В поселке творилось что-то невероятное. Люди бежали от дома к дому, кричали, обнимались. Двое юношей схватились бороться, воинственно выкрикивая: «Гы-а! Гы-а!» Иляй зачем-то выпустил из питомника всех собак, и собаки, возбужденные радостью людей, бегали по поселку, звонко лаяли. Пытто залез на чердак своего дома и, победно помахав красным флагом, укрепил его над крыльцом. Его примеру последовали другие. Барабанщик пионерского отряда, Тотык, шагал через поселок и гулко выбивал марш. Рутьын выстроил свою комсомольскую бригаду с карабинами в руках, взмахнул малахам и выкрикнул, срывая голос:

— Огонь!

Грянул залп, за ним второй, третий, четвертый...

У правления колхоза собирались люди.

Растерянная, со слезами на глазах, Оля смотрела на все, что происходило вокруг, и тихо шептала:

— Победа! Витя, ты слышишь, родной мой. Твоя победа!

Откуда-то сзади появился Айгинто, крепко обнял и поцеловал Олю в щеку. Не успела она опомниться, как председатель уже бежал от нее и громко кричал:

— Рутьын! Пытто! Нотат! Запрягите самых быстрых собак, ветром мчитесь в тундру, зовите в поселок оленеводов из ближних стайбиц!

Вскоре из поселка вырвалось несколько упряжек. Над каждой из них на шесте пламенел красный флаг!

Через несколько часов из тундры в поселок уже мчались на оленях в бешеной гонке оленеводы. Подскакивали нарты. Заливались тонкие колокольчики.

— Ги! Ги! Ги! — выкрикивали наездники, взмахивая погоньными, как саблями.

С приездом оленеводов был проведен второй митинг. После митинга Иляй откуда-то вытащил чучело Гитлера, изготовленное для тренировок в штыковом бою, проводившихся в отделении всевобуча. Охотники и оленеводы со смехом и шутками устремились за Иляем.

— На костер! На костер волка Гитлера! — кричал Иляй, окруженный шумной толпой,

— На костер! — подхватили люди.

Вскоре в середине поселка пылал большой костер. Когда пламя было уже достаточно жарким, несколько мужчин подхватили чучело Гитлера и швырнули в огонь. Громкие, воинственные возгласы, смех разносились по поселку.

— Люди, разжигайте костры! Кипятите чай, варите мясо! Тащите на улицу медвежьи шкуры! — громко выкрикивал Айгинто. И вот уже не один, а десятки костров запылали в поселке. Женщины и дети тащат к кострам медвежьи, оленьи шкуры, чайники, котлы. Парни выставляют на ровной поляне призы для участников в спортивных состязаниях.

Горят костры! Гости и хозяева пьют чай, едят мясо. Голые по пояс юноши борются, показывают свою силу и ловкость.

— Гы-а! Гы-а! — раздаются их воинственные возгласы. В другом месте идет состязание по прыжкам. А еще дальше гибкий и стройный юноша, в котором все узнают Тымнэро, прыгает через аркан.

Старики, пожилые мужчины и женщины наблюдают за состязаниями, обсуждают, кому должен быть вручен тот или иной приз.

Анкоче сидит у одного из самых больших костров, где собрались старые охотники и оленеводы.

— Хороший обычай у наших предков был, — тихо говорит он, — вечное слово о жизни своей оставлять потомкам. Помнить надо обычай этот. Послушайте меня, люди... Пусть начало этого слова о нашей жизни от одного к другому пойдет. Середина и конец потом пойдутся.

Старики согласно закивали седыми головами.

— Был светлый солнечный день, — начал Анкоче, мерно покачиваясь. — Солнце было яркое, теплое. Люди подымали кверху головы, улыбались, протягивали к нему руки. А под солнцем большая звезда горела, красная звезда горела над крышей высокого дома, где жил Великий Человек. И, чем ярче горела звезда, тем выше подымалось солнце. Тепло людям становилось. Тепло и радостно! Смех и песни слышались всюду.

Но не у всех высокое солнце радость вызывало. Не всем было весело смотреть на огонь звезды красной. Те, у которых животы, как у моржей, толстые, не хотели для людей света, солнца и красной звезды. Черная ночь была им нужна, чтобы окутать тьмой звезду красную, заслонить от земли свет солнца. И пошли они тогда к злему дьяволу, у которого пена изо рта текла, как у собаки бешеной, у которого было клеймо на лбу, на паука похожее. «Дай нам ночь, — сказали они ему, — черную, вечную ночь дай, чтобы не видно было, как горит над миром звезда красная, чтобы не шло от солнца на землю тепло». «Хорошо! — ответил дьявол с паучьим клеймом. — Я вам дам черную ночь! Она уже давно в моем сердце родилась, давно в моей голове живет. Скоро ночь эта из сердца моего, из головы моей на мир поползет. И тогда темно станет, совсем темно станет, навсегда темно станет!..»

Долго горели в поселке костры. Вот и вечерняя заря запламенела, вот она встретилась с утренней. Глядя на разгорающуюся зарю, Анкоче продолжал:

— Но как не может черный мрак победить солнца, так не смог и злобный дьявол победить Великого Человека. Так знайте, мудрые, я только начал вечное слово. Пусть идет оно от стойбища к стойбищу, из рода в род, пусть каждый вставит в него свое слово, как подбирает опытный швея яркие бусинки бисера к праздничному шитью.

— Да, так будет, Анкоче, — отвечают старики, затягиваясь из трубок.

Костры горели, как прежде, мужчины готовили собак и оленей для гонок, юноши брали старт, состязаясь в беге на десятки километров.

Праздник великой победы продолжался.

2

Айгинто вышел из дому на улицу, осмотрелся вокруг. Была по времени ночь, а на небе светило солнце. Председатель потянулся, присел на остов байдары. Прислушиваясь к мелодичному звону капель, доносившемуся с берега, покрытого выброшенным льдом, он думал о прошедшем празднике Победы. Ему как-то не верилось, что этот долгожданный день наступил. Закрыв глаза, он представил себе свой путь, путь колхозников в годы войны.

Крутыми были эти пути: на гору шли, по скалам шли, через ущелья, в пургу, в дожди. Трудно было ему, Айгинто, трудно было его сородичам. Трудно было всему советскому народу! А как будет дальше? Дальше идти надо, еще выше идти. Завтра же на заломах начнут пилить, тесать бревна для домов охотников и оленеводов. Тяжело будет. Непривычно это дело для чукчи-охотника — топор в руках держать. А делать надо. И он, Айгинто, должен быстро выучиться руководить строительством. Жаль, что Гемалья рядом не будет. Но ничего, он и оттуда, из Кэрвука, нам поможет. Это неплохо, что его вместо Караулина заведующим райзо поставили.

Долго сидел председатель на одном месте, прислушиваясь к звону капель, к гогогу опускавшихся где-то недалеко от поселка гусей, к тоненькому жужжанию мух. Чувствуя, что сон к нему придет не скоро, он тихонько, чтобы не разбудить мать, вошел в дом, снял со стены карабин, прихватил с собой топор, пилу и отправился к залому, находившемуся в нескольких километрах от поселка.

Огромный овраг был завален бревнами, почерневшими от времени, нагроможденными в самом хаотическом беспорядке. На берегу, за прибойной полосой, возвышались десятки штабелей, заготовленных янрайцами за два года. Айгинто обошел штабеля. «Много лесу, хороший лес», — радовался он.

Усевшись на толстый пиленный брус, председатель закурил трубку. Ему вспомнились рассказы стариков об огромном колымском наводнении, унесшим в море из колымской долины много лесу.

«Да, однако, это была действительно большая вода, — столько лесу в море выбросила!» — подумал Айгинто, и, взяв в руки топор, он подошел к одному из штабелей. Отделив толстое бревно, Айгинто ощущал его руками, вздохнул.

«Ого! Это тебе не палочки, из которых яранга строится! Хорошо было, когда готовые дома прямо с парохода на берег сгружались. Вся надежда на то, что

Петр Иванович кое-чему научит, — рассуждал Айгинто, осматривая бревно. — Митенко знает, покажет... Но, я председатель, у меня тоже спрашивать будут!»

Ему припомнилось, как в районном центре при постройке дома плотники затесывали бревна топорами, делая брусья. Айгинто взялся за топор. Уже на четвертой, на пятой минуте он понял, что работа эта очень тяжелая и требует сноровки.

Через полчаса Айгинто оглядел результаты своего труда. «Можно сказать, что я не брус для дома делал, а щепки для костра щепал», — с горечью подумал он, рассматривая на руках мозоли.

— Что же теперь делать? — спросил он себя, разглядывая натруженные ладони. — Люди завтра посмотрят, как я работаю, попробуют сами, испугаются, говорить станут, что у нас ничего не получится.

Долго смотрел Айгинто на неровное бревно, выкуривая трубку за трубкой, и, наконец, снова принялся его тесать. Теперь он старался не торопиться, чтобы приспособиться, приобрести сноровку, передать ее другим.

Прошло еще полчаса. Обтесав одну сторону бревна, Айгинто осмотрел его. «Конечно, еще не очень хорошо, но, кажется, уже лучше», — подумал он и снова взялся за топор. Волдыри на ладонях лопнули, но он не почувствовал боли.

«Научусь! Научусь!» — твердил председатель с каждым ударом топора, время от времени смахивая с лица крупные, соленые капли пота.

— Это что за полупночиих здесь топором стучит? — вдруг услышал он голос Митенко. Айгинто вздрогнул, повернулся к Петру Ивановичу.

— А ты почему не спишь?

— Я старик, меня стариковская бессонница одолела. Слышу, гуси летят, дай, думаю, пойду поохочусь, — лукаво улыбнулся Петр Иванович, оправляя усы.

— А это что такое? — указал Айгинто на топор, пилу и метр, которые Митенко аккуратно положил на бревно. — Ты что, решил не только ружьем, но еще и топором гусей убивать? Куда же ты топором бить их будешь: по хвосту или клюву?

Петр Иванович снова дотронулся до усов, скрывая под ними усмешку, и, усевшись на бревно, сказал:

— Обоих нас, Айгинто, привело сюда одно и то же: руководить-то строительством нам придется.

Председатель молча показал свои ладони. Петр Иванович присвистнул и заметил:

— Вижу, трудно тебе плотницкая работа дается. Ну да ничего, брат, от мозолей рука только крепче становится.

— Это все верно, — невесело согласился Айгинто, — боюсь только, что первое время люди испугаются новой работы.

— Испугаются, правду говоришь, — уверенно подтвердил Митенко. — А мы отгоним от них испуг этот. Вот давай засучим рукава и до утра один, два венца поставим. Пусть посмотрят, что сделали до их прихода два человека.

— Давай, Петр Иванович! Я знаю, ты поможешь нам!

— Постараюсь. Хорошо ли, худо ли, но топориком владеть умею. — Помолчав, Петр Иванович спокойно до-

бавил: — Сядь, покурим... Бревна тесать мы не будем, прямо из кругляков построим дома.

Целый день стучали топоры на заломе. К вечеру на берегу моря уже возвышался сруб в шесть венцов. К своей работе янрайцы относились по-разному. Одни считали, что начато большое дело и уже имеются успехи (за такую оценку работы стояла молодежь), другие, преимущественно старики, недовольно ворчали, что их заставили заниматься незнакомым делом, что они так устали и теперь им придется долго отлеживаться дома.

— Все руки посдирали, даже в карман больно полезть, — басил медвежатник Нотат, тяжело прихрамывая на ушибленную ногу.

— А у меня поясницу так ломит, будто там хрящ сломался, — подхватил за ним другой охотник.

— Легче моржа на куски изрубить и перетащить его по частям от залама до поселка! — отозвался Эчилин.

Айгинто хмуро прислушивался к недовольным голосам и негромко ругался.

— Не надо злиться, председатель, — добродушно заметил Петр Иванович. Он хотел сказать еще что-то, но Айгинто его перебил:

— Как тут злиться не будешь? Мало сегодня сделали, совсем мало. А завтра, наверное, еще меньше сделаем. На усталость люди жаловаться станут.

— Ну, поохают немного, — успокаивал председателя Петр Иванович, — вначале так и должно быть, я это предвидел. Через недельку пообвыкнут, во вкус войдут, и тогда закипит работа...

В группе недовольных продолжался ропот. И вдруг послышался высокий голос Иляя:

— Чего, как старухи болтливые, туда-сюда языком вертите? Я вон, можно сказать, полруки себе топором отрубил — и то молчу!

Иляй победно вытянул забинтованную руку.

— Слышишь, как чистит их! — засмеялся Петр Иванович, кивнув головой в сторону Иляя.

Айгинто одобрительно улыбнулся:

— А что было бы с ним, если бы...

— Без колхоза умер бы где-нибудь от голода, никому не нужным, — перебил Митенко председателя. — Или у Эчилина жил бы вместе с собаками.

В поселке председателю сообщили, что из Кэрвука прибыл Гэмаль.

— Где он? — обрадовался Айгинто. Заметив на берегу среди охотников высокую фигуру бывшего парторга, Айгинто почти побежал к нему. Узнав, что Гэмаль прибыл для помощи в строительстве, Айгинто повеселел.

— Как хорошо, что тебя послали помочь нам. Вдвоем нам легче будет.

— Почему вдвоем? — возразил Гэмаль. — Весь район помогать нам станет. Сергей Яковлевич при мне целое совещание провел. Собрались в его кабинете и начальники полярных станций, и руководители Дальстроя, и начальник гидрографической экспедиции. Обещали плотников вам в помощь прислать, печников, стекольщиков, а самое главное — подходящие материалы решили выделить...

Гэмаль достал из планшетки лист бумаги, протянул Айгинто. Председатель, присев на камень, принялся вчитываться в записи Гэмалья.

— Сергей Яковлевич наказывал так все организовать, чтобы для других пример был. Люди из соседних колхозов придут сюда учиться дома строить...

— Ого! — загорелся Айгинто, прочитав записки Гэмалы. — Весь район помогать нам будет!..

— А как ты думал! Говорю же, показательное строительство, — улыбнулся Гэмаль.

— А это кто? — вдруг встрепенулся Айгинто. — Караулин! Когда это он приехал?

— Вместе сегодня приехали. Не разговаривал со мной, когда дела мне сдавал. А теперь ничего... помирились. Директором райторгконторы его назначили. Говорят, хорошо за новое дело взялся. Посмотрим, что дальше будет.

— Ну, идем, идем скорее ко мне, поедим, чаю попьем! — заторопился Айгинто, увлекая Гэмалю за собой.

3

Стадо паслось на склонах пологой сопки. Мэвэт бродил по стаду, приглядываясь к телатам. Успокоенный, что все они выглядели бодрыми и здоровыми, бригадир присел на камень, посмотрел вниз под гору на стойбище. Выстроенное замкнутым кольцом на обширной горной террасе, стойбище было хорошо видно. В середине круга стояла большая палатка с развевающимся красным флагом — Красная яранга. Чуть в стороне от палатки виднелся высокий штабель бревен, доставленных по реке плотами из Янрая.

Мэвэт долго смотрел на штабель. Вспомнилось, как он в числе других оленеводов стоял на этой же горной террасе с секретарем райкома.

— Вот здесь и начнем строить тундровый поселок! — сказал тогда Ковалев, внимательно осматривая район между речья. Много после этого было разговоров среди оленеводов о намеченном строительстве тундровых поселков. Большинство обрадовалось этому известию, чувствуя, что в жизни тундры намечается что-то новое, до сих пор не бывалое. Но некоторая часть оленеводов не верила в возможность большого строительства или не одобряла его. И когда в тундру прибыл первый плот бревен готового сруба, весть об этом сразу же облетела все стойбища. Пешком или на легких байдарках оленеводы, чьи стойбища находились у рек, добирались до района между речья, подходили к бревнам, как бы не веря своим глазам, тщательно осматривали, ощупывали их. Тут же у бревен разжигали костры и, усевшись в тесный круг, долго за чаем обсуждали: хорошо или плохо, что в тундре должны появиться вместо яранг дома?..

Сейчас, глядя на яранги, Мэвэт старался мысленно представить себе, как будет выглядеть стойбище, когда вместо яранг возникнут дома. «Зимой, в темную ночь далеко окна домов будут светиться. Со всех долин четырех рек огни далеко видны будут».

Дождавшись смены пастухов, Мэвэт направился к стойбищу. Еще издали бригадир увидел высоко взобравшихся на штабель людей. «Опять гости прибыли на бревна смотреть, — подумал Мэвэт, — строить дома скорее надо. Лето уйдет, холода настанут, до зимы не успеем».

Собравшиеся оленеводы говорили все о том же — о строительстве домов в тундре. Мэвэт ревниво прислуши-

вался к каждому слову, досадливо вряхтел, если кто-нибудь, по его мнению, говорил совсем не то, что надо. Особенно его раздражали слова Кумчу, приехавшего узнать новости о строительстве.

После того как Майна-Воопка стал вместо него бригадиром, Кумчу еще более замкнулся в себе, неохотно выполнял приказания нового бригадира, исподтишка распространял о нем разные нелепые обидные слухи. Узнав, что в район между речья пришли первые плоты бревен, Кумчу начал нашептывать пастухам самые невероятные опасения по поводу строительства. Слова его услышал Майна-Воопка. Посмотрел новый бригадир в глаза Кумчу и сказал:

— Отуеси язык свой, болтливый человек, собакам выбрось! Обо мне ты можешь говорить, что голове твоей вздумается, но о новых домах молчи. О них другие — честные люди — слова говорить будут.

— Видно, тяжелое время пришло, если молчун Майна-Воопка так много браниться стал, — злобно усмехнулся Кумчу. Не выдержав холодного взгляда бригадира, он ушел в свою ярангу, стал собираться в дорогу.

Сейчас Кумчу прислушивался к разговору оленеводов, выжидая удобного случая, чтобы снова высказать свои соображения.

— Такой дом не снесет пургой! В таком доме не будешь дрожать от холода! — донесся до него голос Тымнэро, сидевшего у костра в кружке молодежи.

— Ветер, который в голове твоей, Тымнэро, и дома перевернуть может, — наконец не выдержал Кумчу. Заметив на себе пристальный взгляд Мэвэта, он повернулся к нему, заговорил быстро, возбужденно:

— Что так смотришь на меня, Мэвэт? Или ветер, который в голове Тымнэро, и в твоей голове гуляет, пургу из твоих мыслей делает? Видно, ты тоже жилище люоравтляна¹ на чужой непривычный дом променять решил? Наверное, и спать не по-человечески на высокой подставке будешь? Смотри, захочешь во сне вернуться — на деревянный пол упадешь, старые кости сильно зашибешь, болеть будет.

Мэвэт сунул под нос Кумчу свою трубку и сказал, с трудом сдерживая себя:

— Затянись из трубки как следует, может кусок шкуры, который во рту твоём болтается, снова языком человеческим станет.

Кумчу машинально затянулся из трубки Мэвэта и тут же вернул ее хозяину.

— И трубка-то твоя как-то по-другому пахнет, не чукотский дух я слышу в ней.

— Собака, у которой нюх испорчен, всегда мясо с рыбой путает, — не уступал Мэвэт.

Оленеводы молча, с затаенным напряжением прислушивались к перепалке между Мэвэтом и Кумчу.

Красный, с узкими злыми глазками на широком лице, Кумчу лихорадочно обдумывал ответ Мэвэту.

— Что же, ладно. Зимой в гости к тебе в этот дом приеду, ночью ждать буду, когда с постели-подставки на пол упадешь, ждать буду, когда место рядом с твоей женой для меня освободится, — наконец нашелся он сказать.

¹ Люоравтлян — настоящий человек.

— Нет уж, я лучше твою жену с собою рядом с краю положу, чтобы самому на пол не свалиться.

Быстрый ответ Мэвэта вызвал у оленеводов смех.

Кумчу нахохлился, умок, с горечью признаваясь себе, что в поединке с Мэвэтом потерпел поражение.

— Я думаю, люди, надоело вам слушать, как двое мужчин, будто старухи сварливые, языками болтают. Давайте делом займемся! — сказал Мэвэт.

— О каком же это деле ты говоришь? — поинтересовался Кумчу.

— Вот посмотрите, сколько камней валяется как раз там, где дома строить будем. — Мэвэт встал и широким жестом показал на камни вокруг стойбища.

— Правильно бригадир говорит! — поддержал Мэвэта пастух Раале.

— Пойдем! — предложил своим друзьям Тымнэро и, ни слова ни говоря, направился к первому камню, выбрав потяжелее.

Через четверть часа люди были захвачены работой.

— В кучу, аккуратно складывайте камни! Они нам еще пригодятся, когда дома будем строить! — распорядился Мэвэт.

А Кумчу попрежнему сидел на бревнах и думал о том, откуда взялась у людей, которых он знал с детства, эта охота ворочать тяжелые камни.

— Го-го-го! Люди! Вы что это вздумали новую гору из камней делать! — вдруг послышался звонкий голос Воопки. Кумчу резко повернулся и увидел подхихивших к стойбищу Воопку и Майна-Воопку. Братья минуту наблюдали за работой и вдруг, словно сговорившись, взяли по камню и потащили их в кучу.

— Чаю попейте сначала! — крикнул им Мэвэт.

— Не мешай нам! — отозвался Воопка. — Пусть Кумчу за нас чайку попьет, все равно ему скучно на бревнах сидеть!

Кумчу выругался и пошел прочь от стойбища к реке, где вверх дном лежала его легкая моржовая байдарка. Оглянувшись, он прежде всего увидел своего бригадира. Обхватив могучими руками огромный камень, Майна-Воопка легко нес его к возвышавшейся куче камней. Суровое художавое лицо его было сосредоточено, спокойно. Он и эту работу выполнял так, как работал всегда: серьезно, добросовестно, вдумчиво.

«Не камень, а скалу на руки взял. Забыл, что совсем не для его бригады дома здесь строить будут», — подумал Кумчу и еще быстрее зашагал к своей байдарке.

— Все камни собирайте, и даже маленькие! — кричал Мэвэт, забыв, что он пришел домой выспаться после бессонной ночи.

4

Журба сидел за небольшим складным столиком в палатке, задумчиво глядя на улицу через открытое слюдяное окно. В палатке, пригретой солнцем, было тепло и уютно. Перед Владимиром лежал на столе устав сельскохозяйственной артели, который он переводил на чукотский язык.

Выбрав в стопке бумаг чистый лист, Журба принялся составлять список русских слов, вошедших в чукотский язык за годы советской власти.

— Школа, ученик, тетрадь, карандаш, мел, — бормотал он, — колхоз, председатель, сельсовет, секретарь, комсорг, собрание...

Все новые и новые слова приходили на память. Владимир достал из фанерного ящика объемистую папку, где лежали его записи по чукотскому языку.

Уже четвертый год Журба и Солнцева кропотливо работали над чукотским букварем, тщательно отбирая материал, проверяя его на занятиях.

«Новая лексика обязательно должна найти свое место в нашем букваре», — рассуждал Владимир, вчитываясь в страницы своих черновиков.

Записав эту мысль в тетрадь, он подобрал несколько примеров. «Надо сообщить Оле», — подумал он и взял в руки следующую работу. Это был перевод на чукотский язык зоотехнических и ветеринарных правил по оленеводству, который Владимир сделал по просьбе Нояно. С каким усердием Нояно переписывала эти правила для каждой бригады.

«Сколько дней я уже не видел ее?.. Третий день!»

Журба встал и принялся ходить по палатке. Лицо Нояно, с ласковыми глазами, стояло перед ним. Он мечтательно улыбулся и вскоре поймал себя на том, что шепчет какие-то необыкновенно нежные слова. Смутившись, он осмотрелся: не подслушивал ли кто-нибудь...

А Нояно в это время с огромным трудом, преодолевая усталость, взбиралась вместе со стариком Ятто и пастухом Воопка на высокий перевал, добираясь к району междуречья. Бесконечные цепи гор, мрачные, с отвесными ущельями, тянулись с востока на запад. Черные, в глубоких трещинах скалы всегда полны глубокого безмолвия. Только изредка про шумит крыльями сова, и снова тихо до звона в ушах. Нояно спотыкается, но не отстает от оленеводов. Усталые глаза ее пристально осматривают одну гору за другой. Некоторые из них уже прихвачены кое-где красной и коричневой краской подкрадывающейся осени. Где горы яркого цвета, там растут травы, там есть жизнь...

— Скажите, вы никогда не пасли оленей по склонам вон тех сопок, которые заворачивают на север, — спросила Нояно Воопку и Ятто, извлекая из походной сумки толстую тетрадь.

— Все равно, девушка, всю землю на бумаге не поместишь, — с усмешкой заметил Ятто.

— Ничего Ятто, я должна записать. Нашему колхозу надо все пастбища знать, — и девушка, присев на корточки, приготовилась записывать.

Нояно хорошо понимала, насколько важно для колхоза собрать самые точные сведения об оленьих пастбищах именно теперь, когда намечалось перераспределение пастбищ между бригадами.

— Ну как, сейчас пойдем на пастбища у речонки Койныкай или потом, когда отдохнем в стойбище? — спросил Воопка, обращаясь к Нояно.

Девушка закрыла глаза, прислушалась, как ноют усталые, натруженные ноги, и, тяжело вздохнув, ответила:

— Нет, сейчас я уже не смогу туда дойти. Страшно устала. Пойдем лучше домой.

— Скажу честно тебе, девушка, я хоть и много за свою жизнь ходил, привык к этому, но тоже очень

устал, — улыбнулся Ятто. — Да и Воопка, наверное, скоро на землю повалится и спать целые сутки будет.

Воопка потуже подвязал тесемки торбазов и взмолился:

— Пойдемте скорее в стойбище. Первый раз в жизни вижу такую сильную женщину...

Нояно с трудом встала, сделала несколько неверных шагов.

— Не упади, девушка, — осторожно поддержал ее за руку Ятто.

Когда начался спуск с перевала, перед глазами путников открылось стойбище. Красным огоньком пламениел флаг над палаткой. Нояно на мгновение остановилась. Первое, что ей пришло в голову при виде палатки, это мысль о Владимире. Она много думала о нем в своем тяжелом пути по речным долинам и горным перевалам. И думы эти, похожие на неясные мечты, помогли ей незаметно пройти не один десяток километров.

Усеянная камнями дорога спускалась круто. Итти вниз было так же трудно, как и взбираться на перевал. Все чаще и чаще хваталась Нояно за протянутую ей то Ятто, то Воопкой руку. Время шло, но огненная точка флага попрежнему казалась далекой.

«Не буду смотреть на стойбище, долго не буду смотреть, потом посмотрю и оно сразу окажется близко», — решила Нояно. Глядя под ноги, она машинально принялась считать шаги. Много сотен шагов уже осталось позади, а девушка все еще медлила посмотреть вниз. Споткнувшись, она больно ушибла ногу, невольно глянула на стойбище и закрыла глаза: красное пламя флага, казалось, не приблизилось ни на метр.

— Давайте немного отдохнем... Пить хочу, — упавшим голосом сказала Нояно. И, заметив среди камней свежую лужицу, жадно припала к ней. «И все-таки сегодня я увижу его, обязательно увижу», — подумала девушка, утолив жажду.

Владимир проводил занятия по ликбезу.

Мужчины и женщины, усевшись двумя рядами на устланном шкурами полу палатки, держали на коленях фанерные дощечки с разложенными на них тетрадями. Журба стоял у доски и показывал написанную мелом букву «Г».

Кто-то из оленеводов тут же назвал ее Гатле¹.

— Верно, Гатле! — обрадовался Журба. — Видите, и клюв, как у птицы, — и подумал: «В букваре перед буквой «Г» обязательно нарисовать птицу».

Нояно незаметно вошла в палатку и, не отрывая глаз от учителя, уселась за небольшой столик, стоявший в углу. Владимир повернулся от доски к ученикам и увидел Нояно. Загорелое лицо его с черным пушком над верхней губой вспыхнуло такой неудержимой улыбкой, что оленеводы невольно проследили за его взглядом, и все увидели Нояно.

— Пишите! Пишите! — смущенно замахала руками Нояно, хотела выйти, но почувствовала, что сделать это не может. «Сегодня все скажу ему», — подумала она, украдкой глядя на Владимира.

Когда занятия подходили к концу, в палатку вбежал

мальчик и закричал так, как будто его должны были услышать все жители тундры:

— Катер по реке пришел, много русских людей приез! Плот с бревнами притащил! Учительница Оля приехала!

— Оля приехала? — переспросил Владимир. Тотчас же все вскочили с мест.

— Можно итти? — спросил пастух Раале, привыкший к порядку на занятиях.

— Идите, идите! — быстро проговорил Журба и сам устремился к Нояно. Он крепко пожал ее протянутые руки и сказал: — Пойдем?..

На берегу реки суетились люди. Хозяева стойбища помогали гостям вытаскивать бревна на берег, разгружать кунгас. Около трех десятков русских плотников, выделенных различными организациями района, с любопытством посматривали по сторонам.

Через час гости уже пили чай и возбужденно переговаривались с хозяевами, радуясь, что некоторые среди них говорили по-русски.

— Дом это не яранга. В доме никакой мороз не будет страшен! — положив на плечо Мэвэта огромную руку, объяснял бородач с добродушным лицом.

Мэвэт кивал головой и повторял по-русски:

— Карошо, карошо, очен карошо!

— Ковалев... понимаешь, секретарь Ковалев сюда нас послал, — продолжал свою беседу бородач в прежнем задумчивом тоне.

— О, карошо, очен карошо! — ответил Мэвэт, довольный, что у него находится вполне подходящее слово, чтобы вести беседу на русском языке.

...Журба и Солнцева медленно шли вдоль берега реки, захваченные разговором о своей работе над букварем. За время, пока они не виделись, у обоих накопилось немало интересных наблюдений. Порой они останавливались, чертили на песке буквы, рисунки, писали целые предложения.

— Надо спешить, — сказала Оля. — Жизнь требует нового букваря... Отсюда тоже много малышей на следующий год ко мне в школу пойдут. Я в основном за тем и приехала, чтобы познакомиться с ними и с их родителями. Ты мне поможешь?

Владимир не ответил. Выбрав плоский камешек, он подошел к воде и лукаво подмигнул Оле:

— Хочешь блинчиков напеку?

— Ну что ж, напеки.

Взмахнув рукой, Журба пустил камень по воде, как делал когда-то в детстве. Но камень подскочил всего два раза...

— Э, так ты меня совсем голодной оставишь, — шутливо возмутилась Оля и, быстро осмотревшись, взяла плоский камешек.

— Куда же скрылась от нас Нояно? — спросила она, заставив ловким броском подскочить камень над водой семь раз.

— Я сам о ней беспокоюсь, — ответил Журба. — Была веселая и вдруг...

— Может быть, в стойбище вернемся, поищем ее? — предложила Оля, искоса наблюдая за Владимиром.

— Да, да, пойдём! — отозвался тот с такой поспешностью, что Оля весело расхохоталась. Журба смутился.

¹ Г а т л е — птица.

— Знаешь, Володя. Я очень рада и за тебя и за нее. Я знала, что так получится, — неожиданно став серьезной, ответила девушка. — Со мной тоже случилось совсем непредвиденное: уехал Гивэй учиться, и я... затосковала!... Да еще как затосковала! Да, да! Не смотри на меня так удивленно!

5

Нояно сидела на опрокинутой сверху полозьями нарте и, подперев руками подбородок, смотрела невидящими глазами в ту сторону, где маячили далекие силуэты Владимира и Оли.

«Почему я не подумала об этом раньше? Он, конечно, любит ее! Разве такую, как Оля, можно не любить? Я и сама люблю ее!»

Вспомнив с какой радостью она готовилась сказать Владимиру какие-то особенные слова, как ждала встречи с ним, Нояно горько улыбнулась.

— Нет! Ничего я ему не скажу... Ни одного слова...

— Что... тоскуешь? С учительницей твой русский ушел!..

Нояно вздрогнула, медленно повернувшись, увидела Кумчу.

— Зачем тебе русский, меня полюби. Второй женой моей будешь, — улыбался заплывшими узкими глазками Кумчу, явно наслаждаясь смятением девушки.

— Ну? Чего молчишь?

Глаза Нояно гневно вспыхнули. Встав с нарты, она резким движением перебросила на спину косы и, сдерживая негодование, ответила:

— Если еще вторую жену искать будешь, тогда и ты, что имеешь, потеряешь!

Кумчу засмеялся и с тем же ехидством в голосе сказал:

— Дело такое, товарищ олений доктор, меня бригадир Майна-Воопка за тобой послал. Сказал, чтобы ты сейчас же шла. В стаде нашем олень копыткой заболел.

— Копыткой! — встревожилась Нояно.

— Да, наверное. Только знай, в стадо пешком итти надо, далеко оно от реки, километров двадцать будет... Ну как, пойдешь... или подождешь, когда твой русский в стойбище вернется?

Нояно представила себе весь длинный путь, всего час или два назад пройденный ею, на мгновение закрыла глаза, прислушиваясь, как ныли ноги, и, отчужденно взглянув на Кумчу, промолчала.

— Хорошо, я скажу Майна-Воопке, что ты не смогла притти, что ты устала, что тебе надо было по делу разговаривать с Журбой, — сочувственно вздохнул Кумчу. В масляных глазах его мелькнули хитрые искорки.

— Нет, нет! — Нояно с решимостью встала на ноги. — Мы пойдем!

Лицо Кумчу неуловимо преобразилось, стало жестким, каменным.

— Ну смотри, девушка, путь наш не легкий. Я пойду быстро, очень быстро пойду, мне торопиться надо. Дома жена ждет.

— Не пугай, — угрюмо отозвалась Нояно. — Сейчас возьму походную аптечку, и пойдем.

Кумчу пустился в дорогу так быстро, что Нояно едва успевала за ним. Спотыкаясь о кочки, она то и дело поправляла на спине тяжелый ящик с походной аптечкой, изо всех сил старалась не отстать.

«Хотя бы ящик взял, мужчина называется», — думала она о Кумчу, который за все время так ни разу и не оглянулся назад.

Машинально передвигая ноги, Нояно пыталась ни о чем не думать. Но это было нелегко.

«Почему они ходили так долго?.. О чем говорили?.. Почему я не пошла с ними?.. — И тут же Нояно отвечала себе: — Правильно поступила. Зачем мешать им?»

А Кумчу все ускорял шаг. Нояно хотелось крикнуть, чтобы он остановился передохнуть, что она не может так быстро итти, что ей очень хочется пить, но, пересилив себя, сдвинув упрямо брови, она шла и шла за пастухом.

...В стойбище Владимир узнал об уходе Нояно и Кумчу в бригаду Майна-Воопки и сразу помрачнел.

— На себе девушка-доктор тяжелый ящик понесла. Кумчу не захотел взять, сказал, что от ящика дурно пахнет, — объяснил Тымнэро, сочувственно вздыхая. — Ох, как устанет Нояно.

— Вот что, Оля, — нахмурился Журба. — В бригаде Майна-Воопка у меня дело есть...

— Давно бы пора! — улыбнулась Оля и тут же серьезно добавила: — Сейчас же иди, помоги ей тащить этот ящик!

— Я тоже пойду! — решил Тымнэро. — Нояно будет оленей смотреть, а я учиться у нее буду. Я все равно когда-нибудь стану оленьим доктором.

Владимир и Тымнэро ушли. Оля долго следила, как оба они пытались догнать Нояно.

— Кумчу зачем-то самый далекий путь выбирает, видишь — в обход сопки пошел, — махнул рукой Тымнэро в сторону шагавших впереди пешеходов. А мы через сопку пойдем и с той стороны их встретим. Только итти придется без отдыха...

— Ничего, ничего, я привык, — отозвался Владимир. Он был готов на все, лишь бы догнать Нояно.

На гору взбирались почти так же быстро, как шли по равнине. Цепляясь руками за камни, Журба с необычным для него проворством и легкостью спешил за Тымнэро. На вершине перевала они передохнули.

— Устал? — сочувственно спросил Тымнэро.

— Устал, — признался Владимир, вытирая накомарником мокрое горячее лицо.

Тымнэро затыкнулся из трубки, протянул Владимиру.

— Вон они, видишь! — показал юноша рукой. — Пока спустимся, как раз и встретим их.

Нояно уже начала отставать от Кумчу, но просить пощады попрежнему не собиралась. «Пусть идет, пусть! Навстречу мне Майна-Воопка выйдет, поможет ящик тащить».

Девушка заметила ручеек, жадно припала к нему и вдруг услышала голос Владимира. Отпрянув от воды, Нояно осмотрелась.

— Что это? — вслух спросила она.

— Ноя-ноо-о! — снова послышался тот же голос. — По-дожд-и!

Девушка осмотрелась еще раз. Голос слышался явно, но никого не было видно. Вслед за Кумчу Нояно взглянула на гору и вдруг заметила быстро спускающихся двух мужчин.

— Володя-я-а! — закричала девушка и, не понимая, зачем это делает, быстро пошла к горе. Опомнившись, замедлила шаг, остановилась. Не отрывая глаз от Владимира, она думала, что сейчас готова идти еще хоть сто километров...

Дымка тумана, заткавшая долину реки и склоны сопки, постепенно таяла. Пронизанный солнцем воздух стал прозрачным и свежим. Причудливые видения миража до неузнаваемости преобразили все вокруг. Голубые пики сопки, ежеминутно меняя форму, вытягивались в небо и растворялись в чистой синеве. Низко над тундрой пролетела, курлыкая, пара журавлей.

Владимир шел рядом с Нояно и читал стихи. Порой их взгляды встречались, и тогда они на мгновение останавливались. Нояно вспомнилось, как всего несколько часов назад ей страшно хотелось высказать Владимиру все, что было у нее на душе. «Зачем говорить, когда он и так все знает», — подумала она, уловив на себе очередной взгляд синих мечтательно-восторженных глаз Владимира. Девушка вслушивалась в его голос, и ей казалось, что еще никогда ее путь не был таким легким и красивым.

Бригадира Нояно застала в стаде.

— Пойдем со мной! Большой олень у меня в отдельном корале, — торопливо говорил Майна-Воопка, увлекая за собой девушку. — Я все сделал так, как ты нам объясняла.

— Значит, у вас карантинный кораль¹ уже есть! Это хорошо, — обрадовалась Нояно.

Большим озабался молодой олень с отпиленными рогами. Нояно сначала понаблюдала за ним издали, не пугая животного. Полузакрыв глаза, олень понуро стоял на одном месте.

«Что ж, ни кашля, ни одышки у него нет», — подумала Нояно и попросила повалить оленя.

Майна-Воопка и Тымнэро повалили оленя.

— Ты все рассказывай, — попросил Тымнэро, пристально наблюдая за каждым движением Нояно. Вскоре в карантинном корале собрались все пастухи бригады. Нояно осмотрела язык и полость рта оленя.

— Вы, конечно, замечали: когда олень копыткой болает, у него язвочки на конце и по бокам языка имеются, — объясняла Нояно. — У этого язык чистый. Посмотри на ноги.

Страшно выкатывая глаза, олень вздрагивал, пытался вырваться. Подняв крайние волоски над копытом, Нояно показала на место перехода роговой каймы в волосатую кожу. Это место было вдавленным, разъедено комарами.

— Вот пощупай осторожно, — предложила девушка Тымнэро. — Чувствуешь, мягкое. Олень плохо питался, оттого ороговения здесь не произошло. Надо оленя этого особой травой кормить, я потом покажу ее вам.

Нояно взяла вторую ногу оленя и показала на губчатую кайму серо-желтого цвета у венчика водос возле копыта.

¹ Карантинный кораль — специально отгороженное место для больных оленей.

— Олень по воде много ходил. Те места, которые не успели ороговеть, сильно разбухли от воды, мягкими стали, оттого комары их разъели, ранки получились. Возможно, туда уже проник микроб, которого простым глазом увидеть нельзя. Он очень маленький и называется палочка некроза.

— Если глазу невидимый, то как же его увидели? — не без умысла спросил Тымнэро. — Ты расскажи, как его увидели, я-то знаю микроскоп, в школе в него не однажды смотрел, а пастухи о нем ничего не знают.

— Не торопись, Тымнэро, — ответила Нояно и стала объяснять, что из себя представляет палочка некроза и как о ней узнали.

И хотя пастухи бригады Майна-Воопки уже успели привыкнуть, что девушка олений доктор порой объясняла им такое, о чем никто раньше и подумать не мог, сейчас они удивленно переглядывались, как бы спрашивая друг друга, стоит ли верить словам Нояно.

— Хоть и нельзя глазом увидеть палочку эту, а нам хотелось бы на нее посмотреть! — заявил Воопка, всматриваясь в большие копыта оленя так, словно решил непременно увидеть этот провлятый микроб.

— Вот построим поселок в тундре, будет там ветеринарный пункт, тогда Нояно микроскоп привезет и вы хорошо рассмотрите палочку эту, — вступил в разговор Владимир.

— Олень только начал болеть. Сейчас я копыта его марганцовкой промою. — Нояно раскрыла свою походную аптечку. — А потом мы заставим оленя вот эти таблетки проглотить, дисульфам называется.

Оленеводы наклонились над ящиком с лекарствами.

— Надо, чтобы в каждой бригаде ящик был такой, — сказал бригадир Майна-Воопка. — Обязательно давай мне лекарства такие. Нужно, чтобы пастухи сами умели лечить оленей. Тебе, Нояно, помощь большая будет.

В словах бригадира пастухи почувствовали официальное признание авторитета оленьего доктора. Все они стали внимательнее и серьезнее. И только с лица Кумчу так и не сходила скептическая, ядовитая ухмылка.

— Ох, и спать же я буду... как убитая! — сказала девушка, прощаясь с Владимиром, который устраивался спать прямо на улице, вместе с Тымнэро, на покрытых оленьими шкурами нартах.

— Спокойной ночи, Нояно, — тихо ответил Журба. — Усни без дум. Ты так устала.

А на небе светило неунынное солнце, пригревая летнюю тундру теплыми, мягкими лучами. Неугомонные птички кричали на разные голоса, порой усаживаясь совсем близко от уснувшего стойбища. В ярангах лениво ворчали сонные собаки. От пригретых покрывшек яранг пахло дымом, дубленой кожей.

6

Гэмаль, сидя в кабинете секретаря райкома, рассказывал Ковалеву о строительстве в январской тундре. Сергей Яковлевич внимательно вслушивался в неторопливую речь нового заведующего райзо, делая пометки в своем блокноте.

— Подготовительные работы проведены и в самом Январе и в тундре, в районе междуречья. Теперь я хочу ска-

зять о самом главном: что побудило меня приехать в район. — Гэмаль помолчал, как бы еще раз взвешивая соображения, а которых так много последнее время думал.

— Не можем мы, Сергей Яковлевич, в это лето до зимы начинать строительство сразу в трех местах тундры. Не можем, — скупо подчеркнул Гэмаль, проверяя по лицу Ковалева, какое впечатление произвели на него эти слова. Лицо у секретаря было как всегда, и только в глазах появилось выражение серьезного любопытства.

— Почему не можем? — поставил вопрос Гэмаль и тут же стал отвечать на него. — Первое. Чтобы не испортить хорошее дело, чтобы всем оленеводам показать, насколько лучше станет их жизнь после того, как они с ярангами расстанутся, надо прежде всего выстроить очень хороший поселок в районе междуречья. Все, до самой последней мелочи, должно быть в этом поселке закончено до зимы. Люди с разных сторон приезжать будут, смотреть будут. Надо, чтобы такой поселок снился им; надо, чтобы у них никаких недоумений не возникло: а почему в домах не совсем тепло, почему из под-двери дует, почему печь дымит, почему ветром крышу срывает?... Иногда так получается, что и от хорошего дела люди, как зайцы от охотника, в стороны разбегаются, потому что руководители не доводят это дело до конца.

— Верно, Гэмаль. Это большое зло, с ним надо беспощадно бороться, — согласился Ковалев.

— Второе, — продолжал Гэмаль. — В Янрайский сельсовет помощь для строительства прибыла. Хорошие мастера, хорошо знающие свое дело, уже прибыли. Сначала мы так думали: у этих плотников, столяров, печников одно дело — построить дома, и все. А потом решили: нет, у них есть и другое важное дело — за короткий срок хотя бы нескольких колхозников своему ремеслу научить. Много еще предстоит строить и строить. Не всякий год им можно будет такую большую помощь присылать. И вот я на свою ответственность такое дело провел: отобрал среди охотников и оленеводов подходящих людей, возле мастеров их поставил — одним словом, строительные школы организовал в районе междуречья и в Янрае. Сначала Айгинто спорил со мной. Ему показалось, что из-за этой учебы строительство замедлится. Но потом со мной согласился. Из русских, присланных туда для помощи, тоже сначала не все со мной соглашались. Но мне сильно помог Степан Николаевич Фомичев. Помните, бородач такой. Сейчас он у нас в тундре главный учитель по столярному делу. А в Янрае Митенко всему учит: и плотницкому, и столярному ремеслу, и как печи делать, и как окна стеклить. Главный инструктор!

— Этот может, этот все может, — улыбнулся Сергей Яковлевич, — мастер на все руки.

— Председатель илирнейского колхоза тоже решил человек двадцать колхозников в Янрай на учебу прислать. Учиться станут и заодно янрайцам помогут.

Секретарь оживился. Было видно, что слова заведующего райзо ему нравились.

— Третье. Мало хороший поселок построить. Надо, чтобы оседлая жизнь не повредила оленеводству. Я привез вам подробный доклад ветеринарного врача Нояно. На мой взгляд, очень ценный доклад. Она хорошо изучила пастбища в районе междуречья и нашла в них много недостатков, которые могут повредить выпасу оленей. Нояно

доказала, что летне-зеленые и зимне-зеленые пастбища недостаточно хороши. Она предлагает улучшить их, и вот как: на этой территории много неглубоких, но обширных озер, воду из них совсем легко в реку спустить. Когда вода сойдет, нужно сразу же площади бывших озер семенами специальных трав засеять. Вот тут в докладе она называет эти травы — канареечник и мятлик болотный. Нояно с заведующим Красной ярангой Журбой уже целую армию ребят на сбор семян организовали. В коральных местах она предлагает скосить траву. Вырастет отава, ее покроет снег, и таким образом у оленей хотя бы в коральных местах будет молодой зеленый корм и зимой. Одних ягельников, вы сами знаете, недостаточно для оленей... Вот тут Нояно с Журбой целую карту-план составили, с чего начинать работу...

Гэмаль вытащил из планшетки карту, расстелил на столе.

— Да, это наш золотой фонд, Гэмаль, такие люди, как Нояно и Журба, — сказал Сергей Яковлевич, всматриваясь в карту. — Предложения действительно очень ценные.

— Четвертое, — продолжал Гэмаль после того, как секретарь внимательно рассмотрел карту. — Когда я осматривал другие места, где мы строительство наметили на это лето, многие оленеводы говорили такое, над чем нельзя не задуматься. Пастбища там требуют полной перекочевки бригады, хотя бы один раз в год. Иначе пастухам придется пасти стадо очень далеко от своего поселка. Необходимы, значит, разборные дома, которые можно будет с места на место передвигать.

— Думал я над этим, — отозвался Ковалев. — Особенно такие дома нам будут необходимы в других сельсоветах, где пастбища не так удобны, как в янрайской тундре. И остановился я пока вот на чем: нужно привлечь инженеров Дальстроя для разработки проекта такого домика.

— И еще хорошо бы написать об этом в Москву, — подхватил Гэмаль. — Север у нас большой, не одна Чукотка. Оленеводство по всему северу имеется. Таких домов очень много потребует. Я уверен, что правительство нам поможет.

— Поможет! Но сначала напишем в округ, в край.

— Вот все, Сергей Яковлевич, что я хотел сказать. Правда, еще второстепенные вопросы имеются: хотел попросить райторгконтору поругать — до сих пор многих материалов, которые обещала для строительства, не выдала. И потом еще срочно старшину для катера найти надо. Полярная станция дает катер, механик есть — наш замечательный моторист Пытто, — а вот старшины нет... Я писал вам уже об этом. Правда, Пытто страшно увлекся плотницким делом и, видимо, обидится, когда узнает, что за мотор ему сесть придется, да ничего не поделаешь...

Ковалев вышел из-за стола, походил по кабинету.

— Хорошо, Гэмаль. Все то, что ты сказал, очень важно, — остановился он напротив заведующего райзо. — А теперь я хочу тебе один вопрос задать.

Гэмаль насторожился.

— Скажи мне, что ты думаешь о Савельеве?

— Что я о Савельеве думаю? — переспросил Гэмаль. — Трудно это объяснить... Работал он хорошо, никого не обманывал, порядок всегда был, как будто с населением жил дружно... А вот полюбить его, как, допустим, люблю Ми-

тенко, я не мог. И потом еще там, в Янрае, эта дружба его с Эчилином...

— А вот что тебе в их дружбе главным образом не нравилось?

— Да как сказать... — замялся Гэмаль. — То не нравится, что Савельев дружбу свою с Эчилином не хотел всем показывать, прятал зачем-то дружбу эту, тайлся...

— Так, так... тайлся, значит, — задумчиво промолвил секретарь. — Ну хорошо, Гэмаль, занимайся своими хлопотами, а я обещаю помочь тебе. Вот сейчас поговорю со старшиной катера Васильевым, он, кажется, ждет уже.

Гэмаль вышел, и тут же на пороге показался Васильев. Ковалев встал ему навстречу.

— Ну как, Иван Васильевич, супруга поживает, как дети твои?

— Спасибо, Сергей Яковлевич, все хорошо, — смял в своих руках фуражку Васильев.

— Значит, попрежнему дружба и мир. Это хорошо, садись, пожалуйста. Помнишь наш разговор, когда нас на катере с тобой во льдах затерло?

— А как же, Сергей Яковлевич, помню, хорошо помню. Жена до сих пор мне, чуть не ладно, о разговоре этом напоминает.

— А как ты думаешь, она обидится на нас с тобой, если я предложу тебе до зимы в январском сельсовете на катере поработать?

— В январском сельсовете на катере поработать? — переспросил Васильев.

— Да, на строительстве поселка поработать прошу тебя. Катер полярная станция дает, механик есть: январский колхозник Пытто, прекрасный мужик, а вот старшины нету.

— Если начальство мое позволит, я с удовольствием, — с готовностью отозвался Васильев. — Ну, а насчет жены так скажу — без местного инцидента, видимо, не обойдется. Но она у меня хорошая, добрая, скоро отойдет. Зато как встречать будет!

— Ну что ж, Иван Васильевич, я очень рад, что мы с тобой так быстро договорились, — улыбнулся Ковалев, подымаясь из-за стола.

...Минут через двадцать после Васильева из кабинета секретаря вышел Савельев. Решительный и мрачный, он направился в управление районной торговой конторы, чтобы немедленно устранить все неполадки, которые были допущены в снабжении январского строительства, необходимыми материалами.

— Чорт бы его побрал, Караулина этого, — ругался Савельев. — Взвалит на мои плечи все дела, а сам по району разъезжает. Но ничего, сейчас я устрою такой переполох, что эти проклятые январцы мигом все свое получат.

Через час Савельев уже докладывал секретарю о срочных мерах, предпринятых им для ликвидации неурядиц со снабжением строительства.

— Хорошо, будем надеяться, что все будет так, как вы говорите, — ответил секретарь.

У Савельева отлегло от сердца.

А в это время лейтенант госбезопасности стоял перед начальником Карвукского районного отделения МГБ.

— Связь Савельева с бывшим кулаком Эчилином вполне очевидна, — докладывал лейтенант. — Взаимоотношения его с бухгалтером райторгконторы Шельбицким

тоже, по-моему, требуют нашего пристального внимания. Главное здесь то, что на людях они почти никогда не разговаривают, всячески подчеркивают свою антипатию друг к другу, но это не мешает им встречаться наедине и всегда — тайно.

Начальник встал.

— Изучать, изучать все до последней мелочи, что за связь у Савельева с Шельбицким!

7

Вельбот с трудом тащил против течения плот из бревен и досок. Журба с шестом в руках помогал январцам вести плот.

Когда вышли в ровное глубокое русло, Рульгын и Тымнэро спрыгнули на берег и побежали рядом с вельботом. Проходили километр за километром, а юноши все бежали. Нотат дернул за рукав Тиркина, показал на бегунов.

— Не забывают молодые старый обычай. Когда-то я тоже, как олень, бегал, по сорок километров бегал...

— Зачем хорошие обычаи забывать? — отозвался Тиркин. — Ловкость всегда нужна, сила всегда нужна.

Прошел еще час, бегуны не останавливались. Владимир, которому казалось, что он в жизни чукчей знает решительно все, начинал удивляться.

— Марафонский бег! Ведь это же марафонский бег! Наверное, тут не однажды ставились мировые рекорды по бегу, только никто об этом не знает.

Рядом с Владимиром сидел Эттын. Он с завистью смотрел на бегунов, прикрыв свою деревянную ногу пустым мешком. Ему казалось, что если бы он не потерял ногу, то сейчас обогнал бы и Рульгына и Тымнэро. Но мгновенная вспышка тоски постепенно растаяла от во-время пришедшей в голову мысли, что теперь и он, Эттын, один из уважаемых людей колхоза — счетовод!

И это было действительно так. Счетовод пользовался большим авторитетом у председателя Айгинто, у членов правления и у бригадиров. Все знали строгость Эттына, когда дело касалось колхозных денег, его исключительную точность в учете трудовой. Сейчас Эттын ехал в район строительства, чтобы лично убедиться, как используются материалы, на которые колхоз тратит немалые деньги.

— Эй вы, бегуны! Напрасно стараетесь! Все равно трудовни за это не начислю! — весело крикнул он, поставив руки рупором. В ответ послышался смех. Тымнэро и Рульгын, запрокинув головы, продолжали бежать, перепрыгивая через камни и кочки.

Пробежав около тридцати километров, бегуны остановились, но не по своему желанию: они услышали, как вдруг заглох мотор. Как молодой моторист ни пытался пустить мотор в ход, ничего не получалось.

Тогда январцы решили довести плот до района между речья на себе. На плоту у руля предложили остаться Эттыну. Но юноша категорически отказался.

— Пойми, тебе и здесь не так легко будет! — доказывал сыну Тиркин. — Шестом работать придется!

Но Эттын настоял на своем и впрягся вместе со всеми в одну из петель на длинном ремне, идущем с плота на берег. На плоту оставили Нотата. Рульгын и Тымнэро тоже пошли в упряжке; за ними шел Владимир.

...Строители поселка ждали плот с возрастающим нетерпением.

Шумно и людно было в районе междуречья. Рядом с ярангами и палатками выросли срубы десяти домов. На трех из них уже стояли стропила. Более полсотни людей занимались каждый своим делом. Стучали топоры, визжали пилы, разбрызгивали искры точила.

Степан Николаевич Фомичев, по просьбе Гэмаля, постоянно заботился о том, чтобы прикрепленные оленеводы не просто были заняты на подсобной работе, а выполняли самые сложные задания.

— Мудро решил товарищ Гэмаль, далеко глаза его видят, — триговаривал Фомичев, радуясь малейшему успеху начинающих столяров и плотников.

...Тяжелые дождевые тучи закрыли солнце. Фомичев осмотрелся, досадливо почесал затылок. Он не заметил, как к нему подошел вездесущий Воопка.

— Дождь! Будет дождь! — тынул пальцем вверх Воопка.

— Да, наверное, будет дождь, — согласился Фомичев и вдруг напустился на Воопку:

— Почему не спишь? С ума сошел мужик, вторые сутки на ногах. Скоро плот прибывает, у нас с тобой горячая работа начнется. Спать иди. Отдыхай.

— Не качу спать, — широко улыбнулся Воопка. — Солнце не спит, и я не спит. Некогда спит.

— Что некогда, то некогда, это верно. Здешные места я хорошо знаю: упадет снег на голову — тут тебе и прощай лето. Торопиться надо. — Глянув на Воопку, Фомичев добавил: — Ну что ж, пойдем, дружище, раз сон тебя не берет, займемся дверьми для домов.

Среди своих учеников Фомичев быстро выделил маленького шустрого Воопку. В руках этого пастуха казался послушным любой инструмент. Воопка понимал Фомичева с полуслова. Проникнутые друг к другу симпатией, они не разлучались на строительстве ни на час.

— Плохая дверь может замечательный дом никудышным сделать, — принялся за свои объяснения Фомичев, нисколько не сомневаясь, что Воопка поймет его, хотя тот почти совсем не говорил по-русски. — Перекосит ее туда-сюда, и тогда, хоть лопни, никак не прикроешь. В щели ветер подует, и как ты дом ни топи — не удержишь тепло.

— Дверь карашо надо! — согласился Воопка и плотно прижал одну руку к другой руке.

— Вот-вот, надо, чтобы плотно было, — понял Фомичев жест своего приятеля. — Бери угольник, отмеряй здесь, как я показывал.

Воопка взял угольник, карандаш, постоял с глубокомысленным выражением в лице и точно выполнил задание.

— Прекрасно, бери теперь вон ту, лучковую, и отпили по мерке, только смотри — точно. А я другим делом займусь.

Минуту понаблюдав за работой Воопки, Фомичев принялся налаживать фуганок.

— То, что ты не мастеровым, а пастухом работаешь, просто недоразумение, — приговаривал он. — У тебя золотые руки на столярное ремесло. Тебе краснодеревщиком бы работать!

— Карашо, очен карашо! — отозвался Воопка и поднес к прищуренному глазу пилу с видом заправского столяра, проверяя ее развод.

— Плот прибыл! На себе плот январцы притащили! — вдруг послышался чей-то густой, басовитый голос.

— Вот это дело! — обрадовался Фомичев. — Там у нас с тобой, приятель, материал для продконников должен быть.

И русские и чукчи выбежали на берег, Фомичев и Мэвэт распоряжались выгрузкой. Впряженные по три-четыре пары в нарту, грузовые олени, погоняемые пастухами, тащили бревна от берега к месту строительства прямо по земле.

Усталые после тяжелого труда, январцы сидели чуть в стороне. Эттын поправлял ремни от протеза на стертой до крови ноге и, стараясь согнать с лица болезненное выражение, встал, чтобы сдать бригадирам строительных бригад наиболее ценные грузы. Тиркин тяжело вздохнул и тихо промолвил:

— Не думал, что у сына моего столько силы!

В районе строительства оказался и шаман Тэкыль. Он медленно бродил по строящемуся поселку, задирая кверху голову, о чем-то беззвучно шептал тонкими, синими губами. Пояс его был увешан совиными головами. Сзади летало два огромных совиных крыла. Русские поглядывали на Тэкыля с любопытством, а чукчи, казалось, не замечали его. Захваченные своей деловой суетой, они иногда невзначай толкали шамана, шли дальше. Шаман потоптался, потоптался среди плотников и, заметив большую группу людей, суетившуюся в распадке между гор у обширного озера, направился к ним. Не успел он дойти до озера, как раздалось сразу несколько небольших взрывов. Вода из озера хлынула через взорванную перемычку вниз, под гору. Послышались громкие ликующие возгласы. Шаман в ужасе поднял руки; отойдя в сторону, разжег костер и, присев на корточки, застыл в неподвижности. Его подслеповатые глаза с ненавистью смотрели на строящийся поселок. Плюнув в потухающий костер, Тэкыль встал и, бормоча бессвязные проклятия, ушел в горы.

Не успел прибыть в район междуречья один плот, как из Января, буксиремый катером, направился второй. Катер вел старшина Васильев, прислушиваясь к ровному рокоту мотора. Пытто решил вылезть из машинного отделения наверх, покурить, подышать свежим воздухом. Дверь в рубку была открыта. Пытто встал рядом с Васильевым.

Залитая солнечным блеском река шла ровной, словно убранной в золото дорогой. Густой кустарник зеленой стеной тянулся по берегам. Утки, гуси и лебеди вылетали на светлую речную дорогу и, пугаемые рокотом мотора, исчезали где-то в нежной дымке, тянувшейся по тундре мягкими, словно расчесанными гребнем, полосами. Ветер гнал с неба тучи за синюю стену Анадырского хребта. На западе шел косой дождь, пронизанный сквозь проталины черных туч лучами солнца.

— Дождь и солнце, и ночь и день — все сразу! — улыбнулся Васильев, осматриваясь вокруг. — Однако разгонит тучи, хороший день завтра будет.

— Хотя и дождь пойдет, все равно день наш хороший будет, — задумчиво отозвался Пытто.

Васильев сбоку посмотрел на него и согласился:

— Да, ты правильно сказал. Спасибо Ковалеву, что меня снарядил к вам. Я люблю быть с вашим народом и сейчас чувствую себя так, словно на праздник сюда приехал...

А золотая дорога реки все шла и шла мимо сопок. Все новые и новые стаи испуганных птиц отлашала тундру разноголосными криками.

— Смотри, кто-то на байдаре слева! — воскликнул Васильев. — Женщины плывут... Зови к нам.

Пытто сложил руки рупором и закричал, чтобы байдара подошла к катеру. Вскоре он узнал жену Чымнэ и ее сестру. Лица у них были напряжены, испуганы.

— Скорей, скорей, — просила Аймынэ, цепляясь за катер руками. — Мы убежали от Чымнэ!

Пытто быстро перевел Васильеву слова Аймынэ, помог ее сестре забраться на катер.

Аймынэ приложила смуглые руки жозырьком ко лбу, тревожно всматриваясь куда-то в сторону левого берега.

— Все!.. Теперь они нас не догонят! — облегченно вздохнула девушка и крепко прижала к себе сестру, в заплаканных глазах которой застыл страх.

Катер снова двинулся вверх по реке. Аймынэ, крепко ухватившись руками за поручни, смотрела туда, где должны были показаться дома.

Катер продолжал рассекать речную гладь. Аймынэ чувствовала, что на нее стремительно надвигается счастливая, новая жизнь, от которой с таким упорством, так долго отрывал ее злобный человек Чымнэ.

Катер причалил к берегу. Среди многих людей на берегу Аймынэ сразу увидела своего Тымнэро. Она побежала к нему задыхаясь. Вот они уже почти рядом. Руки их жадно потянулись друг к другу.

— Где дом, в котором мы будем жить с тобою?

— Вот он, и твой и мой очаг, — показал Тымнэро широким, радостным жестом на ближайший дом.

8

Стараясь никому не попадаться на глаза, Шельбицкий после работы вышел из поселка с охотничьим ружьем и сеткой для дичи. Ему везло: на пути его не попался ни один охотник.

Подстрелив две утки, Шельбицкий направился к заброшенной охотничьей избушке, где должен был дожидаться Савельева.

Настроение у бухгалтера было не из веселых. Завалившись в землянке на грязные полуразрушенные нары, он тяжело задумался. В памяти всплыли картины далекого детства. Вот он, замкнутый, щупленький, обходит стороной шумную ватагу детей, тщательно оберегая свой костюм от того, чтобы не прицелились к нему колючки кустарника. Но сверстники его замечают. «Эй, чистюля! Балоши дома забыл! — кричат они ему. — Насморк получишь!» А вот он уже юноша. Впереди него идет красивый, с кудрявой головой, одноклассник, комсомолец Петя. Из кармана Пети вываливается червонец. Шельбицкий чувствует, как кровь хлынула ему в лицо. Воровато оглянувшись, он наступил на червонец, а потом быстро поднял его, сунул в свой карман. Совсем неожиданно Петя повернулся и с презрительной усмешкой спросил:

— Интересно, что ты купишь себе на этот червонец? Или, быть может, положишь его в копилку?

Смех одноклассников оглушил Шельбицкого. Это было первое его публичное поражение, хотя подлость была уже далеко не первой.

— О, я запомнил их! На всю жизнь запомнил! — прошептал Шельбицкий, как бы снова ощущая стыд и беспомощную ярость, которую испытал в тот момент. — Теперь вы не схватите меня за руку, нет! Не такой я простачок, чтобы позволить вам это!

И тут Шельбицкий поймал себя на том, что именно этого он больше всего и боится.

— Не удастся?.. а почему ты думаешь, что не удастся? — тихо спросил он себя, блуждая тоскливым взглядом по закопченным стенам землянки. — Не пора ли тебе хотя бы с самим собой поговорить откровенно?

Закурив папиросу, Шельбицкий закрыл глаза.

«Ну да... ты, в конце концов, думал, что... Савельев окажется прав. Ты надеялся, что советский строй все же развалится, что сюда придут почти без боя американцы. Ты думал, что твоим тревогам скоро наступит конец и ты будешь вознагражден по заслугам. Но где этот конец, я тебя спрашиваю? Теперь тебе ясно, что американцы сюда без боя не придут, да и начнут ли они бой? Хватит ли у них пороху? А если начнут, то не кончится ли этот бой для них тем, чем кончился он для Гитлера? Ну-с, что ты скажешь?»

Шельбицкий встал, попытался пройти по землянке. Больно стукнувшись головой о балку низкого потолка, он злобно сплюнул, потер рукой зашибленное место, снова с убитым, мрачным видом уселся...

«А все же, почему все это так получилось? Как засосало меня в трясину? Ну, хорошо — они меня обижали, смеялись надо мной, хотели по-своему жизнь мою переделать, но жить-то они мне давали! Да у меня и мысли никогда не было выступать против их строя... Да я сначала и не думал, что их можно победить, пока не встретил этого страшного человека. Пауэ! Удав! Он проглотил меня, он... Но почему меня, именно меня проглотил, а не кого-нибудь другого?»

— Вот что сейчас делать? — с отчаяньем вслух спросил бухгалтер. И вдруг услышал ответ:

— Выполнять мои приказы!

Шельбицкий вскочил с нар, опять больно зашиб голову. На пороге землянки стоял Савельев.

Минуту они молча смотрели друг другу в глаза, затем Савельев прошел в землянку, поставил в угол ружье, бросил туда же убитого гуся.

— Ну и время наступило: проклятое солнце светит круглые сутки, и спрятаться негде...

— А долго мы еще вот так прятаться будем? — изо всех сил пытаюсь взять себя в руки, спросил Шельбицкий.

— У вас, кажется, начинается приступ истерии? — презрительно усмехнулся Савельев. — А я думал, что уже сумел вас вылечить от этой скверной болезни...

Шельбицкий промолчал, разминая в дрожащих пальцах папиросу. Савельев закурил трубку. Крепко затянувшись несколько раз подряд, он выглянул на улицу, а затем с силой захлопнул дверь.

— Вот что, долго нам находиться в нашем очаровательном уединении, как вы понимаете, небезопасно. Приступим к делу. Сядьте.

Шельбицкий смял в руках горящую папиросу, швырнул ее в угол и только после этого уселся.

— Заметил я, что вы за последнее время, как говорят, развинтились, — после долгой паузы начал Савельев. — Так вот я и назначил вам эту встречу, чтобы завинтить вас. Знайте, что работа наша не кончается, а как раз наоборот — только по-настоящему начинается. Оттуда, из-за пролива, по радио нам приказывают действовать решительно и эффективно. А вы, тот, над которым я столько работал, столько потратил сил, — начинаете пасовать, пытаетесь отступить. Так, что ли?

Шельбицкий отпустил голову, крепко обхватил руками свои острые колени.

— Но куда, куда вам отступить? — вдруг изменил свой тон Савельев. Голос его стал взволнованным, убеждающим. — Вам некуда отступить — позади только могила. А впереди... впереди жизнь настоящего делового человека! Богатство, власть, почет!

— А, оставьте, — с гримасой досады отмахнулся Шельбицкий. — Все это я уже слышал. Впереди... бог его знает, что у нас с вами впереди.

— Ах, вот как! — Савельев поставил ногу на нары, облокотился о колено. — Я вижу, вы просто соскучились по настоящему делу... так сказать, кровь у вас застоялась. Так вот, слушайте мой приказ. — Савельев помолчал, внимательно изучая лицо Шельбицкого. — Как вам известно, Советский Союз вступил в войну с Японией. Дипломаты наши по этому поводу выражают свою «глубокую благодарность» верному языčníку — Советской России. А у нас, военных, другой язык с Советской Россией. Мне из-за пролива приказано организовать ряд диверсий. Мне приказано действовать решительно.

Чувствуя, как начинают дрожать его колени, Шельбицкий как-то весь сжался, крепко ухватившись руками за нары.

— Вы должны будете в течение этой недели поджечь дальстроевский склад с горючим. Да, да, именно вы. Сядьтс! — приказал Савельев привставшему Шельбицкому. — Я должен воспитать в вас смелость и решительность, укрепить ваши нервы, а самое главное — уничтожить мой подозрения, что вы становитесь для меня опасным человеком. А от этого зависит ваше благополучное пребывание на земном мире...

Шельбицкий закрыл лицо руками, чувствуя, как внутри у него что-то расслабилось, вызывая тошноту.

— Итак, слушайте мой план, по которому вы должны будете действовать...

Шельбицкий попрежнему сидел неподвижно, с закрытым лицом.

— Ну, так что, вы будете слушать, или?..

Шельбицкий оторвал руки от лица.

— Я думаю, мне совсем лишнее прибегать вот к такому аргументу! — Савельев вытащил из кармана кольт, подбросил его, как игрушку, на руке. — Теперь вы, конечно, догадываетесь, почему я, кроме всех прочих соображений, выбрал для нашей встречи именно эту игрушку...

Шельбицкий спорбился и, глядя на Савельева исподлобья тяжелым взглядом, едва слышно прошептал:

— Я слушаю...

Савельев лично доставил большую партию грузов в район строительства тундрового поселка. Он с удовольствием отметил, что оперативность его многим понравилась. Встретившийся в Янрае Караулин подробно расспросил у него о выговоре секретаря райкома в адрес районной торговой конторы, горячо поблагодарил своего заместителя за разворотливость.

В районе междуречья Савельев пробыл несколько часов. Покрутившись среди строителей, он внимательно проследил взглядом извилистую линию тракторного пути, огивавшую горную цепь. Там, за этими сопками, дальстроевцы начали разработку угольных копей. Савельев это уже знал.

Где-то вдали тарыхтел трактор. Савельев прислушался и медленно, вразвалку, зашел за небольшую гряду холмов, затем начал подыматься по глубокому распаду на ближайшую сопку.

Все выше и выше подымался Савельев. Остановившись на краю ущелья, он принялся осматривать окрестности района междуречья, порой занося что-то в записную книжку.

Позади послышались шаги.

Савельев быстро обернулся и увидел Эчилина.

В лице Эчилина была острая тревога. Остановившись шагах в трех от Савельева, он вытер малахаем красное лицо и прохрипел:

— Беда пришла! Бежать надо!

Савельев как-то весь подобрался, рука полезла в карман.

— Сказать тебе боялся, — не в силах отдышаться, продолжал Эчилин. — Бумаги, которые ты вчера в Янрае для бухгалтера передал, у меня кто-то украл...

— Что? — Савельев стремительно шагнул к Эчилину.

— Искал я их! Много искал! Думал, что потерял где... Нет! украл их кто-то!

— Почему ты так думаешь? Расскажи! — быстро спросил Савельев, становясь так, чтобы Эчилин очутился между ним и ущельем.

— Слушай! — хрипловатым голосом воскликнул Эчилин, со страхом поглядывая на распад, по которому только что подымался кверху. — Там... катер пришел, а на катере военные люди... Слышу, меня спрашивают... Тогда я в кусты... к реке бросился. Потом сюда, по следам твоим...

— Хватит! — оборвал Савельев. Лицо его показалось Эчилину таким чужим, таким страшным, что он попятился и с опаской оглянулся на ущелье.

— Бежим! Скорее бежим!.. По тем бумагам они, конечно, и о тебе догадаются!

«Если не расскажешь, — не догадаются!» — подумал Савельев, сжав в кармане револьвер.

— Бежим! — уже с отчаянием призывал Эчилин. — Если они поймут меня, — спрашивать будут, все спрашивать...

Эчилин осекся, заметив в руке Савельева кольт. Еще не веря тому тревожному чувству, которое сдавило ему грудь, он изумленно смотрел в холодное, ничего не выражающее лицо Савельева и все силился улыбнуться. Оглянувшись назад, он увидел черный мрак пропасти, хотел отойти. Савельев как бы в раздумье поднял револьвер, заглянул ему в дуло.

«Как это, что это?» — хотел спросить Эчилин, но горло у него перехватило. И вдруг он хищно изогнулся, схватился за нож. Отхлынувшая на мгновение кровь снова ударила ему в голову. Он всем существом своим уже с другой стороны ощутил смертельную опасность, и ему некогда было думать, как и почему все это произошло.

— Оставь нож в покое! — спокойно сказал Савельев, спрятав кольт снова в карман. На лице у него появилась давно знакомая Эчилину широчайшая, благодушная улыбка. И улыбку эту Эчилин воспринял как спасение. Он шумно, всей грудью, передохнул и тихо, счастливо засмеялся...

— Ну, успокоился? — мягко спросил Савельев все с той же улыбкой на добродушном лице. Эчилин вложил нож в чехол и еще раз перевел дыхание.

— А я... такое подумал!

Он быстро, как затравленный зверь, осмотрелся, выбирая путь.

— Скорее туда... за перевал!

Выбрав момент, Савельев с силой ударил Эчилина под подбородок. Эчилин вскрикнул и полетел в пропасть.

...Гибель Эчилина не спасла Савельева. Его схватили в том же горном распадке. Когда его подвели к строящемуся поселку, перед ним, как из-под земли, вырос старик Анкоче. Савельев вздрогнул, увидев глаза старика, которые так долго пугали его своим упорным, испытующим взглядом. «Это он похитил бумаги!» — молнией обожгла догадка. За спиной Анкоче стояла немая, суровая толпа.

— Ну, где дочь моя, Мартин Стэнли? — тихо спросил старик, ткнув посохом в грудь арестованному.

Тишина взорвалась. Толпа разом двинулась вперед.

— Это Стэнли! Тот Мартин Стэнли, который с отцом своим нам жить не давал! — кричали люди.

— О, проклятый! Как он мог таиться?

— У-у-у, волк! Рожденный бешеной волчицей!

— Посол от «союзничков!» — презрительно сквозь зубы процедил плотник Фомичев и силюнул с отвращением.

Когда шпиона увели на катер, Пытто воскликнул:

— Он ребенка моего на руках держал!

— А я-то водку с ним пил! — Иляй с ожесточением постучал себя кулаком по лбу.

— И в моем доме он сидел за столом, — мрачно отзывался Нотат. — Скажу жене, чтобы стол как следует вымыла.

— А я вот эту трубку у него купил! — воскликнул Мэвэт и с яростью швырнул ее в сторону.

Кто-то вспомнил о старике Анкоче.

— Расскажи, как вышло?.. Начальник сказал, что ты много помог.

Анкоче окинул притихшую толпу суровым взглядом и только после этого ответил:

— Давно я шел по следу этого волка. Глаза не верили, а сердце чувало... Бумаги его выкрал... и, однако, вором себя не чувствую.

— Постойте! Не зря он тайлся здесь! Они, эти жадные, вонючие, сюда вернуться опять хотят, как прежде грабить хотят! — закричал маленький Воопка, срывая голос.

Слова его словно бичом хлестнули толпу. Над головами яростно загрохотали кулаки. Толкая друг друга, люди

плотной массой с гневными, воинственными возгласами ринулись к берегу реки, туда, где еще стоял катер.

Загудел мотор. Катер медленно отчалил от берега. Еще с большей яростью закричали люди. Кто-то бросился прямо по кустам вдоль берега. За ним еще и еще. Майна-Воопка схватил увесистый камень.

— Люди! Слушайте меня! — вдруг послышался сильный, властный голос Гэмалая. — Я открываю митинг!..

10

Не успел Караулин прибыть в Кэрвуг, как ему сообщили об аресте Савельева и Шельбицкого. Ошеломленный, он как во сне прошел в свою комнату, сорвал с себя пальто, бросил прямо на пол.

«Как же это, а?.. Я же его в заместители вытаскил... Я же ему, гаду, рекомендацию в партию давать собирался! Американскому шпиону рекомендацию в партию!»

Караулин застонал и вдруг обрушил об пол табуретку. — Простогыля! Идиот! — закричал он.

Схватив пальто, Караулин лихорадочно принялся одеваться, еще толком не зная, что он собирается делать. Минуту он искал фуражку, все вокруг разбрасывая, и, не найдя, выбежал на улицу растрепанный, яростный.

— Да я же его, гада, задушу, собственными руками задушу! Обоих задушу!

Караулин сжал свои могучие кулаки и побежал куда-то по поселку. Ему казалось, что он готов сейчас ринуться в битву на любого врага. Пусть враг будет не один, пусть их будут тысячи, он, Караулин, будет рвать, душить их до тех пор, пока у него останется хоть капелька крови. Ему казалось, что он сейчас готов на самый дикий подвиг, только бы... только бы...

Караулин вдруг остановился перед каким-то недо-строеным домом в самом конце поселка и понял, что не только жажда мести за то, что его обвели вокруг пальца, движет сейчас им, но еще что-то другое, от чего он пытался уйти, отмахнуться, избавиться во что бы то ни стало, хотя бы ценой собственной жизни.

— А, сволочь! Ты боишься предстать перед глазами товарищей? Ты боишься за собственную честь? — задохнулся он, рванув себя за полы расстегнутого пальто. — Где, где она, твоя эта честь? А? Разве в том, что змею пригрел на своей груди?

Караулин как-то сразу обмяк, сгорбился и медленно побрел назад. Люди удивленно смотрели на него, кто-то из женщин бросил в спину презрительно:

— Уже с самого утра водки нажрался! Ну и есть же мужчины!

Сам того не замечая, Караулин остановился перед райкомом партии.

— Ага! Да, да, конечно, правильно... — пробормотал он и вошел в райком.

Ковалев встретил Караулина холодным взглядом.

— Судите меня партийным судом! Я же ему, гаду, рекомендацию в партию давать думал.

Растрепанный, подавленный, Караулин стоял среди кабинета секретаря райкома.

— Будем судить! Будем, Караулин, партийным судом тебя судить!

Не в силах выдержать тяжелого взгляда Ковалева, Караулин повернулся и, еще больше сгорбившись, медленно вышел из кабинета, осторожно прикрыв за собой дверь.

«Там, только там мое спасение, каким бы беспощадным суд ни был», — подумал; он и крепко потер руками мокрый лоб.

...А через сутки Караулин уже во второй раз выходил из кабинета секретаря райкома. Бледный, осунувшийся, он все притрагивался рукой до кармана гимнастерки, в котором всего еще несколько минут назад хранился партийный билет. В кармане было пусто. Пусто было и на душе. Караулин обвел взглядом приемную перед кабинетом секретаря райкома, не в силах себе представить, что он здесь уже лишний. Упав в кресло, он закрыл лицо руками и к своему удивлению понял, что плачет. Страшное желание вбежать в кабинет, раскаться перед товарищами охватило его. Но он понимал, несмотря на всю силу отчаянья, что это бесполезно.

А заседание бюро райкома партии шло своим чередом.

— Скажите, как могло получиться, что мы, районные партийные и советские руководители, признав, что Караулин не справился на посту заведующего райзо, поставили его на такой же ответственный пост директора районной торговой конторы? — спрашивал секретарь райкома. — Не это ли называется самым безответственным, антигосударственным подходом к размещению и воспитанию кадров? На самую простую работу — вот куда надо было поставить Караулина! Пусть бы он запово проделал весь свой путь от рядового до командира, с учетом всех своих ошибок. Тогда и нам легче было бы повести его по верной дороге! Сейчас, когда мы так сурово наказали Караулина, нам нужно пристально посмотреть и на самих себя. Нет! Этот вопрос далеко не исчерпывается тем, что мы исключили из партии Караулина.

— Да, это верно, — бросил реплику председатель райисполкома. А секретарь продолжал:

— Быть может, кто-нибудь из нас скажет, что американский шпион Стэнли втерся в доверие только к близкому Караулину, а мы-де здесь ни при чем, наша хата с краю, что шкурник, жулик, охотник за длинным рублем Шельбицкий не вызывал ни в ком подозрений? Нет! Это неправда! Пусть не во всех подробностях, но в основном мы знали, очень хорошо знали, что из себя представлял Шельбицкий, да только не смогли во-время сделать надлежащих выводов. Ну эгоист, ну индивидуалист, ну жаден, любит сорвать копейку! Что ж поделаешь — водятся еще у нас такие люди, не выбрасывать же их за борт, надо как-то по мере возможности перевоспитывать! Вот та беззубая философия, с которой мы подходили к Шельбицкому. А жизнь настоятельно требует в этом случае совершенно другого анализа, другого подхода! И вот, по-моему, каков этот подход: всякий, даже мелкий жулик, шкурник — это в потенци, быть может, большой политический враг! Именно в гнилых душах Шельбицких, как в питательном бульоне, скорее всего может вырасти отвратительная бактерия измены, предательства! И враг этим пользуется. Так почему мы во-время не рассмотрели, насколько гнила душа у Шельбицкого?

Ковалев помолчал, как бы дожидаясь ответа на свой вопрос.

— Быть может, кто-нибудь из нас скажет, что враг был слишком хитер, слишком тонок, что вообще можно голову потерять, потому что неизвестно, кому верить и кому не верить. Да. Враг хитер и коварен. Однако это не значит, что надо терять голову и никому не верить. Но нельзя путать веру в человека с обывательской простодильской доверчивостью.

Секретарь машинально чуть передвинул на столе чернильный прибор, обвел взглядом членов бюро райкома партии и заговорил снова:

— Я убежден, что как бы тонко подлый враг ни играл, а чуткое сердце советского человека, острый, наблюдательный ум его всегда в состоянии понять, где мишура притворства, игры, а где золото чистой правды. Только чуткость сердца и острота ума никогда, ни на минуту не должны у нас притупляться. Тогда еще глубже мы увидим, а стало быть, еще сильнее полюбим тех, в кого верим, и тогда мы во-время раскусим и выведем на чистую воду тех, в ком чувствуем фальшь. Вот вам блестящий образец человека с острой пронизательностью, неусыпной бдительностью — январский колхозник старик Анкоче. Это он помог нашим органам госбезопасности разоблачить американского шпиона и его выкорышней — Шельбицкого и Эчилина.

Сказать нужно, что мало кто у нас в райкоме, в райисполкоме относился к этому так называемому Савельеву с таким восторгом, как Караулин. Многие из нас видели в нем далеко не то, за что он себя выдавал. И вот тут начинается наше преступление. Да, наше преступление! — подчеркнул секретарь. — Почему ни секретарь райкома партии Ковалев, ни председатель райисполкома Попов, ни многие из нас другие не попытались разобраться, что им не нравится, что их беспокоит в поведении Савельева, Шельбицкого, Эчилина? Почему они простофилю, себялюбца, перегибчика Караулина переставляют с одного места, на котором он не справился, на другое, не менее ответственное, и мало того, — позволяют ему протаскивать подозрительного человека все выше и выше по служебной лестнице? Это наше преступление, и мы должны будем понести за него самое суровое наказание.

А Караулин в это время шел по поселку, не выбирая дороги, ступая прямо в лужи своими огромными резиновыми сапогами. Ему вдруг представилось благодушное, вечно улыбающееся лицо Савельева, и он почувствовал, как от лютой ненависти у него похолодело где-то под сердцем. О, если бы позволили ему сейчас схватить за горло этого человека, как бы он бил по его благодушной физиономии. «Поздно. Надо было раньше хватать гада за горло, а не любоваться его детской улыбкой!» — мелькнуло в голове.

Наткнувшись в темноте на телеграфный столб, Караулин с силой ударил его кулаком. Страшно зашибленная рука беспомощно повисла. Караулин застонал и заплакал, уже не стесняясь своих слез.

11

Снова наступила зима. Январцы и присланные им в помощь строители сдержали свое слово — поселок в районе междуречья к зиме был выстроен. Назвали его оленеводы «Красный дом», по имени самого популярного дома в поселке — избы-читальни.

В один из морозных дней в поселок прибыл секретарь райкома. Бригадир Мэвэт, занимавший с сыном, невесткой и ее сестрой дом рядом с избой-читальней, не знал, как и выказать свое гостеприимство.

— Люди! Пусть у нас сегодня будет праздник дорогого гостя! Пастухи, запрягайте самых лучших бегунов-оленей!

Вскоре на снеговой поляне выстроилось до десятка упряжек. Недавно выпавший снег слепил глаза. Тонко звенели колокольчики, подвешенные снизу к нартам.

Ковалев, улыбаясь одними глазами, наблюдал за праздничной суматохой. На заснеженных крышах появились красные флаги.

Ковалев не возражал против праздника.

— Что ж, — сказал он Мэвэту, — пусть это будет праздник вашего нового очага.

Опыт со строительством тундрового поселка удался полностью. Оленеводы не только январьского, но и соседних сельсоветов приезжали в поселок, названный жителями «Красный дом». С огромным любопытством люди рассматривали внутреннее убранство домов; щупали все руками, заглядывали в каждый угол, проверяли, не дует ли, не потеют ли стены, как это бывает со шкурами полога. В избе-читальне всегда было полно народу. Там Журба проводил свою либбезную работу, а Нояно обучала бригадиров и пастухов ветеринарному делу. Поездка в «Красный дом» для оленеводов была праздником. Теперь уже не рассуждали, хорошо или плохо будет, если в тундре вместо яранг появятся дома, — теперь говорили лишь о том, в каких местах и когда будут еще строить такие поселки.

На третий день к секретарю райкома прискакал из бригады Майна-Воопки пастух и передал письмо от бригадира. Майна-Воопка просил секретаря приехать в стойбище, потому что люди его бригады нашли хорошее место для своего будущего поселка и собираются возить туда на оленях материалы, оставшиеся от строительства в междуречье.

Секретарь выехал на собаках вместе с Журбой. Когда собаки были запряжены, Ковалев предложил Владимиру:

— А ну, полярник, возьми-ка остол, садись каюрить. Посмотрим, как это у тебя получается.

Собаки были крупные, сильные, нарта быстро неслашь по снежному насту. К вечеру путники одолели небольшой перевал, въехали в долину реки. Порой они становились на нарты, внимательно осматривались, жалели, что отпустили пастуха из бригады Майна-Воопки слишком рано.

— Еще, пожалуй, заблудимся, — невесело сказал Ковалев, — судя по тучам, пурга будет.

Журба тревожно осмотрел небо. Из-за темносиних ярусов Анадырского хребта выползали черные языки мохнатых туч.

— Не нравятся мне эти медвежьи лапы над нами, — сказал Ковалев, показывая на тучи. Навстречу подул ветерок, сначала низом, волоча за собой длинные ленты поземки, потом взметнулся, обдал путников снежной пылью.

— Ну-ка, дай мне остол, — сказал Сергей Яковлевич и сел каюрить.

Остановив собак, он ласково погладил каждую по голове, протер рукавицами их заиндевелые морды, почистил лапы, отрывая от них намерзшие шарики снега. Собаки ласково смотрели на каюра, громко лаяли, рвались вперед.

Поправив на передовиках алыки, Ковалев взял в руки остол, крикнул: «Ха!» Упряжка с места рванулась вперед.

— Надо во что бы то ни стало до начала пурги попасть в стойбище, — сказал Ковалев.

Но стойбища в этот день им найти не удалось. Началась пурга. Ковалев и Журба шли пешком, помогая собакам переваливать через сугробы.

Порой Ковалев останавливал собак, отходил от нарты на несколько метров влево, вправо, пытаясь найти правильный путь. Журба крепко держал нарты, чтобы не ушли собаки. Он то и дело прикладывал к залепленному снегом лицу рукавицу, пытаясь защитить его от беспощадного ветра.

Когда собаки выбились из сил, Ковалев под вой метели закричал в самое ухо Владимира:

— Будем искать пристанища!

«Пристанище! — подумал Журба. — Шутка сказать — найти пристанище; поищи его в этом аду».

Остановившиеся собаки мгновенно свернулись в калачик и их тут же засыпало снегом.

Ночь еще не наступила. В белой мгле Журба с трудом различал, что делает Ковалев. Взяв с нарты лопату, он подошел к сугробу и начал копать. Владимир придвинулся вплотную к нему. Яму заносило снегом. Владимир принялся разгребать ее ногами. С большим трудом они докопались до кустарника. «Ага, так это не сугроб, а речной берег», — подумал Владимир. Сергей Яковлевич пытался понять, куда загнуты рекой кусты, чтобы определить направление течения. Владимир тоже принялся ощупывать заснеженный кустарник.

— На речке стоим, сейчас проседем еще немного вверх — может, стойбище найдем, — крикнул Ковалев в лицо Владимиру.

Журба ободрился, принялся тормозить собак.

Собаки с трудом сдвинули нарты. Поднявшись вверх по реке, они остановились снова. Владимиру показалось, что здесь сравнительно тише.

— Удачное место нашлось! — закричал Сергей Яковлевич. — Огромный сугроб! Происходит завихривание, и мы как бы в пустой бочке!

Вскоре Ковалев и Журба принялись копать в снежной стенке сугроба углубление. Лопата была одна. Ковалев откалывал глыбы снега, а Журба складывал их полукругом с наветренной стороны. Они не могли сказать, как долго строили себе укрытие от пурги, но убежище все же было сделано. Когда залепило снегом все дыры, стало возможным зажечь свечу. Потом путники еще дальше подались в снежную стену, сделав отделение для собак и нарты. Журба вытащил из мешка нерпичье мясо, порубил его топором на мелкие куски, принялся кормить собак. Они жадно хватили мясо, сердито ворчали.

— Я вижу, ты уже совсем стал полярным волком! — устало сказал Ковалев, вытирая мокрое лицо концом шарфа.

— Привык, — спокойно, но без достоинства отозвался Журба.

Прежде чем разжечь примус, они выколотили кухлянки от снега, разостлали на полу оленьи шкуры.

Когда чайник вскипел, началось самое приятное — чаепитие.

— Это награда за труд! — и Журба с блаженством охватил горячую кружку руками. — Нелегко соорудить такой дворец в пургу!

— Пастух, наверное, уже давно прискакал в свое стойбище. Волноваться за нас будут, искать поедут, — невесело сказал Ковалев, наливая в свою кружку кипятку.

Секретарь не ошибся: в стойбище Майна-Воопки люди действительно волновались. Бригадир послал пять пастухов на розыски Ковалева и Журбы, сам с остальными пастухами отправился в стадо. В пургу бригадир был особенно бдительным: в такое время чаще всего можно было ждать нападения волков на стадо.

Из мужчин в стойбище остался только один Воопка. В очаге его была большая радость — родилась дочь. Поэтому Майна-Воопка и оставил брата дома.

Вздрагивал от толчков ветра полог. Мигало в лампе пламя. Скрипели налки остова яранги.

— Ой, как дует! — тревожно сказала Кычав и тут же снова склонилась над уснувшей дочерью. Осторожно, чтобы не разбудить своим дыханием малютку, Воопка всматривался в ее крошечное личико. Нежная улыбка не сходила с его лица. Жена его брата Унмынэ, облокотившись о колени, обхватив лицо руками, смотрела на счастливых родителей и их ребенка и тоже улыбалась. В их дружном, мирном очаге, состоявшем из двух семей, появилась новая жизнь, новая радость.

— Спит. Наверное, сон хороший видит... как будто улыбается, — тихо сказал Воопка.

А пурга все дула. Остов яранги трясло еще сильнее.

— Ничего! Скоро в теплом, крепком доме жить станем, — мечтательно промолвил Воопка. — В таком доме Мэвэт сейчас живет. Стен его не раскачает пурга, как качает нашу ярангу. Хорошо в новом доме ребенку будет. Мы ей красивую кровать поставим.

— Возле печки поставим, — живо отозвалась Кычав, — там тепло девочке будет, не простудится. И нашу большую кровать тоже поставим.

— А где наша кровать будет? — спросила Унмынэ. — Или мы перестанем жить одним очагом?

— Что ты, что ты! — замахал руками Воопка. — Мы попрежнему станем жить одним очагом. Мы с братом уже давно договорились об этом.

Унмынэ облегченно вздохнула и тихо сказала:

— Мы с мужем не сможем жить без вас, мы от тоски помрем, если один останемся.

— Нет, нет, вместе, обязательно вместе жить надо, — повторил Воопка. — У нас будет очень хороший дом. Ого! Я сам могу сделать новое жилище. Мой друг Фомичев передал моим рукам свос уменье. Мои руки привычными стали для этой работы.

— А какое имя будет у нашей дочери? — спросила Кычав.

— Давай опять думать, — отозвалась Унмынэ и прибавила огонь в лампе, чтобы лучше видеть крошечное личико девочки. — Это должно быть очень красивое имя...

Проснулся Журба от шума примуса. По часам было уже позднее утро. Снаружи попрежнему доносился в убежище глухой шум пурги.

— Ну, как спалось? — спросил Ковалев, заглядывая в закипающий чайник.

— Хорошо, Сергей Яковлевич, спалось. Снилось, будто я на пляже Черноморского побережья загораю, — пошутил Владимир.

— Вот этому я уж не поверю, — засмеялся Сергей Яковлевич.

— Поверить, верно, трудновато, — согласился Владимир. — Тем более что мне снилось совсем другое, будто я голый валяюсь на холодном полу и все натягиваю на себя какой-то дырявый мешок, чтобы хоть немного согреться.

— Ну, тогда подымайся скорей, сейчас чаем согреемся.

Сняв малахай, Ковалев умылся снегом, тщательно причесался.

— А ты чего нахохлился, как курица? — обратился он к Владимиру. — Встань, умойся, приведи себя в порядок. Если ты хочешь знать, здесь это гораздо необходимее, чем дома: если ты не умоешься дома — ты будешь просто неряха, а если здесь не умоешься — будешь и неряха и тряпка. Вот, брат, как получается!

Журба вскочил на ноги и вдруг почувствовал, как его насквозь пробирает дрожь.

— Двигаться, двигаться! — негромко приказал Ковалев. — Утро меня точно такой же пулеметной дробью встретило.

— Откройте форточки, проветрите помещение, приготовьтесь к гимнастике, — с трудом владея челюстями, пошутил Владимир. — На-чи-най!

И он начал бегать на одном месте, выделывая руками самые замысловатые движения. Когда зубы его, наконец, перестали выбивать дробь, Ковалев предложил:

— Теперь выйди кружку горячего чая, а потом возмешься за свой туалет.

— Нет, нет! Это я сделаю до завтрака! — запротестовал Журба. Захватив полные пригоршни хрустящего снега, он принялся яростно тереть им лицо.

После чая долго играли в шахматы, изготовленные Владимиром из бумаги.

Сергей Яковлевич, умевший разглядеть в человеке его солнечную сторону, вскоре расположил Владимира, чуть-чуть к искренности, на самый задушевный тон. Если Владимир почему-либо смущался, Ковалев смотрел ему прямо в глаза с каким-то особенным выражением, как бы говорившим: «Да, да, понимаю. Я сам испытывал подобное».

О многом рассказал Владимир в тот день вынужденного бездействия: и о своей дружбе с Тымнэро, и о своем искреннем уважении к дремуче-темному и как-то по-своему необыкновенно мудрому старику Ятто, и о своей заветной мечте написать когда-нибудь книгу о чукотском народе, и о серьезном намерении исследовать чукотский фольклор.

А Ковалев внимательно все слушал и слушал, порой одним словом, взглядом, жестом, как сказочным золотым ключиком, раскрывая в своем собеседнике наиболее глубокие тайники.

— А вот о Нояно почему ничего не расскажешь?

Владимир вспыхнул, смущенно посмотрел на Ковалева. Сергей Яковлевич улыбнулся доверительно, дружески. Журба минуту помолчал и ответил:

— О том, что у меня в сердце к Нояно, как-то думается, мечтается очень красиво, а вот рассказать... пожалуй, и не сумею.

— Думается, мечтается очень красиво, — тихо повторил Сергей Яковлевич. — Это ты хорошо сказал. Вот и не выпускай из сердца, пусть там будет...

Оба долго молчали. Журба, перенесенный в своих мечтах к Нояно, не заметил, как изменилось лицо Ковалева.

Никогда, ни с кем не пытался Ковалев поделиться своим горем. Иногда бывало так, что друзья, угадывая, когда накатывалась на него свинцовая волна тоски, пытались отвлечь его от мрачных мыслей, развеселить. И тогда Ковалев становился замкнутым, порой даже раздражительным. Он замечал, что этим обижает своих друзей, и ему становилось еще тяжелее.

И вот сейчас, от того ли, что Владимир только что в разговоре был подкупающе искренним, или от того, что, сумев раскрыть его до самых глубин, Ковалев не мог не раскрыться сам, ему впервые захотелось рассказать, как любил он жену, как страшно трудно теперь ему, когда ее не стало. Ковалев приподнялся над оленьей шкурой, на которой лежал, внимательно всмотрелся в Журбу. И тут печальная и вместе добродушная улыбка появилась на его лице. «Зачем я буду врываться со своей черной, тяжелой тучей в его голубые, солнечные дали... Пусть мечтает», — подумал он и снова улегся на оленью шкуру.

...На третьи сутки пурга, наконец, утихла. Путники пробили лопатой тоннель и выбрались из своей берлоги. От ослепительного света стало невыносимо больно глазам. Плотный прибитый снег горел холодным, радужным огнем густо рассыпанных искр. Журба швырнул рукавицы на снег, с необоримым желанием сгребать искры в пригоршни. Но как только он нагнулся, искры мгновенно потухли. Владимир надел рукавицы, внимательно осмотрелся. Снежные заступы, устремленные в том направлении, куда недавно дул ветер, четко вырисовывались своими круглыми козырьками; козырьки были с такими тонкими и острыми краешками, что о них можно было порезаться. При взгляде на плавные стремительные линии заступов создавалась иллюзия движения. Казалось, что пурга, приняв окаменелые формы, попрежнему совершает свой неудержимый бег.

Чувствуя, что у него закружилась голова, Журба закрыл глаза.

— А вот и стойбище! — рукой показал Ковалев на плоскую вершину невысокой сопки. Заметив изумление Владимира, Сергей Яковлевич добавил: — Не удивляйся, такие вещи здесь случаются. Мне, например, однажды пришлось заночевать в пургу буквально в тридцати метрах от стойбища...

Оленеводы бригады Майна-Воопки встретили Ковалева и Журбу в стойбище с большой радостью.

— А мы вас искали! Долго искали! — закричал Ятто.

— А вы, оказывается, совсем рядом с нами были! — сказал Воопка.

— Скорее идите сюда, в эту ярангу идите! — ухватила Ковалева за рукав кухлянки Унмынэ.

Майна-Воопка, дождавшись, когда, наконец, утихнут люди, крепко пожал руки гостям и сказал:

— Мы рады вам. Идемте в нашу ярангу. В очаге нашем есть еще одна большая радость.

Ковалев и Журба пошли вслед за бригадиром.

Через несколько минут гостям стало ясно, о какой радости говорил бригадир: у Воопки родилась дочь.

— Может, вы придумаете ей счастливое имя? — обратился к гостям отец ребенка, Воопка.

В пологе наступила глубокая тишина. Сергей Яковлевич и Владимир смотрели в пухлое личико спящего ребенка, не зная, что сказать родителям.

— Я назову вам одно имя, — наконец нарушил тишину Ковалев. — Есть такое имя — Галина... Галя. Это очень красивое имя...

— А счастливое ли это имя? — тихо спросила мать ребенка, глядя тревожными глазами на секретаря райкома.

— Человек, носивший это имя, очень хотел счастья людям! — ответил Ковалев.

— Ну что ж, пусть у моей дочери будет имя Галя, — сказала мать, наклоняясь над ребенком.

— Пусть у моей дочери будет имя Галя, — сказал отец и тоже склонился над ребенком.

— Да, пусть будет Галя! — торжественно повторили Майна-Воопка и его жена Унмынэ.

Через час Ковалев с оленеводами бригады Майна-Воопки уже ходил по тем местам, где было намечено строить такой же поселок, как в бригаде Мэвэта.

12

Прожив в стойбище Майна-Воопки два дня, секретарь райкома выехал в соседние пастбищные угодья оленеводов илирнэйского колхоза. Ему надо было изучить возможности строительства в тундре и в илирнэйском колхозе.

Недолгие сумерки утра, тут же перешедшего в вечер, погасли. Наступила ночь. Полная луна ярко освещала пустынные снежные просторы; холодная и надменная, она словно упивалась своей безграничной властью, будто зная, что она, а не солнце нынче владеет здешним небом. На речные долины от гор падали густосиние треугольные тени. Глухой гул лопающегося льда и земли напоминал отдаленную артиллерийскую канонаду. Время от времени то ближе, то дальше завывали голодные волки.

Помахивая машинально на собак кнутом, Ковалев вслушивался в своеобразные звуки тундровой полярной ночи и чувствовал, как он невольно сгибается под свинцовой тяжестью своих дум о жене, о дочери, у которой так рано не стало матери. Тоска, казалось, одолевала его вместе с лютой полярной стужей.

Скрипели и скрипели полозья нарты, мерцали перед глазами тусклыми искрами бескрайнего снега, клубился над заиндевевшими собаками пар. Сквозанный оцепенением, Ковалев был весь погружен в себя. Сознание его обволакивало туманной пеленой дремы.

И вот, не то как воспоминание, не то как повторяющийся сон, он видит, как где-то вдали мчится упряжка

олений и на нарте сидит она... его дорогая подруга. Ковалев силится понять, где и когда он уже это видел, но дрема побеждает его. Нарта маячит и маячит где-то вдали, смутно вырисовывается лицо Галины. Ковалев напрягает зрение, пытается рассмотреть дорожные черты, но лицо жены расплывается, тает в тумане. Ковалев протягивает руки, зовет, а нарта уходит все дальше и дальше. Вот она мелькнула один раз, другой в ночном сумраке, пронизанном холодным светом луны, и скрылась. Звенит тонкий колокольчик нарты, ушедшей в долину ледяного безмолвия.

Вдруг нарта остановилась: это передовая собака запуталась задней ногой в своей упряжи. Сергей Яковлевич вздрогнул; выходя из оцепенения, с большим трудом заставил себя подняться. И только тут он почувствовал насколько замерз.

Распутав собаку, Ковалев стряхнул рукавицей с ее мордочки иней, похлопал по спинам других собак и тронул с места нарту. Ободренные собаки быстро побежали. А рядом с ними бежал Ковалев, стремясь согреться.

— Ну, ну, вперед, вперед, друзья мои! — кричал он собакам. Передовик повизгивал, успевая и оскалить клыки на ленивых собак в упряжке и преданными глазами глянуть на каюра.

Хорошо разогревшись, Ковалев на ходу вскочил на нарту, потряс кнутом. «А что, если бы я так вот мчался на собаках к дому, а там... ждала бы меня Галя, ждала бы маленькая Леночка!..»

— Леночка! — вдруг вслух произнес Сергей Яковлевич, пытаясь представить себе дочь такой, какой она должна была быть сейчас. — Леночка! — уже тише повторил он. И от мысли, что у него есть дочь, к сердцу Сергея Яковлевича подступило что-то необыкновенно теплое и нежное. Он глубоко, всей грудью вдохнул морозный воздух и невольно сделал руками такой жест, как будто уже обнимал ее, свою маленькую Леночку.

«К весне с бабушкой она прилетит на самолете. Ничего... ничего, дружище, — успокаивал он себя, чувствуя, что мучительная спазма сжимает ему горло. — Скоро у тебя все пойдет по-другому. Леночка! Какая она? Ведь скоро ей уже в школу. Сначала дичиться, наверное, будет... Не помнит, не знает своего папу. А потом... потом обязательно мы будем большими друзьями».

Закрыв глаза, Сергей Яковлевич попытался представить себе, как он будет по вечерам читать своей Леночке детские книжки, рассказывать ей сказки, как будет сидеть с ней за букварем, за ее первой школьной тетрадкой.

«И так вот она пойдет и пойдет по своему пути на моих глазах. Какое это, наверное, счастье так вот чутко всматриваться в своего ребенка, угадывать в нем все новое и новое, делать неожиданные открытия; и как это, наверное, удивительно интересно — чувствовать, знать, быть уверенным, что ты осторожно, совсем для него незаметно влияешь на него, направляешь, ведешь за собой».

Бегут и бегут собаки. Скрипят полозья нарты. Ковалев лишь изредка прикрикнет на упряжку, взмахнет кнутом и снова погружается в свои думы.

А там, где путь Ковалева должен был проходить через узкое ущелье, высоко, на седых скалах, с винчестером в руках стоял шаман Тэкыль. Ему удалось узнать, что Ковалев должен был просхать по этому пути к илирнэй-

ским оленьим людям. И вот шаман решил пересечь его путь, встать в скалах и ждать.

«Давно надо было мне пересечь твою тропу, как ты мою пересек», — мысленно обращался он к Ковалеву.

Шаману вдруг вспомнилось, как лет пятнадцать назад он приехал из тундры в Янрай, вошел в ярангу Пытто и впервые увидел его, этого русского. Уже тогда, еще совсем молодым парнем, он посмел меряться силой с ним, с грозным шаманом, одно имя которого на всех наводило трепет. Русский сидел на белых шкурах и держал на руках маленького мальчика — первенца Пытто.

Тэкыль пристально посмотрел в лицо Пытто, его жены Пэпэв, еле заметно кивнул головой в сторону Ковалева, показал глазами на мальчика. Встревоженная Пэпэв почти вырвала мальчика из рук Ковалева. Молодой учитель изумленно посмотрел на хозяев яранги, перевел взгляд на шамана и все понял. Помрачнев, он вышел из яранги. И тут Тэкыль дал себе волю.

— Сын ваш был на руках у русского! — громко сказал он, указывая пальцем на перепуганного плачущего мальчика. — Знайте, что этот день будет днем злого начала в яранге вашей!

Потом, схватив мальчика, Тэкыль обнюхал его лицо, приложил руку к его лбу и вдруг изрек в напряженной тишине:

— О, плохое дело! Совсем плохое! Нужно злую силу из тела вашего сына выгнать, надо злой огонь потушить в нем холодным ветром... раздевайте сына!

Пэпэв, тогда совсем еще молодая, тревожно посмотрела на мужа, нерешительно принялась раздевать мальчика.

Долго держал шаман раздетого ребенка на улице. Пытто, словно его кусали собаки, кружился возле шамана, скрипел зубами.

— Ну, хватит, ребенок совсем замерзнет! Простудится! — наконец не выдержал он.

— Что?! — выкрикнул шаман. — Или ты, человек, у которого совсем еще нет усов, вздумал меня поучать?

Через сутки мальчик метался в огне. Три дня колотил шаман в бубен над ним, а на четвертый день туго обвил его нерпичьими ремнями и подвесил головой вниз к потолку полога.

В это время в ярангу вошел учитель. Увидев висящего вниз головой ребенка, он бросился к нему, быстро отвязал, распутал на нем ремни. Пораженный шаман не мог вымолвить ни слова.

— Не тронь! — наконец закричал он. — Ты смерть вселил в него, ты же и не даешь мне выгнать ее из тела мальчика.

Глаза Ковалева расширились, лицо побледнело.

— Нельзя так ребенка мучать, слышите! — быстро проговорил он, глядя то на шамана, то на родителей мальчика. — У него вся кровь в голову уйдет, умрет мальчик!

— Уходи, русский, отсюда! — еще громче закричал Тэкыль, хватая свой бубен и потрясая им в воздухе. — Ты привез нам, чукчам, большое зло!

И тут Ковалев сделал такое, что на всю жизнь запомнилось шаману. Он схватил его, грозного Тэкыля, за шиворот и, как щенка, выкинул вон из яранги! «Какие сильные руки были у него! Какие страшные глаза были у него!» — вспоминал сейчас шаман.

Так уже тогда Тэкылю пришлось убедиться, что в русском учителе он встретил сильного врага. Правда, ему удалось много попортить крови учителю. Мальчик Пытто все же умер, и шаман многих янрайцев убедил тогда, что виноват в этом русский. Молодой Пытто, обезумевший от горя, даже брался за винчестер, чтобы расправиться с Ковалевым, но кто-то отговорил его.

Много с тех пор продудло ветров, много раз падал, таял и снова падал снег. Ковалев с каждым годом становился сильнее, а вот он, шаман Тэкыль... уже почти совсем потерял свою силу. Сколько злобы накопилось в его груди, а вот дальше своей яранги пустить эту злобу он так и не может. Никакие камлания, никакие заклятия ему не помогают.

Но нет! Он, шаман Тэкыль, превратившийся в птицу, ненавидящую людей, отомстит перед смертью! Сейчас он подымет винчестер, и тогда станет ясно, кто кого победил: он Ковалева или Ковалев его!

Мерцает и мерцает снежная долина тусклыми лунными искрами. Укорачиваются густосиние треугольные тени по мере того, как подымается кверху луна. Тэкыль, нахлывшись от холода, как озябшая птица, терпеливо ждет. От напряжения слезятся его гнойные глаза, трясутся сжимающие винчестер руки.

— Я, ночная птица, сегодня достану до самого сердца врага моего своим острым клювом, — шепчет он синими губами.

И вдруг шаман вздрогнул: он увидел, наконец, черную цепочку собачьей упряжки. Присев, шаман прыгнул раз, другой, отрываясь обеими ногами от скалы, затем закружился на одном месте, вполголоса выкрикивая слова заклятия. Неожиданно успокоившись, он прижался к выступу скалы, медленно поднял винчестер.

Упряжка подходила все ближе и ближе. Вот уже четко вырисовывается фигура человека, сидящего на нарте.

— Да, это он! Я узнаю своего врага! — прошептал Тэкыль.

Руки у шамана тряслись. Мушка плясала, туманились слезящиеся глаза. Передохнув, чтобы унять стук сердца, шаман нажал гашетку. Ночную тишину рассек звук выстрела. Нарта двигалась дальше. Человек сидел на ней как ни в чем не бывало. Лишь быстрее побежали собаки. Задыхаясь, шаман лихорадочно отомкнул замок винчестера. Блеснув на лунном свете, вылетела пустая гильза. Щелкнув замком, Тэкыль снова приложился к винчестеру. Мушка заплясала еще сильнее.

Тщательно целился шаман, с ужасом думая о том, что может промахнуться и на этот раз. И только он хотел нажать гашетку, как нарта скрылась за поворотом. С яростью обрушил он на скалу Тэкыль свой винчестер. Звякнула сталь. Скользя по заиндевелому камню, винчестер полетел вниз, ударяясь о скалы.

Потрясенный, с безумным взглядом, шаман долго стоял на одном месте.

— Даже пуля моя не взяла его! — наконец тихо прошептал он и вдруг почувствовал новый, еще более сильный приступ ярости.

— Камлать! Сейчас буду камлать! Я все равно нашла на него порчу! — закричал он и ловко, несмотря на свою старческую беспомощность, покарабкался куда-то по скалам.

Добравшись до своей яранги, шаман Тэкыль рванул край рэтэма, прикрывавшего вход, и закричал, срывая голос:

— Зажигай костер и убирайся из яранги! Сейчас у меня будет самое большое в жизни камлание!

Жена Тэкыля испуганно вынырнула из полога, быстро разожгла костер и, выйдя из яранги, почти побежала к оленям, бродившим по склону сопки.

Гремя закопченными кастрюлями, Тэкыль нашел медный котелок, налил в него воды, повесил над костром. Отколов топором кусок смерзшейся оленьей крови, он истолок его каменным молотком в лукошке, шпитом из моржовой шкуры, сыпал в котелок.

Костер разгорался. Красные отблески его плясали на заиндевелых шкурах рэтэма яранги. Шаман безмолвно смотрел на костер, порой помешивая в котелке растаявшую кровь. Когда из котелка пошел пар, шаман порывлся в полог и вернулся к костру с небольшим кожаным мешочком. В нем хранились засушенные мухоморы, ядовитые травы, корни. Шаман бросил в котелок всего понемножку и, приговаривая заклятия, начал вдыхать из него пар. Постепенно шаман возбуждался. Движения его становились все резче, тело дергалось, вихлялось, голос его то взвизгивал, то понижался до шопота, в слезящихся глазах светилось безумие. Схватив лежавшую возле костра связку закопченных, тронутых временем деревянных рогулек, он быстро повесил их на цепи, на которой висел котелок. Бросившись к пологу, шаман пошарил за его стенкой, извлек огромную вязанку деревянных идолов, таких же закопченных, как и рогульки. Разрезав ножом ремень, шаман рассыпал идолов у костра, быстро-быстро ощущал их руками. Схватив ложку, зачерпнул содержимое из котелка.

— Сейчас, сейчас я накормлю вас самым злым снадобьем, — бормотал он, поднося ложку к тем местам на идолах, где были намечены рты. — Я пуцую вас во все стороны света, вы найдете его, выдохнете ему в лицо, и тогда сердце его перестанет биться, глаза ослепнут... уши оглохнут.

Все лихорадочнее были движения шамана. Вот он, зачерпнув ложкой из котелка, начал есть сам, размазывая горячую кровь по лицу. Схватив бубен, он ударил в него пластинкой из китового уса и, вскинув его кверху, замер. Закатив глаза под лоб так, что в узких щелях век стали видны только одни белки, он завыл, злобно оскалив черные, гнилые зубы.

— Ооо-о-ого! — тянул он, то повышая, то понижая тон, и, соблюдая монотонный ритм, бил в туго натянутую кожу бубна.

— Га! Ата! Ата! Ата! Га якэй! Якэй! Якэй! — порой восклицал он, стремительно выбрасывая кверху руки.

Плясали языки пламени костра от взмахов бубна, мигали в шатре яранги причудливые тени.

Опьянение от разварившихся в кипящей крови мухомора и ядовитых трав на этот раз пришло к шаману очень скоро. Вихляя тазом, на котором болтались подвешенные к ремню свиные головы и крылья, он скакал вокруг костра, то взвизгивая, то заходясь в истеричном хохоте. Упав на спину, он быстро-быстро засеменял ногами. Тело его сводила судорога, изо рта текла пена.

Но вот шаман затих, затем встал, осмотрелся вокруг. Тэкыль не узнавал, где он, и не понимал, что с ним происходит. Прижав руки к сердцу, он болезненно скрипел, застонал. Но тут же снова схватил бубен, снова забился в припадке кликушества.

Жена Тэкыля, безмолвная, как тень, ходила возле оленей. Порой она останавливалась, чутко прислушиваясь к тому, что происходило в яранге. И только тогда, когда там все стихло, она решилась подойти к входу. Открыв осторожно край рэтэма, она внимательно всмотрелась и вдруг отшатнулась. Ей показалось, что Тэкыль лежит у костра мертвым.

Преодолевая ужас, старуха вошла в ярангу, глянула на котелок над потухающим костром, на мешочек с мухомором и ядовитыми травами и тихо сказала:

— Ушел! Совсем ушел в долину предков. Умер.

13

Пурга настолько плотно прибила снег на пастбищах, что Майна-Воопке пришлось уйти со своим стадом еще глубже в тундру, через перевал, на запасные ягельники. И тут между бригадиром и стариком Ятто вышла крупная ссора. Все в стойбище были угнетены ссорой. Для пастухов это было тем более тяжело, что и Майна-Воопка и старик Ятто в течение многих лет жили, как самые близкие, верные друзья.

Причиной для ссоры послужило то, что бригадир, как и большинство бригады, был намерен кочевать в долину Койныкай, мимо Каменного дьявола. Ятто считал это безумием; по его мнению, колхозному стаду не избежать несчастья, если оно войдет в долину, над которой висит проклятье.

Когда до страшной долины оставалась одна перекочевка, Ятто решил действовать. Порывшись в мешке из нерпичьих шкур, в которых жена его обычно хранила оленьи кости, Ятто нашел оленью лопатку, подсел к костру. Положив кость в костер, он присел на корточки, замер. В ярангу вошел бригадир с братом. Погруженный в свои размышления, Ятто, казалось, не заметил их прихода. Воопка толкнул в бок брата, указал глазами на старика.

— Смотри, гадает.

— Все равно по-своему сделаем, — тихо ответил Майна-Воопка.

Внезапно старик выхватил из костра оленью лопатку, быстро окунул ее в деревянную плошку с водой. Закрыв морщинистыми веками глаза, он застыл в неподвижности, затем осторожно, словно боясь разбить, поднес потрескавшуюся лопатку к глазам и принялся изучать трещины. Братья смотрели на все это с выражением любопытства и тревоги.

— Собирайте сюда народ, — наконец произнес Ятто, — я говорить буду.

— Соберем. Я тоже говорить буду, — спокойно отозвался бригадир, глядя на старика отчужденными глазами. Ятто окинул строгим взглядом высокую фигуру Майна-Воопки и медленно, подчеркивая каждое слово, повторил:

— Скорей собирайте народ, я говорить буду. Я самый старый в стойбище, голова моя самая белая в нашем

стойбище. Меня, а не тебя, Майна-Воопка, народ должен послушаться.

Народ собрался. Молодые пастухи тревожно переговаривались, вопросительно смотрели на своего бригадира, старики с бесстрастным видом курили длинные деревянные трубки.

Ятто, с непокрытой седой головой, не мигая, смотрел на оленью лопатку, лежавшую у него на коленях. Разговоры постепенно стихли.

— Начинаю собрание нашей бригады! — громко сказал Майна-Воопка.

Словно очнувшись от забытья, Ятто уставился ничего непонимающим взглядом в суровое лицо бригадира. Глаза Майна-Воопки были настолько спокойны, невозмутимы, что старик вдруг вспыхнул и сердито спросил:

— Что так смотришь? Не чай пить, а о кочевых путях толковать будем...

Брови Майна-Воопки сдвинулись. Всем показалось, что он вот-вот вспылит и не миновать тогда сильной ссоры. Но бригадир, не повышая тона, стремясь соблюсти почтительность к старику, ответил:

— О кочевых путях толковать нечего, кочевать будем в долину реки Койныкай. Там запасное пастбище нашей бригады. Так правление колхоза еще летом решило. А сейчас поговорим, на какой день назначить кочевье.

Молодежь одобрительно зашумела, старики выжидающе уставились на Ятто. А тот вдруг упал на колени, схватил оленью лопатку и, подняв ее перед своим лицом, заговорил:

— Предки наши счастливый путь кочевья определяли по трещинам на лопатке оленя. Горе тому, кто закон предков забудет. Вспомните, что перед нами долина реки Койныкай. Кому же не известно, что у входа в долину стоит Каменный дьявол? Разве не знаете вы, что у него только оболочка каменная, а внутри он живой? Горе тому, кто мимо Каменного дьявола пройдет. Нет, я не позволю, чтобы стадо погибло, мы не пойдем в долину реки Койныкай. Трещины на лопатке иной путь показывают. Мы пойдем долиной Тиркынай.

— Что? — воскликнул Воопка.

Бригадир дернул брата за рукав и спокойно спросил у пастухов:

— Вы слышали, что Ятто говорит? Он хочет гнать стадо через долину Тиркынай. Но разве олени едят камень? А что, кроме камня, есть в долине Тиркынай?

Пастухи зашумели.

— Не дело говоришь, Ятто, — сказал старый пастух Выльпа. — Через долину Тиркынай нельзя гнать оленей: пока пройдем, олени совсем худыми станут, падать начнут.

— Что ж, по-твоему, мимо Каменного дьявола итти? — возразил бывший бригадир Кумчу.

Поднялся спор.

— Стыдно каменного столба бояться! — запальчиво выкрикнул кто-то из молодых пастухов.

— А ну послушаем, что говорят молодые! — повысил голос Выльпа.

— Пусть себе говорят, что им вздумается, — не уступал Ятто. — Когда надо было, я слушал их, они часто дельное говорят, но сегодня ни молодым, ни старым гово-

рить нечего. Вот кто за нас говорит, — Ятто поднял над головой оленью лопатку.

Уже не забывая о том, понравятся его слова или не понравятся, Майна-Воопка сказал:

— Наше слово вот какое. Сделаем так, как народ на колхозном собрании решил, когда пастбища распределяли. Я тебя, Ятто, уважаю, ты оленей понимаешь. Но бригадир здесь я, а не ты, и я не позволю гнать стадо каменной долиной Тиркынай.

В тоне бригадира было столько решительности и суровости, что пастухи притихли, а Ятто швырнул в костер лопатку, вскочил на ноги и вышел вон из яранги.

— Будет так, как я сказал! — догосса с улицы его голос.

...Майна-Воопка стоял на вершине перевала и смотрел в узкий проход между двух гор, за которыми виднелась обширная долина реки Койныкай. На одной из этих гор, в самом конце прохода, виднелся каменный столб.

— Вот он, Каменный дьявол! Ну, погоди же! — с ненавистью погрозил Майна-Воопка столбу и быстро пошел вниз. У столба бригадир достал из-за пазухи кухлянки трубку, закурил. С глубокими трещинами, местами черный, местами красноватый, каменный столб казался мрачным идолом, созданным руками людей много веков назад. У подножья столба виднелись следы костров шамана Тэжыла.

— Проклятый столб! — тихо промолвил Майна-Воопка. — Сколько лет ты уже стоишь на своем месте, сколько лет пугаешь людей!

Часто затягиваясь, Майна-Воопка быстро докурил трубку, подошел к столбу и с силой стукнул по нему кулаком. Рука заняла от боли. Майна-Воопка снял рукавицу, подул на руку.

И вдруг счастливая мысль пришла ему в голову. Минуту он что-то обдумывал, затем, с видом победителя, обошел несколько раз вокруг столба и пошел домой широким, размашистым шагом человека, знающего, зачем и куда он идет.

В стаде бригадир запрят оленей и уехал к людям, добывающим горячий камень в январской тундре. «Не может быть, чтобы там не поняли меня. Начальник пошлет человека, и он взорвет каменный столб. Они же горы взрывают!» — рассуждал бригадир, нахлестывая своих оленей.

Первый, кого Майна-Воопка увидел в поселке угольщиков, был инженер Спицын, с которым он уже был знаком года три назад. Спицын возглавлял геологическую экспедицию, в которой Майна-Воопка месяц работал проводником.

— Здравствуй! — весело сказал Майна-Воопка, протягивая инженеру руку. Человек с черной бородкой всмотрелся в лицо чукчи и, узнав в нем своего бывшего проводника, приветливо протянул руку.

Спицын куда-то очень торопился, но Майна-Воопка задержал его и стал быстро, путанно объяснять, почему необходимо взорвать Каменного дьявола.

— Что ты, Майна-Воопка! Это мальчишеская забава, не можем мы посылать людей за полсотни километров какой-то каменный столб взрывать. Мало ли их таких каменных столбов в чукотских горах стоит, если их всех взрывать, то...

— Зачем все, не надо все! — волнуясь, перебил его Майна-Воопка. — Надо только этого взорвать, который в долину реки Койныкай оленеводов не пускает.

Спицын махнул рукой и пошел прочь от чукчи, обратившегося к нему с такой странной просьбой. Повернувшись на ходу, он улыбнулся и сказал:

— Ты не сердись на меня, Майна-Воопка, мне некогда... Вечерком заходи ко мне, чайку поьем.

— Не надо мне твоего чаю! — сердито ответил ему Майна-Воопка. — Скажи мне, где парторг живет?

— Парторг? — переспросил Спицын, останавливаясь. — А он вон там, в том домике, под железной крышей, с товарищем Ковалевым разговаривает.

— С Ковалевым разговаривает? — обрадовался Майна-Воопка. — Он здесь?

— Да, к нам приехал, кое-кому по шее уже надавал. Вот мне, например, здорово влетело. Потому так и тороплюсь... Одним словом, некогда мне сейчас. Заходи вечером.

Майна-Воопка бросился в домик с железной крышей. Открыв дверь, он увидел парторга и Ковалева, сидевшего за столом вместе с незнакомым человеком.

— Майна-Воопка! Как ты сюда попал? — удивился Сергей Яковлевич.

Бригадир, забыв поздороваться, начал сбивчиво объяснять, чего он хочет.

— Я обо всем Спицыну хорошо рассказал, но Спицын посмеялся надо мной, — глядя то на Ковалева, то на парторга, говорил Майна-Воопка.

Ковалев с затаенным любопытством ждал, как парторг отнесется к словам оленевода. А парторг, сняв со стула какие-то бумаги, подвинул его чукче. Протянув ему портсигар, он подошел к двери в соседнюю комнату, попросил позвать Спицына.

Инженер вскоре явился.

— Так как же это, товарищ Спицын? — спросил парторг. — Нет у тебя, я вижу, настоящей чуткости.

Ковалев, беспшумно ступая в высокие оленьих торбах, расхаживал по кабинету, с одобрительной улыбкой слушая парторга.

— Как же не понять того, что взорвать этот камень необходимо, — продолжал парторг, — он не просто землю давит, на которой стоит, он душу людям давит, сердце давит. Надо взорвать его к чертям.

Спицын смущенно ухмыльнулся, пощипал свою бородку и сказал:

— Сознаюсь, Кузьма Васильевич, не вник я в суть дела, сейчас распоряжусь, чтобы послали человека...

— Не надо посылать человека, — вдруг сказал Ковалев.

Майна-Воопка удивленно глянул на секретаря.

— Взорвем этот камень мы, вдвоем с Майной-Воопкой. Нам материалы только нужны.

Ятто сжал на оленях по долине Тиркынай, изучая путь, по которому он хотел повести бригаду. Непокойно было у старика на душе. Гнать стадо несколько суток через бесплодную каменную долину было, конечно, рискованно. Грозил большой падеж. И вот рядом к востоку лежит другая, речная, долина между пологих сопок,

покрытых густым оленьим мхом. Но там стоит Каменный дьявол...

Остановив олсней, Ятто выкопал ногой в снегу ямку, выскоблил снеговыбивалкой ее донышко. На каменистом щебне, покрытом тонким слоем дерна, не было ни одной лапки ягеля. Олени ударили копытами по снегу, но, не найдя пищи, понуро замерли на месте. Ятто тяжело вздохнул и с таким раздражением стукнул снеговыбивалкой по своим меховым штанам, что на торбаза посыпалась снежная пыль.

«Назад итти нельзя, — думал Ятто, — там все пастбища вытравлены; в долину, где Каменный дьявол, тоже итти нельзя. Остается только как можно быстрее пересечь долину Тиркыней, а там хорошие пастбища начнутся. Надо хорошо подготовить кочевку, чтобы в пути никаких задержек не было».

Быстро надвигалась ночь. Гулко трескался лед на гундровых озерах, вечерняя морозная мгла окутала долину, скрадывая ее просторы. Ятто сел на нарту и погнал олсней обратно к стойбищу. Вспомнив о размолвке с бригадиром, он улыбнулся мягкой, доброй улыбкой и подумал: «О, это настоящий мужчина, смелый человек, но на этот раз пусть мне подчинится: осторожность сильнее смелости...»

В полночь Ятто подъехал к стойбищу. Но что такое? Ятто еще раз глянул в том направлении, где должно было стоять стойбище, и замер. Стойбища не было. Старик поспешно снял рукавицы, протер глаза и снова усталился туда, где всего лишь двое суток назад стояли яранги.

«Укочевали! — пронеслось у него в голове. — Пока я ездил, они укочевали!» — Кровь хлынула в лицо Ятто. Он открыл рот, чтобы крикнуть, но голоса не было. И вдруг старик с остервенением начал кусать рукав кухлянки. Олени испуганно запрядали ушами, запрокинули назад ветвистые рога, готовясь пуститься вскачь. Ятто вскочил на нарту: «Гы!» — скорее простонал, чем выкрикнул он и с силой хлестнул погоньцем по крупу коренного. Через несколько мгновений Ятто осадил олсней у черных круглых пятен, обложенных камнями. Это были следы укочевавших яранг. На снегу, истоптанном тысячным стадом олсней, валялся помет, обрывки шкур, истертые травяные стельки торбазов, олсний рога.

Закрепив нарту за острый каменистый выступ, торчавший из-под снега, Ятто несколько раз обошел вокруг стойбища, ища направление кочевого тракта. В груди его еще теплилась надежда, что стойбище укочевало по указанному им пути, что он просто разминуся со своей бригадой в широкой долине Тиркыней. Прижав руку к сердцу, Ятто наклонился, внимательно изучая следы. Чем дальше старик описывал круги от места бывшей стоянки стойбища, по старинному способу отыскивая кочевой тракт, тем резче и отчетливее становились олсний следы. На пятом круге Ятто нашел кочевой тракт. Он шел прямо к перевалу, за которым начиналась долина Койныкай. Многочисленные следы от широких полозьев тяжело нагруженных нарт уходили туда, к проклятому месту. Руки Ятто бессильно повисли вдоль тела.

— Не послушали меня, по-своему сделали. Как же это? — тихо прошептал старик. Сухие, бескровные губы его по-детски покривились, подслеповатые глаза сверкнули влагой.

— Что же теперь делать? — вслух спросил он с отчаянием в голосе. — Несчастье будет, беда... большая беда придет!

Спотыкаясь о комья снега, вывороченные прошедшим стадом, Ятто медленно приблизился к упряжке, сел на нарту и долго сидел сторбленный, неподвижный, погруженный в забытие. Когда стали зябнуть ноги, старик поправил упряжь на олснях, вяло потоптался на одном месте. Подавленный, он уже не возмущался, он просто считал себя и всю свою бригаду обреченными.

«Что же, поеду и я туда, — подумал Ятто. Но ехать мимо Каменного дьявола он не решился. — Сделаю лучше большой круг по старому пути и въеду в долину реки Койныкай с обратной стороны», — окончательно решил старик.

...Вторые сутки ехал Ятто по долине Койныкай. То и дело разгребал он снег и всюду обнаруживал крупный, густой лапчатый ягель.

Старик чутко прислушивался к малейшему шороху. Все ему казалось здесь незнакомым, тающим в себе невидимые, злые силы. Одна из сопок вдавалась в долину небольшим мысом, напоминавшим тупую морду моржа. Ятто долго всматривался, пока ему не показалось, что мыс шевелится. Пришлось круто повернуть влево, чтобы объехать его стороной. Сытые олени быстро мчались по незнакомому пути, в морозном воздухе сверкали крошечные искорки снежной пыли. И так тихо было вокруг, что Ятто порой останавливался и, до боли напрягая слух, все вслушивался и вслушивался в таинственное молчание белой долины, над которой, по его мнению, висело проклятие Каменного дьявола. Уже близко то место, откуда был виден этот страшный столб. Все чаще останавливался Ятто, все дольше и дольше вслушивался в тишину долины.

И вдруг раздался грохот. Гулкое эхо покатило его по долине. Упряжка Ятто испуганно шарахнулась в сторону. Вздрыгнув от неожиданности, не помня себя, старик начал хлестать погоньцем по крупам обезумевших олсней. Ветер свистел в ушах Ятто. Твердые комья снега летели ему в лицо из-под копыт олсней. Испуганная взрывом полярная сова прохлопала крыльями над самой головой старика. Правый полоз нарты вдруг стукнулся обо что-то черное, хрустнул и задрожал, царапая сломанным местом твердый снежный наст.

«Вот оно, начинается», — в ужасе подумал Ятто.

Из заиндевелых ртов олсней, с высунутыми влажными языками, со свистом вырывалось горячее дыхание. Пугливо озираясь, Ятто встал на колени перед сломанной нартой, быстро осмотрел ее.

— Не выпустит отсюда меня долина, не выпустит... Дальше нельзя ехать, — прошептал старик и пригнулся к земле, ожидая еще чего-то более страшного.

Но тишина больше не нарушалась. Отдыхавшие олени улеглись в снег, задремали. Ятто погрузился в забытие. Засунув ноги поглубже в снег, он застыл, как пришибленный, с полускрытыми глазами, со страдальческой миной на лице. В голове мелькали бессвязные картины из всей его долгой жизни, путанные мысли сменяли одна другую. И только тупая, щемящая боль в сердце нетнет да и напоминала ему о том, где он и что с ним происходит. Ятто не заметил, как подошла ночь.

Вдруг олени один за другим встали на ноги. Ятто подался вперед, чутко вслушиваясь в тишину ночи. Ему почудился шум бегущих оленьих упряжек, а минуту спустя — громкий раскатистый хохот. Ятто вскочил на ноги. Сердце его забилося часто-часто. Ему показалось, что это смеется маленький Воопка.

«Гок! Гок!» — раздалось в морозной тишине и покатилося по долине. Хлестко стучали погоньчи. Шум скачущих оленьих упряжек с каждым мгновением становился все ближе.

Вскоре к Ятто подъехали Воопка и Майна-Воопка. Они круто остановили своих оленей, соскочили с нарт.

— Какое здесь пастбище! — весело воскликнул Воопка, как будто ничего особенного не произошло. — Я еще не видел такого ягеля.

— Через месяц наши олени станут такими жирными, какими бывают только осенью, — деловым тоном прибавил Майна-Воопка.

— И твоего страшного Каменного дьявола нет больше, понимаешь, нет! — не в силах сдержать ликование, выкрикнул маленький Воопка.

— Как нет? — с выражением полного недоумения, растерянности спросил Ятто. Сообщение Воопки вызвало в нем самые противоречивые чувства. Ему хотелось верить, что проклятого камня больше нет, и в то же время он никак не мог представить себе, что кто-нибудь в силах был уничтожить каменное чудовище.

— Поедем домой, старик, там все узнаешь, — спокойно предложил бригадир.

Когда Майна-Воопка, Воопка и Ятто приехали в стойбище, из яранг, несмотря на поздний час, высыпало все население. Словно сговорившись, люди гурьбой направились к тому месту, где раньше стоял каменный столб.

— Это все, что осталось от Каменного дьявола, — сказал Майна-Воопка, указывая на груды беспорядочно разбросанных камней. — Посмотри корошенько: и снаружи и внутри простой камень.

Ятто опустился на колени, поднял один из осколков и внимательно осмотрел его. Люди молча наблюдали за ним.

— Камень, простой камень, — беззвучно шептал Ятто.

Взяв осколок с трещиной, он с силой стукнул им о каменную глыбу. Осколок разбился. Ятто снова стал перебирать осколки Каменного дьявола.

Когда люди ушли в яранги, Ятто устало опустился на один из обломков. Он долго так сидел. Бесформенная куча камней уже не внушала старику прежнего безотчетного страха. Но что-то осталось от него. «А кто знает, может Каменный дьявол и в таком виде будет делать зло?» — тревожно подумал Ятто и пошел в свою ярангу, пугливо озираясь.

14

В стойбище из тундрового поселка приехали Журба и Тымнэро. Старик Ятто обрадовался их приезду. После истории с Каменным дьяволом ему все еще как-то было не по себе.

Слушая рассказы Журбы о том, что делается на Большой Земле, Ятто повеселел. Он даже шутил и смеялся в этот вечер, грозил Тымнэро, что обгонит его на первых же состязаниях по оленьим гонкам.

В то время, когда они мирно беседовали и шутили, на улице послышалась стрельба.

— Волки! — крикнул кто-то возле яранги.

В стойбище поднялась тревога. Заунывно выли собаки, громко кричали мужчины, плакали в ярангах перепуганные дети.

Ятто выскочил на улицу вслед за Тымнэро. На ходу натягивая куклянку, он вдруг повернулся в ту сторону, где недавно стоял каменный столб, пристально всмотрелся в ночной мрак. И тут ему показалось, что Каменный дьявол, как и прежде, стоит над долиной в своем зловещем молчании.

— Вот тебе успокоился, как мальчишка. Нет! Теперь уже никакая сила не спасет стадо! — промолвил Ятто, чувствуя, что его начинает знобить от страха. — Не зря эти волки напали!

— Не смотри туда, старик, Каменного дьявола больше нет, не бойся, — как можно спокойнее сказал Журба.

Ятто махнул рукой и побежал в темноту, на голоса пастухов.

— Половина стада по распадку на перевал побежала! — крикнул кто-то из пастухов.

«Ну, пропали олени! — мелькнуло в голове Ятто, — по горам разбегутся, в ущелье попадают».

— Гок! Гок! Гок! — слышался где-то вдаль, среди топота оленей и звона балабонов, сильный голос Майна-Воопки.

Тымнэро мигом оценил обстановку. Самое главное — не дать отбившейся части стада добежать по длинному извилистому распадку до того места, где он разбивается на десятки рукавов. Тымнэро тут же вспомнил, как он в тех местах спускался с Журбой, как спас его Владимир, метнув во-время аркан.

Ни секунды не задумываясь, юноша бросился по крутому подъему вверх, с намерением выйти оленям навстречу еще до того, как они достигнут вершины распадка. И когда ему оставалось пробежать не более полусотни метров, чтобы перерезать оленям путь, перед ним оказалось ущелье...

Тымнэро остановился как вкопанный. Издали слышался все нарастающий шум обезумевшего стада.

— Олени бегут!

По обе стороны ущелья торчали острые камни. Дерзкая мысль пришла в голову Тымнэро. Он схватился за аркан, заглянул в ущелье. Сердце забилося часто-часто.

Свистнул аркан. Петля захлестнулась на вершине острого камня на другой стороне ущелья. Натянув аркан, Тымнэро крепко привязал его к каменному выступу. Теперь он боялся только одного: выдержит ли аркан.

А шум бегущих оленей нарастал. На размышление у Тымнэро не оставалось ни мгновения, и он пустился в свой опасный путь. Под тяжестью его тела аркан угрожающе натянулся. Повиснув над пропастью, перебирая руками и ногами, Тымнэро медленно продвигался вперед. Только бы не оборвался аркан! Только бы хватило сил еще два-три раза перехватить его руками. А внизу слышались еле уловимые звуки. Как далеки эти звуки!

Наконец голова Тымнэро коснулась противоположной стороны ущелья. Юноша разомкнул ноги, обхватывающие аркан, повис на одних руках, ногами нащупал выступ на скале и встал на него. Осторожно повернувшись лицом

к стене ущелья, Тымнэро облегченно вздохнул, вытер пот с горячего лица.

Выбравшись наверх, Тымнэро глянул вниз. Черная туча стада, окутанная облаком пара, была уже совсем близко.

— Гок! Гок! Гок! — что было силы закричал Тымнэро, выбегая навстречу стаду... Олени замедлили шаг, остановились.

— Гок! Гок! Гок! — снова закричал Тымнэро.

Пораженные неожиданным появлением человека, олени затоптались на месте. Вот один-два отделились от стада и побежали обратно. Вслед за ними последовали другие, и через минуту все стадо уже мчалось в обратную сторону по извилистому горному распаду.

Тымнэро упал на колени, схватил кусок снега, сунул в рот. От потной головы шел пар, из груди вырывалось частое, горячее дыхание.

— Хорошо, очень хорошо! Скоро олени опять будут у стойбища! — прохрипел Тымнэро и закашлялся.

Долго сидел он на одном месте. Уже исчезло из виду стадо, а сердце все еще билось учащенно, неровно.

— Динь, динь, динь, — доносилось в морозном воздухе с той стороны, куда убежали олени. Тымнэро встал и зашагал к стойбищу.

Через полчаса Тымнэро сидел на нарте с Владимиром. К ним подошел Ятто. В стойбище все было тихо и мирно.

По небу всполохами пробегали белесые облачка с розоватым оттенком. Они были необыкновенно легкими, будто чье-то спокойное, чистое дыхание. Затем на небе начался праздник света и красок. Громадная извивающаяся лента перебежала пополам все небо. Верхний край ее был четко очерченным, а нижний — рваным, бахромчатым. Поперечные полосы ленты мерцали разноцветными, пульсирующими лучами. Так длилось несколько минут. Скоро огни потухли, лента выплела и на ее месте остался серебристый туман. Потом растаял и туман. Лента снова развернулась по небу. Вверх от нее взметнулись и тотчас же погасли яркие лучи, словно невидимые воины пустили из луков тысячи огненных стрел, которые мгновенно скрылись в холодном звездном пространстве. Еще и еще раз невидимые воины выстрелили из луков. Вся лента пришла в движение, точно по ней побежали волны. Концы ее соединились, и небо опоясалось огненным кольцом.

— Долго не смотрите на огни эти, — со скрытой тревогой предупредил Ятто. — В них мертвецы живут. Они играют в мяч. А мяч их — это череп моржовый. Мертвецы все время за мячом бегают, оттого огни эти так меняются, движутся.

Тымнэро посмотрел на старика с каким-то болезненным выражением в лице.

— Ну кто выдумал все это про огни такие красивые! — с досадой воскликнул он.

— Замолчи, замолчи! — замахал руками на юношу Ятто.

Тымнэро тоже отчаянно махнул рукой и умолк. Но долго молчать он был не в силах.

— А Каменный дьявол-то все же погиб! — озорно блеснул он глазами.

Ятто промолчал.

Ученики янрайской школы были встревожены: учительница не вышла в класс и передала через Оро, что занятия не будет.

— В кровати лежит, по лицу видно, что очень больная! — вполголоса объяснял Оро столпившимся вокруг него мальчикам и девочкам.

— А ты пойдй спроси! — подталкивал его в спину Тотык. — Пойди, ты смелый.

— Пойдем вместе! — предложил Оро.

Тотык согласился. Они робко постучали в комнату учительницы.

Оля, облизывая залекшиеся губы, ласково посмотрела на мальчиков. «Какие они уже большие... вытянулись», — подумала она и вдруг вспомнила, каким явился к ней Оро в первый раз.

— Там, у дверей, все мы стоим, — начал Оро, смущенно перебирая кончики пионерского галстука. — Мы вот думаем, что вы заболели... Надо ехать за врачом! — вдруг выпалил мальчик. Эта мысль пришла ему внезапно. Тут же он подумал: «Все охотники разъехались по участкам, один Анкоче дома! Но он совсем старый! Значит, поеду я сам!»

— Немного простудилась, — сказала Оля. — Но это пройдет, совсем скоро пройдет.

— Да, да! Вы простудились, — подтвердил Тотык. — Вчера я видел, как вы в одном платке в дом Рультагна бегали... Разве можно так? — укоризненно добавил он и, покраснев от смущения, потупился.

Оля улыбнулась и попросила мальчиков успокоить школьников.

Не стало легче Солнцево и на второй день.

Оро решил действовать. Не долго думая, он побежал к старику Анкоче за советом.

— Охотников все еще нет! Они могут и неделю на своих участках пробыть. И Петр Иванович с отчетом в район уехал. А учительница сильно больна, — скороговоркой объяснял он. В подвижном лице его, с быстрыми, живыми глазами, с высоким лбом, была тревога и решимость. — Так вот я так придумал: соберу в поселке всех собак, которых охотники дома оставили... На собаках я ездить умею... Вот... и поеду в Илринэй сам. Привезу врача!

— Сам? — переспросил Анкоче, осматривая гибкую фигуру мальчика.

— Да, сам! — решительно подтвердил Оро.

— Самому тебе нельзя, — после некоторого раздумья сказал Анкоче, — мал еще... А я... стар слишком.

— Так как же быть, а?! — с отчаянием воскликнул Оро.

— Подожди, подожди, — сейчас что-нибудь придумаем. — Анкоче встал со своей лежанки, как можно бодрее прошлепал по комнате. — Вот видишь, хожу! Как молодой хожу! Последнее время я как будто совсем крепким стал, иногда клюку свою даже дома оставляю.

— Нет, нет! Тебе одному нельзя! — протестующе замахал руками Оро и тут же осекся, подумав, что тон и слова его могут сильно не понравиться Анкоче.

— А мы вдвоем поедем! — вдруг заявил Анкоче. Малый и старый вместе! Вот оно и выйдет, как будто один сильный мужчина!

— Ай, хорошо придумал! — восторженно воскликнул Оро.

Вскоре Анкоче и Оро, провожаемые всеми женщинами и детьми поселка, выехали в путь. Какорил Оро. Старик Анкоче внимательно наблюдал за ним, порой советовал переставить в упряжке собак.

Дорога была хорошо накатанной, и нарта скользила легко.

Погасли короткие сумерки. Оро и Анкоче ехали в абсолютной темноте. Слева едва-едва различались силуэты огромных ледяных торосов на море.

За многие часы езды Оро выслушал от Анкоче десятки сказок. Теперь старик устал и потому молчал. И вдруг Оро впереди заметил две золотые точки. Сначала ему показалось, что это звезды, но Анкоче ему пояснил, что это огни на мачтах илирнэйской полярной станции.

Мальчик долго всматривался в эти точки, мерцавшие над землей немного ниже бледных звезд. Представив себе полыхающее в жару лицо учительницы, он закричал на собак. Им овладело нетерпение. Путь ему казался бесконечно долгим, и в первые минуты, когда мальчик заметил огни на радиомачте, он очень обрадовался: ему почудилось, что Илирнэй вот уже где-то здесь, совсем рядом.

Старик Анкоче затянул бесконечную песню:

— О-го-го-го-го! О-го-го-го-го!

— Что ж это огни так и не приближаются? Лучше бы их не было, что ли. А то дразнят только, — с досадой сказал Оро.

— Не надо ругать огни эти, — назидательно возразил Анкоче. — Малый ты еще, многого не понимаешь. — Минуту помолчав, старик заговорил снова: — Много лет назад я молодым еще по этой дороге ездил и, когда вперед смотрел, всегда лед-глаза перед собой видел.

— Лед-глаза? Какие лед-глаза? — живо переспросил Оро.

— Подожди... слушай дальше, потом все поймешь. Какой нетерпеливый, — с мягким укором произнес Анкоче. — Больно мне было. Лед-глаза душу мне заморозили. И вот лет десять тому назад огни эти там, на мачте, заглялись. Иногда я в Илирнэй в гости ездил. На огни эти смотрел, и казалось мне, что это они душу мне отогрели, сердце разморозили. Когда в Илирнэй приезжал, всегда на полярную станцию заходил. Начальник полярной станции — друг мне большой. Всегда часам угостит, табаку даст, всегда поговорит со мной хорошо. Вот и сейчас, когда приеду, зайду к нему обязательно.

— Подожди... подожди, а про лед-глаза почему ничего не говоришь, что это такое? — опять нетерпеливо промолвил Оро.

— Ай, какой плохой парень! — с наигранной досадой ответил Анкоче. — Потерпи, не думай, что по старости у меня всю память отшибло. Расскажу и про лед-глаза.

Оро приготовился слушать. Но старик Анкоче вдруг предложил:

— Помолчим немного. Вон тот мыс пообедем, а за мысом я говорить буду, а ты слушать будешь.

— Ладно, помолчим, — вздохнув, согласился Оро. Соскочив с нарты, он закричал на собак:

— Го яра, яра, ра-ра, ра-ра!

Собаки побежали быстрее. Вскоре действительно в темноте стал вырисовываться мыс, которого до этого маль-

чик не замечал. «Ишь, какой он, Анкоче. Старый, а глаза его лучше моих оказались», — с уважением подумал Оро.

Объезжая мыс, Оро почти не садился на нарту: ветер совсем оголил дорогу от снега. Он со сноровкой заправского каюра ловко отводил нарту от камней, умело командовал собаками. Откуда-то сверху, где скорее можно было угадать, чем различить нависшие над головой скалы, с легким шумом скользнула над путниками ночная птица. Собаки рванулись в сторону. Но Оро умело остановил нарту.

— Молодец! — скупой похвалил его Анкоче.

За мысом опять начался твердый снежный наст. Упряжка быстро помчалась. Но минут через десять Анкоче предложил Оро остановить нарту у небольшого холма. Пристально всмотревшись, мальчик заметил вкопанные в землю громадные китовые ребра и неровный круг, выложенный из камней.

— Наверное, здесь чья-то яранга была? — спросил Оро. Старик опустился на корточки, достал из-за пазухи кухлянки свою трубку, закурил и только после этого отвел.

— Да, стояла здесь яранга когда-то. Давно это было...

Собаки покатались на снегу, затем уселись рядышком и, глядя на задумавшегося, застывшего неподвижно Анкоче, завывли протяжно, заунывно.

Подняв заиндевелую морду к небу, вожак упряжки выводил свою тоскливую песню громче всех. Мальчику становилось не по себе.

— Здесь, наверное, когда-то что-нибудь случилось. Собаки вон и то чувт, — наконец промолвил он.

Анкоче что-то ответил, но слова его потонули в новой волне протяжного, разноголосого воя упряжки. Столько тоски было в этом завывании, что мальчик, как и старик, застыл, подчиненный всем существом своим мрачному впечатлению, вызванному и гнетущей песней собак, похожей на плач, и таинственностью холодной ночи, и следами стоявшего здесь когда-то жилища, в котором, как теперь казалось Оро, случилось что-то страшное, оставшееся на всю жизнь в памяти Анкоче.

Собаки одна за другой постепенно умолкли. Анкоче встал, пристально оглядел холм и сказал:

— Ну, а теперь поехали.

Как только заскрипели полозья нарты, старик начал свой рассказ.

— Давно было, очень давно. Молодым еще был я, только что женился. И вот сюда из Января перекочевал, не хотел, чтобы Эчилин, как всех других, меня грабил. Только одна моя яранга здесь стояла, на том холме, у которого только что мы были. Но нам с женой не было скучно. Она шила, шкуры выделывала, а я песцов ловил, нерпу бил. Не всегда удача в охоте была, но себя и собак кое-как могли прокормить.

Потом дети появились, немножко труднее стало.

Оро, затаив дыхание, слушал каждое слово Анкоче.

— Глаза у меня были зоркие, ноги быстрые, спать долго не любил, — продолжал Анкоче. — Но вот сколько бы много песцов я ни поймал, а жить становилось все хуже. Скупал тогда у нас пушнину американский купец Стэнли, отец вот этого Мартина Стэнли, которого недавно здесь у нас поймали.

— Это который шпион! — воскликнул Оро.

— Да. Шпион, — подтвердил Анкоче. — Толстый был купец, борода красная, а глаза, как льдинки. Так мы его и прозвали: «Лед-глаза». Хитрый был купец. Если знает, что я много песцов поймал, очень дорого товар своей ценит, если чуть поменьше песцов у меня, чуть дешевле товар своей ценит. Приехал он как-то в ярангу мою, а сам раньше еще у охотников вынюхал, была ли у меня удача в охоте. А песцов в эту зиму я хорошо поймал, но купцу говорю: «Плохо дело, не было удачи в охоте, мало, совсем мало песцов поймал». Лед-глаза на меня посмотрел, в красную бороду усмехнулся и такую цену на чай, табак, спички, муку назначил, что у меня аж в глазах потемнело. «Нет, — говорю ему, — не дам я тебе столько шкур». А сам, кроме шкурок песцовых, в яранге ничего не имею. Хитрый был купец, очень хитрый. Свои лед-глаза туда-сюда повел, видит: детиски очень худые, в жирнике еле-еле свет горит, вот-вот потухнет, в кружках голая вода, чаем не заваренная. «Ну что ж, — говорит, — дальше поеду, а ты песцовые шкуры жуи вместе со своей семьей, возможно дети еще жирнее станут».

— У-у-у, злой волк, а не человек! — невольно вырвалось у Оро.

— Совсем потемнело у меня в глазах от злости. — Анкоче прокашлялся. Было видно, что он сильно взволновал себя рассказом о своем далеком прошлом. — Не выдержал я и закричал: «С голоду подохну, а не дам тебе столько шкурок, уходи из моей яранги!»

Думал, думал купец, видно не хотел от меня без пушины уезжать. Боялся, видно, что Эчилин песцов у меня перехватит. Одну трубку выкурил, другую выкурил, потом стал немного ниже свой товар ценить, но все равно дорого, очень дорого.

«Нет, не отдам ему шкурки», — подумал я. А тут младший сынишка заплакал, есть попросил; жена прижала его к себе и тоже заплакала. А я смотрю на них и чувствую, что и мне словно кто горсть песка в глаза бросил.

Оро крепко сжал кнут в руках, чувствуя, что и ему спазма сдавила горло.

— Заскрипел я зубами и согласился с купцом, — Анкоче вздохнул, немного помолчал. — Поторговался со мной Лед-глаза, а перед отъездом и говорит: «Гнев вселил ты в меня, Анкоче. Думаю, что еще жалеть будешь, что кричал сегодня на меня, запомни это...»

Потом через год у меня винчестер испортился, надо было новый покупать, а песцы, как назло, не шли в калканы. Было у меня семь шкурок, но Лед-глаза десять требовал. Вот и подумай, мальчик, что я должен был делать? — повернувшись к Оро, с отчаяньем в голосе воскликнул Анкоче. — Сельсовета не было! Колхоза не было! Учителя не было! Парторга тоже не было! Все это мне тогда и во сне не снилось. Кто поможет? Кому пойдешь жаловаться? Даже Митенко и того пока на нашем берегу не было. На Аляске тогда он жил еще.

И вот говорю я жене: «Поеду в море открытую воду искать, может этим паршивым винчестером одну-две нерпы убью, на свежую нерпу песец пойдет». «Поезжай, — говорит жена, — только долго не задерживайся, а то у меня еды всего на три дня осталась». — «На четвертый-пятый день вернусь обязательно, — отвечаю я, — день-два без еды посидите, не привыкать. Не первый раз такое было».

Помню, вздохнула жена, а сынишки меня за шею обняли и не пускают. И так мне тяжело стало, словно навсегда с ними прощаюсь, что-то недоброе вселилось в мое сердце...

Выехал в море, на берег смотрю, вижу — жена стоит, а по бокам сынишки. Долго смотрели мне вслед.

Ехал я целый день, а воды нет. Стал я громко ругать Лед-глаза за то, что винчестер мне за семь песцов не продал. «Эх ты, вонючий! — кричу. — Сердце твое, наверное, шерстью, как медвежья лапа, обросло!» Сейчас ты понимаешь, что семь песцов это много, очень много. Но Лед-глаза знал, что рано или поздно я ему не семь, а десять песцов отдам.

— Да, да. Это много! За них сейчас целую пушку, наверное, можно купить, а не то что винчестер, — живо отозвался Оро.

— Вот-вот, пушку, — согласился Анкоче. — На вторые сутки подъехал я к открытой воде и сразу же нерпу увидел. Долго целился, боялся — промахнусь, потому что совсем плохой был винчестер. Но попал в нерпу, убил. Размотал выброску, кинул, зацепил нерпу. Тяну ее к себе и радуюсь: «Если так и дальше пойдет, то послезавтра в ярангу свою вернусь, жену и детей накормлю». Но вдруг чувствую, как будто меня чуть-чуть колыхнет на льдине. Оглянулся — и застыл от страха: оказывается, пока я с нерпой возился, кусок льдины откололся и теперь в море меня понесло. Точно так же, как это года три тому назад по морю Рутьтына, Шытто, Гивэя и Иляя носило. Слышу, собаки завыли, вот так же, как эти недавно выли. В воде рвутся, но нарту я хорошо у льдины закрепил. Вспомнил я детей и жену, стал руки кусать, чуть не плачу: «Умрут, думаю, умрут же они с голоду, кто им поможет? Соседей близко нет, хорошо, если кто мимо проезжать будет»

Идет пар от воды, нерпы головы высовывают и словно смеются над горем моим. Вот уже совсем ночь наступает, а я все плыву куда-то на север, уже ничего, кроме воды, вокруг себя не вижу. Туман поднимается, волны крупнее становятся.

Прошли сутки, прошли вторые, а потом я и счет дням потерял. От нерпы каждый день по кусочку отрезаю, а когда пить захочется, лед колю, лед морской местами несоленый, сам знаешь... Прибило меня к большому ледяному полю и понесло на восток куда-то. Наверное, с месяц меня в море носило, если не больше, потом к береговому льду прибило, и я на берег вышел. Только очень далеко от своей яранги. Вижу какое-то стойбище, обрадовался, кричу, как сумасшедший.

Накормили меня охотники, потом вместе чай пить стали. Пью чай, а сам рассказываю, что со мной случилось. А люди смотрят на меня и молчат все, словно языки свои вместе с чаем проглотили, только вздыхают тяжело. Но вот одна старуха и говорит: «Тут Лед-глаза мимо стойбища нашего проезжал, по всему побережью пушнину собирал, о тебе рассказывал. Был у твоей жены проездом. Она пять дней тогда уже с детьми голодала».

«Значит, был человек у нее? — обрадовался я. — Наверное, дал он ей в долг хотя бы немножко муки, рису. Человек же, понимать должен...»

Смотрю, у старухи слезы на глазах показались. «Нет, — говорит, — человека в твоей яранге не было,

там Лед-глаза был. Каюр его рассказывал, что вытащил купец принык из кармана и детям показал, дети к нему бросились, а он спрятал принык к себе в карман, захохотал и говорит: «Отец ваш гордый очень, вздумал спорить со мной, торговаться. Вот придет с моря, если медведи его не сожрали, он вас и накормит. Если вернется, так ему и скажите, чтобы умнее и смиреннее был...» Каюр хотел часть корма, для собак приготовленного, у яранги сбросить, но Лед-глаза увидел, закричал на него, остолом ударил, заставил сейчас же дальше ехать».

Анкоче замолчал. Оро не мог промолвить ни слова. В ушах его все еще слышалась тоскливая песня собачьей упряжки, а перед глазами маячили врытые в землю китовые ребра — жалкие остатки давнего очага Анкоче.

— Лед-глаза, — прошептал мальчик и вдруг отчетливо представил себе, как купец протягивает голодным детям принык и тут же со злобной улыбкой прячет его в карман.

— Детей своих и жену я мертвыми в яранге нашел, — вдруг промолвил Анкоче.

Потрясенный мальчик медленно повернулся в его сторону, со страхом заглянул ему в лицо.

— Темно в моих глазах стало, — печально продолжал Анкоче. — Ничего не вижу. Потом вон туда глянул, где огни сейчас горят. И вдруг Лед-глаза мне представился. Закричал я, с плеча винчестер сорвал и все патроны в Лед-глаза выпалил, а они попрежнему стоят передо мной — холодные глаза, хитрые, злые.

Говорили, что тогда в меня безумие вселилось. Я пешком в Янрай ушел, без спросу у одного охотника упряжку взял и поехал Лед-глаза искать. Убить хотел. Долго я ездил от стойбища к стойбищу. Почти не ел ничего, не пил, не разговаривал, с винчестером спать ложился, а по ночам на улицу выскакивал и в воздух стрелял, потому что опять перед собой Лед-глаза видел.

Не нашел я в ту зиму купца, куда-то он далеко на Колыму уехал, а летом на шкуне он на Аляску уплыл. Через года два снова в Янрай вернулся, но уже с сыном своим, этим вот — Мартином. Успокоился я к тому времени, но все равно Лед-глаза боялся со мной встречаться, боялся мне прямо в лицо посмотреть.

Вскоре я на вдове женился. С девочкой ее, вот твоих лет, взял. Полюбил я девочку, совсем она родной мне дочерью стала. А потом снова горе случилось. Когда уходил Лед-глаза уже совсем к себе на Аляску, его сын с пьяными матросами утащил мою дочь к себе на шхуну. Так с тех пор я и не видел ее...

— О, как так можно! Сколько зла они тебе принесли! — воскликнул Оро. Голос его дрогнул, сорвался.

— Да, Оро, много зла они принесли мне, — вздохнул Анкоче. — От того я их дух на всю жизнь запомнил. Как ни хитрил Мартин Стэнли, как ни укрывал свою волчью морду заячьей шкурой, я все равно узнал его, хоть на старости лет да рассчитался!

Вот и рассказал я тебе, что ты меня просил. Запомни мой рассказ. В жизни пригодится. А теперь давай помолчим, подумаем.

Долго еще не выходил из головы Оро рассказ Анкоче. Он долго всматривался в мерцающие вдали огни, а перед глазами его нет-нет да и снова всплывал курган с двумя торчащими в нем китовыми ребрами. Ему было невыра-

зимо жалко Анкоче, и тут же в памяти почему-то всплыл дедушка Ятто, у которого тоже была трудная молодость. Представил себе его доброе морщинистое лицо, его грубые, но такие ласковые руки, Оро грустно улыбнулся в темноте ночи и подумал, чувствуя теплый прилив нежности к деду: «Вот бы сказку его послушать, походить бы вместе с ним между оленей по пастбищу». Но тут перед глазами мальчика снова встало лицо заболевшей учительницы. Оро соскочил с нарты, ударил одну, другую собаку кнутом, подгоняя упряжку.

...На вторые сутки Анкоче и Оро привезли в Янрай илирнэйского врача. Когда врач вошел в комнату учительницы, ученики все как один хлынули к двери и замерли. Оро, делая строгое лицо, предостерегающе поднял палец.

— Чего ты так громко сопишь! — недовольно, вполголоса бросил он толстенькому малышу из первого класса. Малыш замер, изо всех сил стараясь показать Оро, что его замечание он принимает к самому сердцу.

Но скоро распахнулась дверь, и на пороге появился улыбающийся врач.

— Ничего, ничего! — бодро сказал он. — Учительница ваша скоро встанет на ноги.

Ученики было радостно закричали, но Оро снова строго поднял палец. Шум как ножом отрезало.

16

К тому, что Тэюнэ вместе с Гэмалем уехала в Кэрвук, в Янрае очень скоро привыкли. Всем казалось, что так и должно быть. Вскоре дошли до янрайцев вести, что Тэюнэ поступила учиться на курсы медсестер. Иляя эта весть повергла в уныние. До сих пор он все еще втайне надеялся, что Гэмаль, став большим начальником, не захочет жить с простой женщиной и прогонит ее опять в Янрай. «Теперь, конечно, ждать нечего. Теперь сама Тэюнэ большим человеком становится, доктором станет, — с горечью рассуждал Иляй. — И откуда у этой женщины ума столько взялось? Не отняла ли она мой ум, пока жила со мной?»

После долгой полярной ночи, когда на небо уже подымалось мартовское солнце, весь поселок взбудоражила весть: приехала Тэюнэ. Приехала с огромной сумкой с красным крестом, в белом халате, точно таком же, как у докторов, и остановилась у Оли.

Взволнованный Иляй пораньше вернулся с охоты и, как бы прогуливаясь, прошел несколько раз мимо школы. Нужен был кагой-то предлог, чтобы явиться к Тэюнэ и посмотреть, какой она теперь стала.

«Ну что ж, соображу что-нибудь», — подумал Иляй и направился в свой дом, который он занимал вместе с семьей Нотата.

А Тэюнэ в это время проводила санитарный осмотр поселка. Одета в белый халат, она переходила из дома в дом вместе с Олей, радуясь, что в поселке уже не было яранг, а в домах чисто и уютно. Давая своим недавним подругам по охотничьей бригаде советы и даже делая замечания, Тэюнэ находила такие слова, которые никак не могли обидеть хозяек, знающих себе цену.

Лицо ее, как и прежде, было подвижным, с живыми

глазами-полумесяцами, но чуть-чуть комическое выражение степенности и важности придавало ему что-то новое.

— Не мешало бы сделать для посуды шкафчик, — сказала она Айнэ, которая заменила ее в женской охотничьей бригаде. — Я знаю, что если ты захочешь, то быстро заставишь своего Рультына сделать шкафчик. Ты такая!

— Это верно. Я заставлю Рультына сделать посудный шкафчик, — согласилась Айнэ. — Нехорошо, когда посуда всегда на столе стоит.

В дом Нотата Тэюнэ вошла не без волнения: она знала, что там живет Иляй.

Осмотрев комнату Нотата, Тэюнэ справилась о здоровье хозяев, что-то записала в свою книжку и затем уже постучала в комнату Иляя. Оля пошла за ней.

Иляй сидел за столом, завязывая тряпичей порезанную руку.

— Что с тобой случилось? — спросила Тэюнэ, подходя к Иляю. Тревога в ее голосе необыкновенно взволновала Иляя.

— Понимаешь, нечаянно порезал ножом, — бормотал он. — Нечаянно... Хотел тебе показать.

Бинув косою взгляд в сторону Оли, Иляй отдернул руку, которую Тэюнэ хотела залить иодом.

— Я подожду тебя, Тэюнэ, у Нотата, — догадавшись, сказала Оля и вышла из комнаты.

— Сейчас я тебе помогу, — стараясь казаться спокойной, приговаривала Тэюнэ. Но как она ни старалась держать себя в руках, волнение все сильнее охватывало ее. Она бралась то за одно, то за другое в своей сумке, выкладывала на стол, прятала снова. Заметив мелькнувший в руках Тэюнэ ланцет, Иляй закричал:

— Ты что, полоумная женщина, хочешь мне руку резать, что ли?

Тэюнэ смущенно взглянула на бывшего мужа и вдруг рассмеялась звонко, от чистого сердца. Иляй жадно смотрел ей в лицо. На миг представив Тэюнэ хозяйкой в своей новой комнате, он с трудом проглотил что-то, застрявшее в горле.

— Слушай, Тэюнэ, ты ко мне вернешься?

Улыбка медленно сошла с лица Тэюнэ. Она передохнула и молча начала забинтовывать руку Иляя.

— Нет, не вернусь, — наконец тихо отозвалась она. — Не сердись на меня, Иляй. Честно скажу: когда я перестала быть твоей женой, я стала уважать тебя. Ты совсем другим человеком становишься. А вот как мужчина... просто как муж... ты, конечно, пока прежним остался. Я не хочу, чтобы ты любил меня точно так, как любишь своего Утильгина.

— Что?.. Что ты говоришь, Тэюнэ? — Иляй не знал, куда деть глаза.

— Да, это так, — вздохнула Тэюнэ. — Возможно, тебе кажется, что ты меня иначе любишь, а в действительности так получается. Не можешь ты женщину одинаково с мужчиной ценить. Не видишь в ней себе равную. Подумай, Иляй, хорошо подумай над словами моими. Ты еще молодой, тебе жениться надо. Не хочу я, чтобы ты будущую жену свою так же, как меня, обижал.

Насупившись, Иляй смотрел на дальний угол стола и молчал.

Закрыв свою сумку, Тэюнэ осмотрела комнату Иляя.

— Хорошо у тебя. Опрятным ты стал. Вот только в углу, где умывальник, клеенку или жесть прибить надо.

И вдруг Тэюнэ заметила, что над столом у Иляя висит электрическая лампочка с красивым абажуром.

— Что так смотришь? — спросил Иляй. — Это я в Илриэе себе достал. Хорошая лампа. Можешь на стул встать и посмотреть как следует.

— Да, тут есть на что посмотреть, — снова улыбнулась Тэюнэ. — Лампа красивая, конечно, но вот как ты ее зажигаешь?

— Пока керосиновая горит, — мрачно ответил Иляй. — Когда-нибудь и эта загорится. Слыхал я, что к осени у нас ветряк установят, как у илриэйцев.

— Ну что ж, до свидания, Иляй, — тихо сказала Тэюнэ и, мягко ступая, поспешно вышла из комнаты. Она боялась, что Иляй крикнет ей вслед что-нибудь злое, оскорбительное. Но Иляй только вздохнул и замер, прислушиваясь к шагам Тэюнэ в соседней комнате.

«Зачем она приходила сюда? И зачем я только себе руку порезал? А какая она красивая... Кажется, еще красивее стала...»

В глазах Иляя была тоска. Неудержимое желание встать и войти в комнату Нотата, чтобы еще раз посмотреть на Тэюнэ, боролось в нем с мужской гордостью.

«Нет, нет, не надо! Хватит! Забыть, совсем забыть надо», — думал он, мрачно хмурясь. На мгновение на него нахлынули прежние чувства обиженного жизнью человека. Иляю стало жалко себя, но лишь на минуту.

— Чепуха, совсем чепуха все это! Только плаксивые старухи всегда себя обиженными считают! — вдруг громко сказал он. В лице у него появилось что-то упрямое, жесткое. — Ого! Иляй — это вам не старуха плаксивая! — с ожесточением добавил он и стукнул кулаком по столу. — Еще у этой Тэюнэ глаза от зависти на лоб полезут, когда повсюду заговорят, как хорошо Иляй с новой женой живет...

Он замолчал и снова подумал: «А все же какая она красивая! Какая красивая!..»

На следующий день Тэюнэ уехала в тундру.

Весть о приезде в тундру Тэюнэ быстро разнеслась по всем оленеводческим бригадам. Всем интересно было увидеть ее в белом халате, с сумкой через плечо, на которой алел красный крест.

Первый свой медицинский осмотр в янрайской тундре Тэюнэ начала проводить в бригаде Мэвэта.

— Сказать вам должна, что я еще не совсем доктор, — объясняла она собравшимся в Красном доме оленеводам. — Трудное дело лечить людей. Я еще буду много учиться, но кое в чем уже сейчас могу помочь вам.

Оленеводы внимательно слушали медицинскую сестру. Тэюнэ с беспокойством всматривалась в их лица. Она боялась, как бы ее не подняли насмех. Но получилось все хорошо. Обрадованные тем, что простая чукчанка Тэюнэ приехала к ним почти доктором, оленеводы охотно разделись по пояс, готовясь к осмотру. Начался осмотр. Когда она вытащила из сумки с красным крестом стетоскоп, наступила мертвая тишина. Тэюнэ прикладывала стетоскоп к груди, к сердцу пациента, просила сначала дышать, потом не дышать. Оленеводы с уважением смотрели на нее, безропотно выполняли приказание.

Пастух Раале пожаловался, что у него болит горло. Тэюна потребовала, чтобы Раале высунул язык. Пастух исполнил ее приказание.

— Еще! — приказала Тэюна.

Краснея от натуги, Раале высунул язык насколько было возможно. И вдруг Тэюна засунула в рот что-то похожее на лопатку. Раале испуганно шархнулся в сторону, зажал лопатку в зубах. Тэюна внимательно осмотрела лопатку — не перекусил ли ее Раале — и сказала:

— Не надо ртом холодный воздух вдыхать, носом надо дышать, нельзя тебе холодную воду пить. Пей только чай. — Немного подумав, Тэюна строго добавила: — Вижу я, любишь ты снег есть, когда за оленями много набегашься.

Пастух пообещал выполнить все указания Тэюны и отошел в сторону.

— Ну как? Что скажешь? — спросили его пастухи, ожидающие своей очереди. Раале с многозначительным видом поднял палец и вполголоса сказал:

— Настоящий доктор! Видели, как она велела мне язык показать, как сунула в рот лопатку? Слышали, что сказала про снег?

— Сразу узнала! — восхищенно заметил один из пастухов. — Ты же и в самом деле любишь снег жрать, когда разжаришься. Сколько я тебе говорил, чтобы ты не делал этого.

Дальше Тэюна выехала с Воопкой, специально прибывшим в тундровый поселок, чтобы увезти в свое стойбище медсестру. Не успела гостя войти в его ярангу, как Воопка потребовал, чтобы она осмотрела дочь.

Когда Тэюна объявила, что девочка здорова, Воопка расплылся в широкой радостной улыбке и попросил, чтобы доктор осмотрела его.

При осмотре Воопки вышел небольшой конфуз, рассмешивший всех, кто сидел в пологе.

— Дыши! — приказала Тэюна. Пастух захватил в себя как можно больше воздуха, затем с шумом выдохнул.

— Не дыши! — приказала Тэюна, продолжая осмотр. Воопка замер. Тэюна уже оставила стетоскоп, как вдруг увидела, что Воопка зашатался. Тэюна посмотрела на него и испугалась: лицо пастуха посинело, глаза были вытаращены.

— Что с тобой? — спросила она с тревогой и потрясла Воопку за плечо. Тот жадно хлебнул воздух и прохрипел:

— Чуть-чуть не умер, понимаешь...

— А что такое?... Что с тобой?

— Что? Что? — сердито передразнил Воопка. — Не могу так долго не дышать. Мне дышать надо.

— Так неужели ты с тех пор не дышал?

— Ты же говоришь: «не дыши», я и не дышал. Трудно, знаешь. Больше ты так не делай, — попросил Воопка и вдруг рассмеялся. За ним рассмеялись все остальные.

Известность Тэюны как доктора росла в тундре с каждым днем. В одном из стойбищ к ней явилась старуха с бельмом на левом глазу и попросила исправить глаз. Тэюна внимательно осмотрела его. Старуха с надеждой и нетерпением ждала, что скажет доктор. Тэюна смущенно созналась:

— Глаз тебе я исправить не могу.

Старуха помолчала и показала порезанный палец. Не-

большая ранка на нем уже почти зажила. Тэюна старательно обмыла палец в ванночке с марганцовкой и забинтовала.

— Спасибо тебе, — поблагодарила старуха. — Но глаза исправлять ты все же поучись, обязательно поучись...

Когда старуха ушла, Тэюна улыбнулась ей вслед и озабоченно вздохнула.

— Да, надо учиться, ой как много надо учиться.

17

Ковалев стоял у здания кэрвукского аэровокзала, напряженно наблюдая за приближающимся самолетом, на котором летели его дочь и мать. Сергею Яковлевичу не верилось, что он увидит их через каких-нибудь несколько минут.

У него было такое ощущение, словно он стоял на пороге нового этапа в своей жизни. «Да, да. Теперь жизнь моя пойдет по-другому, — теперь рядом будут близкие, родные мне люди. Сегодня я уже, наверное, услышу смех маленькой Леночки... Конечно же, она чему-нибудь рассмеется, когда отдохнет от самолета. А может, ее укачало? Может, она заболела? Да и мама уже старенькая... Как они там?»

Описав круг над Кэрвуком, самолет зашел на посадку.

Ковалев с огромным трудом подавил в себе желание броситься навстречу самолету. Всего какая-нибудь минута теперь отделяла его от того момента, когда он, наконец, увидит дочь и свою мать. И в эту минуту, как бывало не раз, промелькнула вся его жизнь. Немало было красивого и светлого в его жизни. И самым светлым, конечно же, была она, Галина. «Какое это было бы счастье, если бы я увидел ее сейчас с Леночкой на руках. Вот совершилось бы чудо! Вышло бы так, что весть о гибели ее оказалась ложной, что вот она... Ну, успокойся, успокойся! Возьми себя в руки!» — призывал себя Ковалев.

Самолет, наконец, приземлился. Ковалев, опережая других встречающих, устремился к нему.

Открылась дверь. На трап вступил полный пожилой мужчина, с толстым портфелем в руках, за ним прошел старичок с седенькой бородкой.

«А вдруг их здесь нет! Вдруг почему-либо остались где-нибудь на другом аэродроме!»

Но вот Сергей Яковлевич замер. На трап вступила его мать, ведя за руку закутанную в белую пуховую шаль рослую девочку. Девочка сощурила серые глаза на яркий солнечный свет и громко спросила:

— Это уже все? Ты не обманываешь, бабушка?

И как встрепетнулось сердце Ковалева, когда он услышал этот голосок. Звонкий, певучий, он в одно мгновение ворвался в его жизнь, совершая в душе какой-то чудесный переворот.

Не чувствуя под собой ног, Сергей Яковлевич взбежал по трапу, протягивая руки матери. «Как она изменилась! Как постарела!» — промелькнуло в его голове.

Старушка всплеснула руками, окидывая сына жадным взглядом, что-то хотела сказать, но рот ее закрылся, а добрые, в густой сетке ласковых морщинок

глаза зажмурились, и тяжелые слезы покатались по ее щекам.

Ковалев подхватил на руки растерявшуюся девочку, удивленно поглядывавшую то на него, то на бабушку, и тихо сказал:

— Пойдем, мама.

Бережно нес по тропу Ковалев свою дочь, ведя за руку мать. Он чувствовал на себе десятки любопытных глаз, и ему страшно хотелось поскорее очутиться в своей квартире и уже там дать волю всему, что накопилось у него на душе.

Когда они ступили на землю, девочка насушилась, недоверчиво глядя на Сергея Яковлевича, и сказала, опустив глаза вниз:

— Я хочу к бабушке.

Это была вторая фраза, которую Ковалев впервые услышал от дочери.

— Леночка! — воскликнула мать Ковалева, вытирая концом платка глаза. — Это же твой папа!

Девочка кинула быстрый взгляд на лицо Ковалева, снова потупилась и упрямо повторила:

— Я хочу к бабушке.

— Леночка! — тихо позвал Ковалев. И в голосе его прозвучало что-то такое, от чего лицо девочки на мгновение просветлело, а в серых смысленных глазенках мелькнул ласковый луч доверчивой улыбки. Но это было только одно мгновение. И Ковалеву его было достаточно, чтобы он всем существом своим почувствовал: в его жизнь пришел новый друг. И это ему казалось настолько значительным, настолько полным огромного смысла, что он как-то внезапно успокоился и передохнул, как бы сказав себе: «Ну, все! Самое главное, чего я так ждал, — совершилось».

18

Для Гэмалы была самая горячая пора в его работе. Начинался отел оленей. «Сохранить по возможности весь приплод — вот наша задача!» — сказал он своим уполномоченным, ветеринарным врачам, зоотехникам, отправляя их в тундру по всем колхозам района.

Сам Гэмаль выехал в тундру январского колхоза. Не зная ни сна, ни покоя, он ездил от одной бригады к другой, проверял, верно ли выбрали места отела, достаточно ли они защищены от ветров, хорош ли там корм.

— У илирнэйцев попрежнему на три тысячи больше оленей, чем в вашем колхозе! — напоминал он январским оленеводам. — Догнать, обязательно надо вам догнать илирнэйцев!

Однажды у Гэмалы вышло так, что он не мог уснуть две ночи подряд. Прибыв в бригаду Майна-Воопки, он позавтракал и вдруг почувствовал, что его морит сон. Распластавшись на шкуре в шатре яранги бригадира, Гэмаль вскоре спал глубоким сном усталого человека. Проснулся он уже под вечер. Вскочив на ноги, заведующий райзо поспешно вышел на улицу, посмотрел на небо. Тень тревоги пробежала по его обветренному лицу: все вокруг предвещало пургу. На фоне багрового заката клубились мрачные лиловые тучи. Темнеющая гряда гор постепенно заволакивалась мглой. Стая воронов, словно пророка несчастья людям, покружилась над стойбищем и скрылась за вершиной ближайшей сопки.

— Так тепло было, так светло было и вот тебе — пурга! — досадливо промолвил Гэмаль. И вдруг заметил Майна-Воопку и Нояно, быстро шагавших от стада к стойбищу.

— Плохо дело! — издали крикнул Майна-Воопка. — Наверное, будет пурга, телята померзнут!

Гэмаль еще раз окинул взглядом горизонт, задумался.

— Вот что, собери-ка быстро всех людей, — обратился он к бригадиру. — Думать будем, как от беды уйти.

— А беда может случиться, — невесело промолвила Нояно, глядя на клубящиеся тучи.

Пастухи собрались немедленно.

— Долго мы говорить не будем, — сказал Гэмаль, оглядывая помрачневших пастухов. — Как видите, пурга наверняка будет, телята могут померзнуть.

— Да, пурга будет обязательно, — промолвил Ятто и, словно рассердившись на это скверное обстоятельство, яростно выбил о свой торбаз трубку.

— Что-то делать надо. Я так думаю, выход можно найти, — вдруг объявил Гэмаль. Пастухи оживились, с надеждой глядя на заведующего райзо, а Кумчу, безучастно сидевший где-то позади всех, вдруг встал на колени, недоуменно развел руками. Выражение его лица, казалось, так и говорило: «Какой же здесь может быть выход?»

— Немало живу на свете, но еще ни разу не видел, чтобы кто-нибудь останавливал пургу. А что можно другое сделать, в толк не возьму, — наконец произнес он.

Многие из пастухов неприязненно глянули на него. Им уже изрядно надоело, что Кумчу, после того как его сняли с бригадиров, всегда пытался итти наперекор бригаде. «Злой, завистливый человек», — говорили о нем в стойбище.

— Да, да. Каким телятам суждено погибнуть, те и погибнут. Такова судьба! — снова изрек Кумчу с видом предсказателя.

— Не должен погибнуть ни один теленок! — негромко, но властно сказал Гэмаль. — Вот слушайте, что я скажу. Я уже приметил, что у вас в стойбище есть три больших палатки. Сейчас же мы их поставим в стаде. Но этого мало. Мы сейчас же снимем половину яранг из стойбища и тоже поставим их в стаде. Только все это надо делать быстро, чтобы успеть до пурги.

— Хо! Быть может, мы станем все стадо важенок с телятами в яранги загонять? Может, и чайку вскипятим им? — насмешливо спросил Кумчу.

— А ты подумай, может догадаешься, зачем все это надо делать, — вступила в разговор Нояно. Кумчу и не взглянул на нее, словно не слышал ее замечания. Ветеринарного врача он не признавал попрежнему и старался выказать ей свое пренебрежение при любом удобном случае.

Пастухи молчали. И тут встал бригадир.

— Немедленно всем стойбищем отправимся в стадо важенок, — тоном приказа сказал он. — Там будем ставить палатки и яранги. Как только пурга начнется, будем выбирать самых слабых телят, заносить их в палатки и яранги. Трудно будет, это верно, но зато телят спасем. Так я понимаю слова Гэмалы.

— Верно, так ты понял мои слова, — подтвердил Гэмаль и встал. За ним поднялись и все остальные пастухи. Один Кумчу продолжал сидеть на месте.

— Разбирай свою яраңгу, Кумчу! — приказал Майна-Воопка.

— А ты лучше свою разбери, — неприязненно ответил тот.

— Я разберу!

— Ну, а я в своей яраңге переночевать думаю.

— Попробуй только! — угрожающе произнес Майна-Воопка.

Едва пастухи закончили установку в стаде яраңг и палаток, как началась пурга. Быстро наступала темнота. В шуме пурги еле слышались людские голоса, крики телят, важенок.

Резко наклонившись вперед, Майна-Воопка пробирался к ближайшей палатке. У входа в палатку он столкнулся с Гэмалем.

— Ай, пурга какая сильная! — громко сказал Майна-Воопка. — Лет десять уже не было такой в месяц отеда.

— Кумчу так и не пришел? — спросил Гэмаль.

— Нет! Пастухи все до одного в стаде, а он спит сейчас... в своей яраңге.

— Что думаешь делать с ним? — спросил Гэмаль.

Майна-Воопка закашлялся, хватаясь за грудь.

— Из колхоза выгонять его надо! Так все в бригаде моей уже говорят! — выкрикнул бригадир и, вынырнув из яраңги, скрылся в темноте. За ним вышел и Гэмаль.

С трудом преодолевая напор ветра, Гэмаль старался выходить на самый край стада, где легко можно было заметить замерзающего тельца. Руководствуясь своим натренированным, обостренным чувством следопыта, он безошибочно угадывал, где мечется в искуде важенка перед своим замерзающим детенышем.

Прижимая к себе дрожащего тельца, преодолевая усталость, Гэмаль бережно нес его в палатку. «Надо, чтобы все колхозы для оленеводов специальные палатки сшили вот на такой случай, — думал он, надеясь на то, что его опыт со спасением телят вполне может удасться. — А вот сидел бы сейчас в своем кабинете — ни за что до такого не додумался бы», — пришло ему в голову.

Споткнувшись о сугроб, Гэмаль упал и вдруг где-то совсем рядом услышал крик важенки. Быстро поднявшись на ноги, он бросился на крик и выкопал из-под снега второго тельца.

Вскоре он уже нес двух телят, часто спотыкаясь, падая и поднимаясь снова.

Нояно вместе с другими женщинами очищала в палатках и яраңгах телят от снега, пыталась рассмотреть при трепетном свете свечей, не слишком ли они обморожены.

— Торопитесь! Торопитесь! — порой тормозила она обессилевших пастухов, у которых уже подкашивались ноги, сплывали иссеченные снегом тяжелые веши. Пастухи вставали и снова скрывались в пурге.

На вторые сутки к полудню пурга утихла. Солнце быстро растопило нанесенный на обширные проталины снег. Снова запорхали стаи куропадок. Из норок высунулись суслики. Продрогшие измученные олени мирно дремали, пригретые солнцем. Пастухам не верилось, что всего час назад над долиной, залитой теперь солнечным светом, бушевала пурга.

Когда было выяснено, что ни один теленок не погиб, бригада собралась у палатки. Шумно переговариваясь,

пастухи смотрели, как важенки облизывают возвращенных им телят.

Нояно, усталая, но необыкновенно счастливая, наблюдала за стадом.

— Смотрите, вон та, с пятном, гонит от себя тельца! — воскликнула девушка и, забыв усталость, быстро пошла к важенке. За ней двинулась вся бригада.

Как ни пыталась Нояно с пастухами заставить важенку признать своего тельца, ничего не получалось. Важенка била тельца рогами, убегала от него. Теленок громко кричал и все тыкался своей красивой мордочкой в руки людей, чмокал губами: он хотел есть.

— Да что же это за мать! — вдруг рассердился Ятто и заарканил важенку. — Надо ее заставить. Надо повадить на землю и пустить к ней тельца!

— Ятто правильно сказал, попробуем, — согласилась Нояно.

Но важенка упорно не хотела узнавать своего тельца. Порой она громко кричала, озираясь вокруг тревожными глазами матери, потерявшей детеныша.

— Так она же ищет тельца, видите, какие у нее глаза, — почти в отчаянии промолвила Нояно. — А ну-ка давайте еще один способ попробуем! — вдруг предложила она. — Несите соль и воду, сейчас она привыкнет к своему ребенку.

Пастухи удивленно переглянулись.

— Иди и носи соль и воду, — предложил бригадир своему брату, еще не зная, зачем это нужно.

Воопка побежал в стойбище. Вскоре Нояно смочила тельца раствором поваренной соли.

Услышав запах поваренной соли, важенка потянулась к тельцу, принялась его лизать.

— Смотрите, лижет! — закричал Воопка.

— Вот так начнет соль с тельца слизывать, а потом и признает его, как бы дух его почувствует, — поясняла Нояно. — Это я в своих книгах вычитала, так якуты делают.

— Хорошо придумали, — заметил Гэмаль, наблюдая за важенкой. А важенка лизала тельца, и всем было уже видно, что она счастлива так же, как любая мать, нашедшая, наконец, своего ребенка.

— Ай, хорошо как! — хлопнул от радости о землю малахаем Воопка и, громко ударив в ладоши, вдруг, изогнувшись, ринулся на брата.

— Давай поборемся, Майна-Воопка! — кричал он, пытаясь ухватиться за его руки. Бригадир, смущенно улыбаясь, неуклюже отбивался от подвижного, юркого брата.

— Вот сумасшедшие, — заметила жена Воопки Кычав. — Целые сутки в пурге бродили, а теперь борются вздумали.

— Так его, так его! — тоненько выкрикивал Ятто сквозь смех, подбадривая маленького Воопку. — За ногу, за ногу хватай!..

Важенки с испугом оглядывались на расшумевшихся людей и уводили своих телят в сторону.

Долго пытели борцы. Наконец ловкий Воопка ухватил брата за ногу, резко поднял вверх. Очугившись в неустойчивом положении, Майна-Воопка упал. Это вызвало громкий хохот.

— Смотрите-ка, маленький Воопка победил большого! И вдруг кто-то из пастухов приглушенно воскликнул:

— Смотрите, Кумчу идет!

Все разом повернулись, всматриваясь в медленно ходившего Кумчу. Гэмаль переглянулся с бригадиром. «А ну, как они встретят его?» — подумал он, оглядывая суровые лица пастухов.

Кумчу подошел вплотную к молчавшим пастухам. По всему было видно, что он страшно смущен.

— Ну как... они... телята? — наконец спросил он, ни на кого не глядя.

— Ничего! — воскликнул Воопка. — Судьба у них оказалась хорошая! Совсем не такая, как ты говорил.

— Да я что... я так. А не пришел к вам, потому что сильно поясница болела. — Кумчу скривился, хватаясь за поясницу, застонал.

— Врешь, лживый человек! — сурово промолвил Майна-Воопка.

— Да, ты врешь, — подтвердил старик Ятто. — И от того еще противнее нам на тебя смотреть.

— Уходил бы ты из нашей бригады, что ли! — подал голос самый молодой пастух.

— Не только из бригады, из колхоза выгнать надо его! — подхватил еще кто-то.

«Хорошо! Очень хорошо! — мысленно отметил Гэмаль. — Это уже коллектив. Все они уже — как пальцы на одной руке, которые могут сжаться в кулак».

Кумчу, широко расставив ноги, исподлобья смотрел на пастухов. На лице его была и злоба и растерянность.

— Ну и что ж, я и сам уйду! — наконец выкрикнул он. — Олешков своих забери и уйду со своей ярангой!

— Ну и уходи! — ответил Майна-Воопка.

Кумчу круто повернулся и быстро пошагал прочь. А вдогонку ему неслись смех, злые шутки.

Когда Кумчу скрылся, Воопка указал пастухам на Нояно. Девушка, сидя на корточках, прижимала голову теленка к своему лицу и нашептывала ему на ухо что-то нежное, ласковое.

А солнце поднималось все выше и выше, обливая теплыми лучами тающий снег, прогревая твердую, как чугун, обнаженную на проталинах землю.

19

Чымнэ был в отчаянии. Отел оленей застал его неподготовленным.

— Все отвернулись от меня! Все в колхоз ушли! Даже мою собственную жену колхоз отобрал! — кричал он в бессильной злобе.

Еще более деспотичный, чем прежде, он не давал пощады Кувлюку. Пастух терпел, но иногда ему нехватало терпения. Он уходил подальше от хозяина и принимался ругать его самыми последними словами. Все чаще и чаще в такие минуты вспоминался ему давнишний разговор с секретарем райкома.

«Я знаю, многие олени люди янрайской тундры ненавидят меня, — размышлял пастух. — Но разве Чымнэ мне друг?.. За последнее время он совсем взбесился. Не могу я больше жить с ним».

В разгар отела на стадо Чымнэ напали волки. Половина стада разбежалась. Чымнэ долго бродил с Кувлюком по тундре, собирая оленей.

Доведенный до бешенства неудачей, Чымнэ приказал Кувлюку запрячь оленей и взять с собой винчестер. Когда олени были запряжены, Чымнэ долго сидел на нарте, о чем-то мрачно думая. По лицу хозяина Кувлюк догадался, что задумал он что-то недоброе. Медленно, по-бычьи повернув голову, Чымнэ приказал:

— Поедем!

Кувлюк нехотя тронул свою упряжку.

Долго скакали Чымнэ и Кувлюк по тундре. На коленях у Чымнэ лежал винчестер.

«Куда это он? — недоумевал Кувлюк. — Не к Мэвэту ли, чтобы вернуть домой жену и Аймынэ».

Не выдержав, Кувлюк робко спросил:

— Куда мы едем? К Мэвэту?

— Заедем и к нему, обязательно заедем! — мрачно отозвался со своей нарты Чымнэ. — Но сейчас первым на тропе нашей стоит Майна-Воопка!.. Сосед наш! — Чымнэ хрипло рассмеялся.

Кувлюк посмотрел в маленькие глаза хозяина, налитые кровью, и почувствовал, что скоро должно произойти какое-то несчастье.

— Что это... что ты хочешь делать? — сдавленным голосом спросил пастух, чувствуя, как его пробирает дрожь. Чымнэ долгим взглядом посмотрел ему в лицо и приказал:

— Привяжи оленей! Бери в руки винчестер! Вон видишь, Майна-Воопка оленегонную собаку обучает?

Лицо Кувлюка побелело.

— Ну, — двинулся на пастуха Чымнэ, страшный и неумолимый, наставляя на него винчестер...

Майна-Воопка и Воопка узнали гостей издали.

— Чего им здесь надо? — спросил Воопка.

— Подъедут, скажут, — равнодушно отозвался бригадир и снова нагнулся над своей оленегонной собакой.

— Смотри, они остановили оленей и к нам идут, в руках у Чымнэ винчестер.

— Винчестер? — спросил, разогнувшись во весь рост, Майна-Воопка.

И вдруг Воопка в один прыжок очутился впереди брата. Раздался выстрел. Воопка дернулся, вскрикнул, схватился за грудь и стал медленно опускаться на землю. Майна-Воопка обхватил брата руками, крепко прижал к себе.

— Ах вы, бешеные, вонючие волки! — тихо промолвил он, глядя дикими глазами на убегающих Чымнэ и Кувлюка.

Вскочив на нарты, Чымнэ и Кувлюк поскакали в горы. Чымнэ скакал впереди. Нахлестывая оленей, он страшно гикал, порой пугливо оглядываясь назад.

С пеной у рта коренной олень споткнулся, упал на колени. Чымнэ едва удержался на нарте. Приподнявшись, он обрушил на загнанное животное град ударов. Пристыженной рванулся в сторону, выворачивая копылья¹ налетевшей на камень нарты. Кувлюк, остановив своих оленей, смотрел на хозяина бессмысленными, остановившимися глазами.

Пнув загнанного оленя ногой, Чымнэ опустился на перекосенную нарту, вытер рукавом потное, красное лицо. Мгновение он сидел неподвижно, затем поспешно достал трубку, принялся раскуривать. Руки его дрожали. Он повернулся к Кувлюку, застывшему в неподвижности.

¹ К о п ы л ь я — вертикальные стойки нарты.

— На, покури, Кувлюк, — торопливо промолвил Чымнэ, протягивая трясающейся рукой трубку. Кувлюк не двинулся с места.

— Кого это мы... кажется, Воопку?.. Закрыв брата своего грудью. Зачем? — хриловатым голосом снова заговорил Чымнэ.

— Да. Ты убил маленького Воопку... ты убил человека, — медленно произнес Кувлюк, и собственный голос показался ему чужим и далеким.

...Женщины, мужчины, дети застыли в неподвижности, глядя на приближающегося бригадира. Майна-Воопка шагал широко и быстро, неся впереди себя на мугучих руках неподвижное тело брата. Губы у него были плотно сомкнутыми, а по суровому, каменному лицу бежали слезы.

И вдруг у яранги послышался тоненький плач. Это заплакала Кычав, жена маленького Воопки. Плач ее в одно мгновение подхватили все женщины стойбища.

— Он еще живой! — негромко сказал Майна-Воопка. — Запрягайте самых быстрых оленей. Сейчас повезу к угольщикам... там есть больница.

...А Чымнэ в это время торопливо перетягивал копылья своей нарты.

— Сейчас они будут ловить нас... ловить будут, — приговаривал он, бросая быстрые взгляды в сторону Кувлюка. — Надо было их обоих... тогда бы никто не узнал... Я тебе говорил, а ты... ты... Сердце у тебя, как у зайца. Думаешь, они тебя пощадят, да? Нет, Майна-Воопка видел... тебя со мной... Теперь обоих нас искать будут. Надо прятаться!..

Кувлюк, сидя на нарте, машинально собирал в кольца аркан. Он плохо слушал Чымнэ, но понимал, что тот говорил о страшном, невозможном.

«О, бешеный волк! убил человека! Убил человека! Он и меня убил, кажется... За что? Зачем все это? Почему я с ним?» — спрашивал себя пастух, все еще не в силах поверить, что это не сон.

— Почему молчишь! — вдруг донесся до сознания Кувлюка истопленный крик Чымнэ. Пастух вздрогнул, глядя на своего хозяина.

— Ты что, вонючий торбаз, наверное думаешь от меня в сторону уйти? — задыхался Чымнэ. — Нет! Не уйдешь. Вместе, слышишь, вместе мы будем теперь прятаться! Мстить будем! Завтра же и Майна-Воопку, и Тымнэро, и Мэвэта, вслед за Воопкой, в долину предков отправим! Всех! Всех их!..

На губах у Чымнэ выступила пена. Кувлюк смотрел на него и чувствовал, как закипает что-то горячее, удушающее.

— Встань! — закричал на него Чымнэ. — Встань сейчас же, вонючий торбаз! Видишь, у меня нарта набок перекосилась.

«Ах ты, волк злобный! Бешеный волк! — обругал его мысленно Кувлюк, крепко зажимая в руках аркан. — Сколько я от тебя натерпелся!.. Как собака, жил в твоём стойбище! Как грузовой олень, тащил твою упряжку... А теперь ты хочешь, чтобы я вместе с тобой людей убивал! За что? За что я убивать их буду? За то, что они умнее меня, честнее меня?.. За то, что давно ушли от тебя и человеческой жизнью живут?»

— Ну!.. Или ты забыл, кто тебе я? — кричал Чым-

нэ. — Уйти тебе некуда! Мы теперь с тобой на всю жизнь одним арканом связаны!

«На всю жизнь... арканом...» — повторил про себя Кувлюк и тут же громко выкрикнул, вскакивая на ноги:

— Нет такого аркана, который в конце концов не порвался бы!

— Что? — Чымнэ втянул голову в плечи. Мгновение они смотрели друг другу в глаза с лютой ненавистью.

— Ты... ты зачем всю жизнь обманывал меня? Ты почему убил человека? — хрипло спросил Кувлюк, отводя за спину собранный в кольца аркан.

— Ага!.. Вот ты как стал говорить со мной! — угрожающе проговорил Чымнэ и, круто повернувшись, побежал к своей нарте за винчестером.

Кувлюк взмахнул арканом и захлестнул им Чымнэ, как раз посредине туловища. Рванув к себе аркан, пастух опрокинул Чымнэ навзничь. Вскочив на колени, Чымнэ попытался раздвинуть туго затянутую петлю, с усилием сгибая в локтях руки. Кувлюк еще раз дернул аркан.

— Пусти! Отпусти меня! — захрипел Чымнэ.

— Нет, волк вонючий, не отпущу! За что убил человека?

Кувлюк повернулся, перебрал аркан на плечо и поволок за собой Чымнэ.

20

Айгинто должен был выехать в районный центр, поделиться опытом строительства в гундре с передовиками-колхозниками Кэрвужского района.

За день до отъезда он зашел к учительнице, чтобы спросить, не будет ли у нее каких-нибудь поручений в район. Оля передала председателю свою корреспонденцию в районо. Председатель попрощался с учительницей и вдруг на пороге столкнулся с Тымнэро и Аймынэ.

— Вот мы и приехали! — весело сказал Тымнэро, обращаясь к председателю. — Ты говорил, чтобы я к этому дню явился.

— Заходите! — встала со своего места Оля.

Тымнэро и Аймынэ зашли, уселись на стулья. Задержался и Айгинто.

Оля уже знала, что Тымнэро получил направление в округ на оленеводческие курсы.

— Значит, на оленьего специалиста едешь учиться?

— Еду! — всей грудью вздохнул Тымнэро. — А вот она, жена моя, в комсомол поступать приехала. Помнишь, ты писала, что Аймынэ пора на собрание ехать.

— А как же, помню, — сказала Оля. — Комсомольское собрание мы проведем сегодня же, чтобы и ты сумел побывать на нем.

— В Кэрвук завтра вместе уедем, — обратился Айгинто к Тымнэро. — А оттуда ты на самолете в Анадырь полетишь.

— На самолете! — воскликнул Тымнэро, невольно подымаясь со стула. — Ты слышишь, Аймынэ, на самолете! Аймынэ посмотрела на мужа любящими глазами и тихо сказала:

— Вот бы и мне когда-нибудь на самолете.

...Описав круг по небу, солнце чуть опустилось к горизонту и снова пошло по наклонной кверху. Яркие лучи его залили торосистое море. Самые причудливых форм

проталины, словно наполненные расплавленным золотом, слепили глаза. Море еще было сковано льдами, но все шире и шире становились трещины и разводья, все светлее зеленая морская вода.

Собаки Айгинто, пригретые солнцем, лениво бежали по талой, нартовой дороге. Айгинто не подгонял их. Сняв бухлянку, он повернулся к задремавшему Тымнэро, сидевшему позади него.

— Что, в сон клонит? — спросил председатель, подталкивая юношу. — Смотри не усни в самолете, а то так и не рассмотришь, какая она земля, когда на нее сверху глянешь.

— Нет, в самолете спать я не буду! — воскликнул Тымнэро, освобождаясь от дремы.

А весна пела свою приветливую песню, в которой можно было различить и радостные крики перелетных птиц, и мелодичный звон капель, и журчание ручейков, разьедающих лед.

Айгинто закрыл глаза, вслушиваясь в песню весны. Перед ним мелькали самые разнообразные картины из его жизни. Шюла, первый пойманный им песец, собрание, на котором он вступил в комсомол, и, наконец, тот день, когда он стал председателем. «Страшно было, — вспоминал Айгинто. — В тот день Омкар зачем-то из Илирнэя приехал, важный такой, настоящий председатель колхоза. А я что... мальчишка был. Он и смотрел тогда на меня, как на мальчишку. А сейчас... Ого! Сейчас он, как с равным, со мной разговаривает, совета спрашивает...»

Айгинто вспомнилось, как месяца два назад на одном из районных совещаний председатель илирнэяского колхоза беседовал с ним по поводу строительства в тундре.

— Обогнали вы нас, — сказал Омкар. — Мы не успели и опомниться, как...

— Что там обогнали, — застенчиво перебил Айгинто. — Просто район нам первым решил помочь.

— А почему вам первым? — спросил Омкар, подымая палец вверх. — Тут думать надо. Нам район тоже мог бы первым помочь, если бы мы готовы были. — Немного помолчав, Омкар добавил: — Но ничего, держись, Айгинто! В этом году и мы строить в тундре начнем, по-настоящему строить начнем! Смотри, как бы не перегнали!..

— Ну что ж, давай дальше силами меряться, — засмеялся Айгинто. — Кое в чем мы действительно вас уже перегнали, но во многом еще догонять надо. В оленеводстве например!

— Будем, Айгинто, меряться силой и дальше, — серьезно отозвался Омкар. — От этого нашим колхозам польза большая.

Бегут и бегут собаки, высунув розовые языки. Все сильнее припекает солнце. Айгинто представляет себе, как он будет выступать на районном совещании, с каким вниманием будут слушать его председатели колхозов всего района. Наступающая весна навевает на него что-то красивое, легкое, безоблачное.

И вдруг перед мысленным взором Айгинто встала Тимлю. Она смотрела на него чуть испуганными глазами и как бы спрашивала: «Ну что, что я сделаю, если не люблю тебя?»

«Да, да, что она сделает, если не любит меня», — подумал Айгинто, вслушиваясь в неумолчный звон капель.

И тут ему вспомнилось, как совсем недавно, когда шел к залому, чтобы проверить запасы заготовленного леса, он встретил сидевших у маяка Тимлю и счетовода Эттына. Он заметил их гораздо раньше, чем они его. Айгинто остановился изумленный, не веря своим глазам. Застенчивая, ласковая, Тимлю все смогрела и смотрела на Эттына, не переставая улыбаться. А юноша, чем-то возбужденный, жестикулировал, указывая куда-то в море, смеялся.

«Чего это они здесь вдвоем?» — спросил тогда себя Айгинто. У него возникла мысль обойти их как-нибудь стороной, но кто-то второй в нем, упрямый и взвинченный, толкал его подойти вплотную к Тимлю и Эттыну, чтобы немедленно во всем разобраться, чтобы понять этот странный, совсем для него неожиданный случай. Обуреваемый ревностью, он пошел на Тимлю и Эттына, с каждым мгновением убыстряя шаг, словно намерен был предотвратить катастрофу.

Увлеченные своей беседой, Тимлю и Эттына заметили Айгинто совсем уже рядом. Оба страшно смуглились. Криво усмехаясь, Айгинто справился о здоровье Эттына и, втянув голову в плечи, быстро пошел к залому, с трудом подавляя в себе желание оглянуться назад.

«Глупо получилось, — вспоминал сейчас Айгинто. — Надо было стороной обойти, не надо было на глаза им показываться. Может, они и полюбили друг друга, что ж тут такого? Должна же Тимлю кого-нибудь полюбить. А может, они там случайно встретились? Может, здесь что-нибудь другое? Ведь Тимлю гораздо старше Эттына. Он совсем еще мальчик», — с робкой надеждой подумал Айгинто.

Тымнэро опять задремал. Погруженный в свои мысли, Айгинто не сразу заметил, как остановились разморенные жарой собаки. Соскочив с нарты, он растолкал собак, поправил на их израненных лапках кожаные чулочки и снова сдвинул с места нарты. Ободренные, собаки дружно побежали. Айгинто побежал рядом, перескакивая через лужицы, ослеплявшие расплавленным золотом солнца.

Ничего! Он, Айгинто, переживет, он стиснет зубы и все переживет. Нет, он не станет больше с мольбой заглядывать в глаза Тимлю. Разве одна только лишь Тимлю такая хорошая на свете! Встретит другую девушку.

А кто-то второй, угрюмый и упрямый, нашептывал в нем под звон весенней капели: «Такой, как Тимлю, наверное, ты не найдешь. Терпи, может, взойдет еще твое солнце, может, глянет она на тебя такими глазами, что ты навсегда забудешь, как долго ждал этого взгляда, как мучался».

Стойбище бригады Майна-Ворпки стояло у реки, как раз в том месте, где намечалось строительство поселка. Лед с реки уже ушел. Тундра подернулась тонкой нежной зеленью. Наступало лето.

Сквозь дырочки закопченной яранги пробивались золотые полосы солнечного света. Старик Ятго чинил свой аркан. Рядом сидел Журба.

— А это верно, — спросил старик, — что дома наши будут особенными, что собирать и разбирать их можно будет, как ярангу?

— Ты правду говоришь. Весь ваш поселок намечено строить из сборных домов, — подтвердил Журба.

Где-то вверху, очень близко, послышалось журавлиное курлыкание. Ятто поднял голову, прислушался.

— Над самой нашей ярангой летят...

Ятто не по-стариковски легко вскочил на ноги, выбежал на улицу. Владимир вышел вслед за ним. Журавлиная стая, курлыкая, пролетела низко, над самым стойбищем. Ятто, привстав на цыпочки, потянулся вверх, словно готовясь взлететь за стаей. Все тише и тише становилась журавлиная песня, пока, наконец, совсем не растаяла в светлом небе. Ятто повернулся к Владимиру.

— Примета есть у нас: если услышишь журавлиную песню прямо над ярангой, значит хорошим гостям быть. Значит, придет катер с хорошими людьми. Давно их ждем.

Катер пришел в полдень. Гостей приехало столько, что Ятто мгновение стоял ошеломленный, отказываясь верить глазам.

— О, секретарь прибыл! — воскликнул старик, заметив среди множества людей легкую фигуру Ковалева. — Гэмаль, и Айгинто, и учительница Оля тоже прибыла. Кажется, и Анкоче с ними! Ай, старый дед! Какой гость дорогой!.. Хо! Какие-то незнакомые русские!.. А это кто в сторону отошел? Кувлюк? Да, да, Кувлюк! Значит, его отпустили?

Ятто быстро засеменял навстречу гостям, направляясь прежде всего к Сергею Яковлевичу.

— Журавли сегодня своим голосом о дорогих гостях мне сказали! — еще издали закричал Ятто, протягивая Ковалеву руку.

— Здравствуй, Ятто. Как живешь? Каменный дьявол уже не встает на твоем пути? — спросил Сергей Яковлевич. Ятто смущенно переступил с ноги на ногу и, энергично махнув рукой, сказал:

— Погиб Каменный дьявол. Забыл я о нем, навсегда забыл!

— Костры разжигайте! — послышался густой, сильный голос Майна-Воопки. — Встречайте дорогих гостей хорошей пищей и чаем!

— Проведи меня, Ятто, в ярангу к жене Воопки, — попросил Ковалев. — И передай всем счастливую весть: Воопка сейчас находится в Анадыре, в окружной больнице. Скоро домой вернется!

— Скоро вернется домой?! — переспросил Ятто и, вытянув вперед руку, почти закричал: — Вон она, Кычав, жена Воопки! Скорей сообщи ей эту весть! Сам сообщи! Дорогой гость с вестью хорошей — счастье для хозяев.

Зажимая подмышкой сверток с подарками для маленькой Гали, Ковалев поспешил к жене Воопки, а Ятто быстро пошел к ярангам.

— Слушайте, люди, счастливую новость! Воопка совсем здоров! Воопка скоро вернется домой! — кричал старик, радуясь, что именно он является глашатаем доброй вести.

Когда Ковалев вышел из яранги, на обширной поляне будущей строительной площадки уже горели яркие костры. Мужчины и женщины сушили у костров, закрепляя над ними закопченные котлы для оленьего мяса. До трех десятков людей выгружали с кунгаса щиты первого разборного дома, изготовленного по проектам дальстроевских пионеров в Кэрвукке.

— Что ж, завтра надо будет продемонстрировать перед всем народом установку нашего дома, — сказал Сергей

Яковлевич, подходя к Гэмалю и Айгинто. — Пусть народ внимательно посмотрит, свои замечания скажет. Нам это очень пригодится. А сегодня займемся другим делом: посмотрим здешнее стадо. Покажем товарищам из края, какие у нас олени.

После короткого отдыха гости вместе с хозяевами пошли осматривать стадо. Неуклюжие телята терлись возле своих матерей. Важенки подозрительно косились на людей, отходили в сторону, часто оглядываясь, — не отстают ли телята.

— Значит, у вас таких семь стад? — обратился инструктор крайкома партии к председателю колхоза.

— Да. Одно из них племенное, — с гордостью ответил Айгинто.

— Колхоз «Быстроногий олень» уже миллионером в районе называют, — сказал Ковалев, обращаясь к инструктору. — Таких колхозов у нас теперь два. И еще будут.

Гости и хозяева продолжали осмотр стада. По склонам гор, по речной долине паслись сотни оленей. Мясные быки с огромными ветвистыми рогами с налету били других оленей. Одни олени уходили прочь от облюбованных мест, другие поворачивались к обидчикам, принимая бой. Рога оленей переплетались, большие, круглые глаза наливались кровью. Слышалось тяжелое, яростное дыхание, летели клочья тонкой кожицы, покрывавшей рога.

Айгинто собрал для броска аркан, метнул его в борющихся оленей. Конец аркана хлестнул крупного пятнистого быка по спине. Олени разбежались в разные стороны, но через минуту снова сошлись, встали на дыбы, ударили копытами друг друга в грудь, переплелись рогами.

Кувлюк шел в группе оленеводов, чутко прислушиваясь ко всему, что творилось вокруг, на худом лице его было сложное выражение радости, смущения и горечи... Казалось, что он только теперь понял, сколько лет настоящей жизни протекло мимо него. «О, проклятый Чымне! Собакой я у твоего стада жил! Зачем? Почему? Кто меня заставлял?» — спрашивал он себя. Осматривая жадными глазами стадо, Кувлюк поглядывал на гордых, полных достоинства пастухов бригады Майна-Воопки, и ему казалось, что он не выдержит и закричит: «Люди! Возьмите меня к себе! Я хочу быть с вами! Я не могу больше без вас!»

И вдруг ему пришла тревожная мысль: «А что, если не возьмут?.. Если не примут в колхоз?»

Кувлюк быстро осмотрелся. Ему страшно хотелось получить ответ на свой тревожный вопрос именно сейчас, немедленно; казалось, что если он не получит ответа, он уже не сможет дышать, не сможет жить!

Рядом с Кувлюком семенил старик Анкоче. Радуясь тому, что он нашел в себе силы совершить такое важное путешествие, старик бодро вскидывал посох, с любопытством озираясь по сторонам.

— Послушай, старик, как думаешь, в колхоз меня примут? — неожиданно обратился к нему Кувлюк. Анкоче остановился, внимательно посмотрел в лицо пастуха, в котором застыло напряженное ожидание, затем снял малахай, почесал ногтем лысину и уверенно ответил:

— Обязательно примут. Давно тебе надо было подумать об этом. Я знаю, как ты жил. Старик Анкоче все видит, все знает.

Кувлюк облегченно вздохнул и еще раз обинул взгля-

дом веселых, шумно переговаривающихся людей, и вдруг он заметил Аймына, идущую рядом с матерью Тымнэро. Кувлюк замер. Что-то испуганное появилось в его вспыхнувших глазах. «Сколько лет я тебя ждал, проклятая женщина, и ты все же ушла от меня, навсегда ушла. — От этой мысли Кувлюку стало нестерпимо обидно. — Почти до старости дожид, а ни жены, ни детей нет!»

Кувлюк снова глянул на Аймына и, закрипев зубами, отвернулся в сторону.

После осмотра стада все направились в стойбище, где еще полыхали костры гостеприимных хозяев. Оля и Нояно, окруженные шумной толпой детишек, предводительствуемых Оро, задержались в стаде. Мальчики и девочки, перебивая друг друга, громко рассказывали, как они ухаживают за телятами, как любят их. Оля и Нояно слушали сразу всех, звонко смеялись вместе с детьми.

И вдруг в небе послышался гул самолета. Дети сразу умолкли, глядя на небо.

— Вон он! Над сопками! — закричал один из мальчиков.

Приложив руку козырьком ко лбу, Оля безотрывно наблюдала за самолетом.

— Сюда! Прямо сюда летит! — закричали дети.

Самолет, резко снизившись, пролетел над стойбищем. Люди около костров приветливо махали руками, подбрасывали вверх шапки, малахай. Сделав круг, самолет снова пролетел над стойбищем и взял курс на запад. Оля долго наблюдала за самолетом, пока он не растаял в прозрачном, безоблачном небе.

Глубоко вздохнув, Оля снова подседа к ребятам.

— К нам Журба бежит! — воскликнул Оро, глядя в сторону стойбища. Оля повернулась и действительно увидела бегущего Журбу.

— Оля! Тебе письмо! Это Гивэй пролетел, — закричал он еще издали, подымая над головой пакет.

Оля побежала навстречу Журбе.

— Вот... Бери... — перевел дыхание Владимир. — Пролетел и сбросил пакет. Читай, что в нем написано: «Оле от Гивэя, брата Крылатого человека».

Выхватив пакет, Оля отошла, нетерпеливо вскрыла его. Владимир многозначительно подмигнул Нояно. Оба улыбнулись.

*Хабаровск — Москва.
1945—1953 гг.*

— Ну, а мы — в стойбище! — обратился Владимир к детям, с чрезвычайным любопытством наблюдавшим за учительницей. — Кто быстрее?..

Мальчики и девочки бросились вперегонки к стойбищу. К их общему восторгу, вместе с ними побежал и Владимир. Немного подумав, пошла к стойбищу и Нояно. «Пусть побудет Оля одна, она мне потом все расскажет», — рассудила девушка.

...Оля продолжала стоять на небольшом холмике, покрытом зеленой травой, задумчиво глядя на синие вершины сопок. В руках у нее было письмо Гивэя. Мимо нее по берегу небольшой речонки прошли Ковалев и Гэмаль. Заметив девушку, они направились к ней.

— Что с вами? Почему одна?.. В такой день!

— Письмо, Сергей Яковлевич, получила, — девушка чуть грустно улыбнулась. — Гивэй в Янрае садился... а я... вот тут...

— Брат Крылатого человека! — с особым значением произнес Гэмаль.

— Не только брат, — возразил Ковалев, — у него и у самого выросли крылья!

Оля сложила письмо вдвое, вчетверо, потом сказала как-то легко и просто:

— Знаете... Я скоро выхожу замуж за Гивэя.

Ковалев и Гэмаль переглянулись и наперебой стали поздравлять девушку.

— Ай, здорово! На свадьбу позвала бы! — воскликнул Гэмаль.

— Обязательно!.. И тебя и Тэюнэ!.. И вас, Сергей Яковлевич, тоже, — добавила она, сдержанно дотрагиваясь до рукава его гимнастерки. Глянув в сторону стойбища, Оля вскинула руку. — Смотрите, красный флаг поднимают!

— Это значит, что стойбище объявляет праздник нового очага, — с задумчивой улыбкой промолвил Гэмаль.

Все трое долго молчали, глядя на флаг, полыхавший над стойбищем непотухающим пламенем. Тихо было кругом. Неусыпное солнце плыло над чукотской землей. Голубоватые вершины сопок, словно расплавленные, растеклись в струящемся мареве.

В край вечной мерзлоты входило лето.

Конец

Редактор *А. Егоров*

Подписано к печати 11/IV 1953 г. А-00150. Тираж 500 000. Бумага 84×108¹/₁₆ = 2,75 бум. л.—9,02 печ. л. Учетно-авт. л. 13,88. Заказ № 553.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького Союзполиграфпрома Главиздата
Министерства Культуры СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вышли из печати:

РУССКАЯ СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Билль-Белоцерковский В. Н. Избранное.

М. 400 стр. 7 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Монотонность. Пять долларов. Три бифштекса с приложением. Пощечина. Простой пациент. Хороший урок. Две жизни. Яма. Среди койотов. В джунглях Парижа и другие рассказы. — Пьесы: Шторм. Голос недр. Вокруг ринга.

Замойский П. И. Подпасок. Повесть.

М. 296 стр. 6 р. 15 к.

Иванов В. В. Пархоменко. Роман.

М. 580 стр. 10 р. 60 к.

Лукин М. К. Стихотворения и поэмы.

М. 279 стр. 8 р. 70 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Автобиография. — Стихотворения. — Поэмы: Рабочий день. Дорога к миру.

Мальшикин А. Г. Люди из захолустья. Роман.

Иллюстрации Н. Шеберстова. М. (библиотека советского романа.) 369 стр. 7 р. 65 к.

Новиков-Прибой А. С. Рассказы.

М. 128 стр. 1 р. 55 к.

СОДЕРЖАНИЕ: В бухте «Отрада». Бойня. Одобренная крамола. По-темному. Рассказ бойманмат. Подарок. Певцы. Судьба.

Сейфуллина Л. Н. Повести и рассказы.

М. 383 стр. 7 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Виринея. Александр Македонский. Перегной. Правонарушители. Совершенство. Певец. Саша. На своей земле. Человек.

Серафимович А. С. Рассказы.

М. 200 стр. 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ: На плотах. Стрелочник. Маленький шахтер. Семиплур. Инвалид. Сцепщик. Ледоход. На берегу. В бурю. Зяц. Бомбы. Похоронный марш. Сопка с крестами. Зарева. У обрыва.

Фурманов Д. А. Повести и рассказы.

М. 128 стр. 1 р. 70 к.

СОДЕРЖАНИЕ: В восемнадцатом году. Красный десант. Пилюгинский бой. Маруся Рябинина. Товарищ М. В. Фрунзе под Уфой. Лыбиденская драма. На Черном Ереке.

Шолохов М. А. Поднятая целина. Издание исправленное.

М. 332 стр. 6 р. 70 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Вышли из печати:

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СССР

Васильченко С. В. Избранное. Повести и рассказы.

Перевод с украинского. М. 496 стр. 7 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Мужичья арифметика. На чужбине. На хуторе. Васильки. Мороз. Забытая легенда. Возле школы. Над Росью. Талант. С самого начала. Цыганка. Дождь. Басурман. Мужичий ангел. Свекор. — Широкий путь. Часть I. В бурьяне. — Чайка. Осенний эскиз. Фиалки. Лесная новелла. На калиновом мосту. Осенняя сказка. Голод. Приблудыш. Альый вечер. Авиационный кружок. Оловянное колечко.

Керашев Тежбот. Дорога к счастью. Роман.

Авторизованный перевод с адыгейского. М. 296 стр. 6 р.

Кудаш Сайфи. Стихотворения и поэмы.

Перевод с башкирского. М. 224 стр. 5 р. 50 к.

Кулешов А. А. Стихотворения. Баллады. Поэмы.

Перевод с белорусского. М. 376 стр. 10 р. 55 к.

Лорджипанидзе К. А. Заря Колхиды. Роман. — Горийская повесть. — Бес-
смертие. Рассказы.

Авторизованный перевод с грузинского. М. 344 стр. 6 р. 85 к.

Мирный Панас. Избранное.

Перевод с украинского. М. 272 стр. 4 р. 20 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Лиходен. Пьяница. Горе давнее и нынешнее. Сон. Случай с «Кобзарем». Лымеривна (драма).

Нагнибеда Н. Л. Стихи.

Авторизованный перевод с украинского. М. 128 стр. 4 р. 40 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Стихотворения. — Баллады. — Поэма «Правый берег».

Стельмах М. А. Большая родня. Роман-хроника.

Издание исправленное и дополненное. Авторизованный перевод с украинского.

Книга I. На нашей земле. М. 560 стр. 10 р. 55 к.

Книга II. Великое испытание. М. 496 стр. 9 р. 50 к.

Танк Максим. Стихи. — Сказки. — Поэмы.

Авторизованный перевод с белорусского. М. 408 стр. 9 р. 45 к.

Туманян Ованес. Избранные произведения.

Перевод с армянского. М. 332 стр. 6 р. 85 к.

Франко И. Я. Повести и рассказы.

М. 628 стр. 11 р. 80 к.

СОДЕРЖАНИЕ: В поте лица. Рассказы. — Из «Бориславских рассказов». — Повести: Удав. Борислав смеется. Ради семейного очага. — Сатиры.

Шамякин И. П. Глубокое течение. Роман.

Авторизованный перевод с белорусского. М. 296 стр. 6 р. 10 к.

Шжуул Юхан. Стихотворения. — Поэмы.

Авторизованный перевод с эстонского. М. 144 стр. 4 р. 75 к.

63
МОХАЙСКОЕ ПОССЕ
74.92 кв. 57
РОМАШСВОЙ К. К
Я 1.12 РОМАН